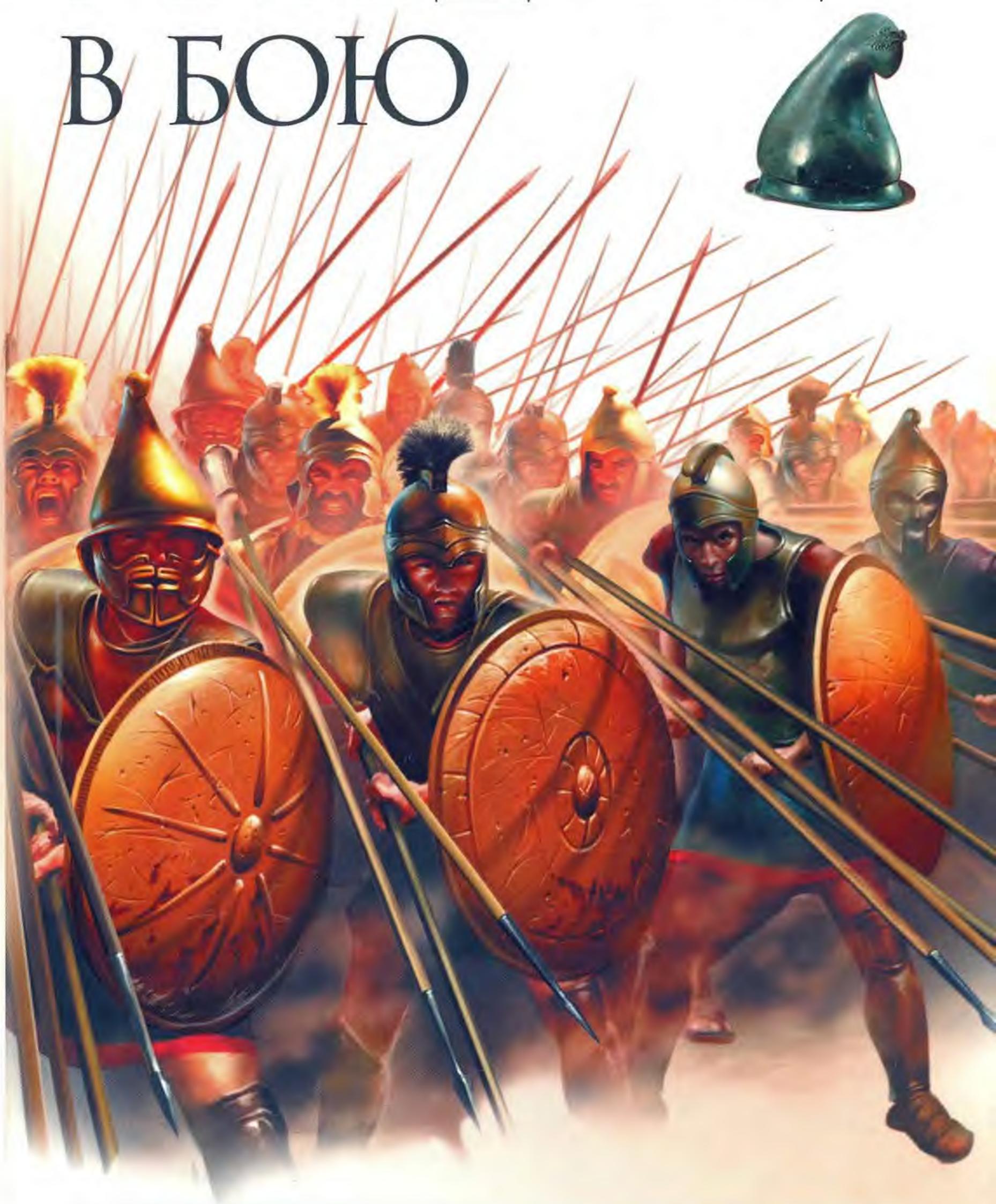

МАКЕДОНЦЫ В БОЮ

МАКЕДОНЦЫ В БОЮ

ИГОРЬ ШАУБ, ВЛАДИМИР АНДЕРСЕН

Войны мечей

ИГОРЬ ШАУБ, ВЛАДИМИР АНДЕРСЕН

МАКЕДОНЦЫ В БОЮ

Москва
«ЯУЗА»
«ЭКМО»
2010

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	5
ГЛАВА 1	
СТАНОВЛЕНИЕ МАКЕДОНСКОЙ ДЕРЖАВЫ	8
МАКЕДОНИЯ ДО ФИЛИППА II	8
ВОЕННАЯ РЕФОРМА ФИЛИППА	18
ВОЗВЫШЕНИЕ МАКЕДОНИИ ПРИ ФИЛИППЕ II	30
ГЛАВА 2	
АЛЕКСАНДР ВЕЛИКИЙ	51
ВОЦАРЕНИЕ АЛЕКСАНДРА	51
АРМИЯ АЛЕКСАНДРА ВЕЛИКОГО	70
БИТВА ПРИ ГРАНИКЕ	84
ЗАВОЕВАНИЕ МАЛОЙ АЗИИ	92
БИТВА ПРИ ИССЕ	104
ОСАДА ТИРА И ГАЗЫ. ПОКОРЕНИЕ ЕГИПТА	117
БИТВА ПРИ ГАВГАМЕЛАХ	129
СРЕДНЕАЗИАТСКИЙ ПОХОД АЛЕКСАНДРА	145
ИНДИЙСКИЙ ПОХОД АЛЕКСАНДРА	176
ВОЗВРАЩЕНИЕ И СМЕРТЬ АЛЕКСАНДРА	208
ГЛАВА 3	
РАСПАД ДЕРЖАВЫ АЛЕКСАНДРА И ВОЙНЫ ДИАДОХОВ	218
АРМИИ ДИАДОХОВ	218
ВОЙНЫ ДИАДОХОВ	241
ВОЙНЫ ЗА МАКЕДОНИЮ	257
ФИЛИПП V И ВОЙНЫ С РИМОМ	269
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	285
ОСНОВНЫЕ ДАТЫ (гг. до н. э.)	289

МАКЕДОНЦЫ В БОЮ

СПИСКИ МАКЕДОНСКИХ ЦАРЕЙ	297
ИСТОЧНИКИ	300
КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ	301

ВВЕДЕНИЕ

Этноним «македонец» – еще в сочетании со словом «бой» – сразу вызывает невольную ассоциацию не с населением современного государства Юго-Восточной Европы, но с доблестным народом, который под руководством величайшего полководца древности Александра III Великого создал одну из крупнейших империй в истории человечества.

Ярчайшая история походов Александра нашла разностороннее отражение в многочисленных литературных сочинениях уже современников великого завоевателя. Однако эти труды известны лишь в пересказах или, в лучшем случае, в цитатах, сохранившихся в сочинениях позднейших авторов.

В конце XIX в. немецкими историками была разработана концепция о существовании двух восходящих к современникам Александра традиций. Первая – достоверная, основанная на воспоминаниях участника похода: Птолемея Лага (будущего царя Египта Птолемея I) и архитектора Аристобула, на которую опирался Арриан (II в. н. э.) в своем «Походе Александра» (самом надежном из имеющихся в нашем распоряжении описаний этого похода¹). Вторая, так называемая «Вульгата» – широко

¹ Если некоторые современные исследователи (например, Ф. Шахермайр) сомневаются в правильности общей концепции отношения Арриана к Александру, то даже они не подвергают сомнению точность его сведений, когда речь идет об организации армии, маршрутах и т. п.

распространенная, но весьма сомнительная версия¹. К «Вульгате» восходят самые популярные истории похода Александра, написанные в римское время: XVII книга «Исторической библиотеки» Диодора Сицилийского (I в. до н. э.), «История Александра» Квинта Курция Руфа (I в. н. э.), сделанное Юстином (II–III в. н. э.) «Извлечение» из «Всеобщей истории» Помпея Трога (конец I в. до н. э. – начало I в. н. э.). Частично на эту версию опирается Плутарх (I–II в. н. э.) в своем жизнеописании Александра.

Гораздо меньше, чем о деяниях Александра, мы осведомлены о перипетиях бесчисленных войн, которые вели между собой диадохи (букв. «наследники») и эпигоны (букв. «родившиеся после»), т. е. полководцы Александра и их потомки. Так, если мы располагаем подробным описанием истории войн наследников Александра до 302 г. до н. э., содержащееся в XVIII–XX книгах «Исторической библиотеки» Диодора Сицилийского, а также в плутарховых биографиях ряда выдающихся деятелей эллинистической эпохи (Эвмена, Деметрия, Пирра и др.), то для периода с 281 по 221 г. до н. э. в нашем распоряжении нет связной истории эллинистического мира, если не считать весьма краткого юстинового конспекта «Истории» Помпея Трога². К счастью, сохранились книги «Всеобщей истории» великого греческого историка Полибия, излагающего историю эллинистических государств с 221 по 146 г. до н. э. Кстати, Полибий прекрасно разбирался в военном деле и, в частности, оставил нам подробное описание знаменитой македон-

¹ Официальным историографом похода был философ-перипатетик Каллисфен, составивший «Деяния Александра», патетический рассказ в духе панэллинизма, который охватывает события до битвы при Гавгамелах. Переработанная версия сочинения Каллисфена и легла в основу «Вульгаты», составленную Клитархом в конце IV в. до н. э. Различные невероятные истории о походах Александра собрал в своем труде «Об Александре» Онесикрит, бывший главным кормчим во время возвращения македонской армии из Индии. Известные нам рассказы о подробностях придворной жизни македонского царя восходят, вероятно, к труду Харета из Митилены «Истории об Александре».

² Таким образом, события середины III в. до н. э. являются одним из наиболее темных периодов античной истории.

ской фаланги, которую видел своими глазами (XVIII, 29–31). Яркое и подробное описание войн Македонии с Римом (по 168 г. до н. э.) содержится в «Истории Рима от основания города» Тита Ливия. Ряд важных фактов из истории эллинизма содержится также в сохранившихся фрагментах «Истории после Александра» Флавия Арриана, биографии Эвмена, составленной Корнелией Непотом, «Географии» Страбона и в «Описании Эллады» Павсания. Важнейшими источниками по тактике и стратегии македонских полководцев являются «Военные хитрости» Секста Юлия Фронтиня (I в. н. э.) и особенно «Стратегемы» Полиэна (II в. н. э.).

Несмотря на сравнительное обилие сведений о деятельности Филиппа II, создателя македонской регулярной армии, заложившей основы могущества Македонии, содержащееся в дошедших до нас античных источниках – речах Демосфена и других афинских ораторов, трудах Диодора (XVI книга «Исторической библиотеки»), Юстина, биографиях Плутарха – подробности его реформ и военных кампаний в значительной степени остаются нам неизвестными¹. Еще менее мы осведомлены о деятельности непосредственных предшественников Филиппа, а первые македонские цари известны нам только по именам.

Таким образом, объективное состояние источников обязывает авторов данной книги сосредоточить свое основное внимание на походах гениального полководца Александра Великого, деяния которого кардинально изменили ход мировой истории. Подробно рассказывается также о военной деятельности Филиппа II, сумевшего под своим началом объединить Грецию и создать почву для завоеваний своего сына. О судьбе македонской армии после распада державы Александра речь идет преимущественно в связи с историей собственно македонского государства, поскольку армии прочих эллинистических монархий – тема особая.

¹ Отчасти свет на подробности военной деятельности Филиппа II проливают археологические источники.

СТАНОВЛЕНИЕ МАКЕДОНСКОЙ ДЕРЖАВЫ

МАКЕДОНИЯ ДО ФИЛИППА II

Македония, как и Греция, в течение очень долгого времени не была политически единой. В географическом отношении эта страна на севере Балканского полуострова достаточно четко делится на две части: Нижняя Македония расположена в прибрежной равнине; эту равнину со всех сторон, кроме восточной, окружают холмы. За холмами лежит обширное плато Верхней Македонии, состоящее из нескольких областей. Верхняя Македония, в свою очередь, окружена (за исключением восточной части) высокими горными хребтами.

Нижняя Македония обладала плодородными землями, где население в основном занималось сельским хозяйством; Верхняя Македония – преимущественно скотоводческая область с небольшими территориями обрабатываемых земель.

Этническая и языковая принадлежность македонян является предметом жарких споров историков и лингвистов. По господствующему в науке представлению, македоняне, в значительной степени смешавшиеся с соседними фракийскими, иллирийскими и фессалийскими племенами, были близки к грекам, в то время как маке-

до прибрежной равнины Нижней Македонии, которые стали называться македонским царством. Этот народ и был предками македонян классической эпохи, поклонявшихся греческим богам, прежде всего Зевсу и Гераклу, к которому возводили свой род македонские цари (Аргеады). Цари правящей династии области Линкестиды в Верхней Македонии считали себя потомками Бакхиадов, могущественного аристократического рода, вынужденного бежать из Коринфа ок. 657 г. до н. э. Правители Македонии и их ближайшее окружение, несомненно, хорошо знали греческий язык. Естественно, «говорили они и на языке своего народа, македонском, который содержал древнейшие греческие слова, но был непонятен для современных ему греков, и сами они в целом себя таковыми не считали», – отмечает виднейший специалист по истории Македонии Н. Хэммонд.

Македонские цари, по традиции, претендовали на власть и над областями Верхней Македонии, но ещё в V в. до н. э. эта власть отличалась весьма архаическими чертами¹, напоминающими характер правления гомеровских царей². Отдельные племена, числившиеся в номинальном подчинении Македонии, имели собственные династии (остатки этой независимости сохранялись вплоть до Филиппа II) и служили македонским царям только на войне. Тем не менее благодаря

¹ Крупнейший историк эллинизма И. Дройзен так говорит о македонском обществе: «Здесь существовали обычаи весьма старинного склада. Кто не убил еще ни одного врага, должен был ходить подпоясанный недоуздом; Кто не убил еще ни одного кабана в открытом поле, не имел права возлежать на пиру, но должен был сидеть; при похоронах дочь умершего должна была тушить костер, на котором был сожжен труп; существует рассказ, что трофеи первой победы, одержанной Пердиккой над туземными племенами, были по воле богов в течение ночи опрокинуты львом в знак того, что тут не враги побеждены, а приобретены друзья, и с тех пор у македонян так и осталось обычаем не воздвигать трофеев по случаю победы над врагами; этого не делали ни Филипп после дня при Херонее, ни Александр после побед над персами и индусами».

² Македонское общество долго сохраняло следы т. н. военной демократии; большое значение здесь имела общая сходка войска, которая выносила смертные приговоры за преступления, рассматривала вопросы войны и мира и даже решала проблемы престолонаследия.

МАКЕДОНЦЫ В БОЮ

этому Фукидид считал области Верхней и Нижней Македонии единым царством – Македонией. Вот как описывает особенности этого государства Н. Хэммонд:

«Власть в нем принадлежала “наследственным царям с четко обозначенными прерогативами”, аналогичными тем, что существовали в век героев в микенской Греции. Традиционно царь, происходивший из дома Аргеадов, избирался на престол македонским народом и становился олицетворением государства. Его имя вместо названия государства ставилось на дипломатических документах и чеканилось на монетах, выпуск которых начался после Персидских войн. Он владел всеми землями, осуществлял верховное командование на войне, был судьей, жрецом и казначеем и во время поездок за границу мог передавать свою власть заместителям. Обвинения царя в измене передавались на суд македонскому народу, который мог проголосовать за смещение царя. Македоняне сами служили царю на войне и во время мира, платили налоги как арендаторы его земель и исполняли другие обязанности. Так как они делились на племена, знать каждого племени имела особые «родственные связи» с царем и особый статус. Из них царь выбирал себе товарищей (гетайров). В мирное время они заседали в царском суде, а на войне сражались бок о бок с царем, точно так же храня ему верность, как мирмидоняне были верны Ахиллу во время Троянской войны. Из гетайров царь набирал свой совет. В социальном отношении македоняне мало чем отличались от своего царя. Они одевались так же, как он, и могли говорить с ним без всяких церемоний.

В IV в. до н. э. государственные институты Македонии имели больше сходства с институтами эпирской Молоссии, Иллирии, Пеонии и Фракии, чем с устройством греческих полисов. Македонские цари привечали при своих дворах греческую культуру и способствовали экономическому развитию страны, ведя торговлю с греческими государствами, но в политической сфере греческое влияние почти не ощущалось. С появлением среднего класса из его числа образовалась новая группа – рядовые товарищи (педзетайры); они прислуживали царю и получали почести, уступавшие лишь

почестям, которые оказывались гетайрам¹. Когда деревни стали превращаться в города, а Пелла выросла в крупнейший город Македонии, городские центры остались административными единицами, подчиненными престолу, не получив политической независимости. Сами македоняне не питали большой любви ни к грекам, селившимся в полисах на македонском побережье и в Халкидике, ни к имперским державам Спарте, Фивам и Афинам, которые обращались с Македонией как с пешкой в большой политической игре. Подвергаясь давлению со стороны греков и со стороны соседей-варваров, македоняне превратились в сплоченный народ».

Традиция о греческом происхождении македонских царей прослеживается начиная с Геродота. По его словам, македонскую династию основал Пердикка, Гераклид, потомок аргосского царя Темена (Геродот, VIII, 137; ср. Фукидид, II, 99). Существовали и две другие традиции (одна из которых была модификацией первой). В современной научной литературе считается, что Теменид Архелай (или, в другой версии – Каран) является вымышленной фигурой, которая была создана в конце V в. – начале IV в. до н. э. в пропагандистских целях. Одни современные ученые считают греческое происхождение македонских царей реальностью (например, Н. Хэммонд), другие – выдумкой (Ю. Борза). Как бы то ни было, во второй половине IV в. до н. э. данная традиция стала идеологическим оружием в руках Филиппа II и промакедонских кругов; она безоговорочно отвергалась антимакедонски настроенными греческими политиками.

Время правления первых македонских царей высчитывается лишь приблизительно. Так, Н. Хэммонд полагает, что Пердикка I царствовал около 653 г. до н. э., Аргей² – около 623 г. до н. э., Филипп I – около 593 г. до н. э.,

¹ Выделение педзетайров как отдельной социально-военной категории произошло в рамках реформ Филиппа II.

² Об этом царе сохранился любопытный рассказ в «Военных хитростях» Полиэна (IV, 1): «Аргей был царем македонян, а Галавр — тавлантиев; тавлантии выступили в поход против македонян. Из-за малочисленности своего войска Аргей приказал македонским девуш

МАКЕДОНЦЫ В БОЮ

Аэроп – около 563 г. до н. э., Алкет – около 533 г. до н. э., Аминта – около 503–495 гг. до н. э. Аминту сменил на македонском троне Александр I (около 495–452 гг. до н. э.), который за пристрастие к греческой культуре получил прозвище Филэллин, т. е. «любящий эллинов».

Вскоре после своего скифского похода персы, приступив к завоеванию Геллеспонта и Фракии, потребовали от македонян «земли и воды» (ок. 510 г. до н. э.), и те, судя по всему, безропотно выполнили это требование. Пока Персия доминировала на севере Балканского полуострова, македонские цари не только не предпринимали против персов никаких враждебных действий, но и всячески старались добиться расположения державы Ахеменидов¹. Македонские войска сражались в составе персидской армии во время похода Ксеркса в Элладу в 480–479 гг. до н. э. (Геродот, VII, 185; IX, 131). После поражения персов при Платеях (479 г. до н. э.) и с переходом греков в активное контрнаступление (т. е. тогда, когда стало ясно, что персам не удержать свое господство в Европе), македонцы начали боевые действия на стороне эллинов (ок. 478 г.: Псевдо-Демосфен, 12, 21; ср. Геродот, VIII, 121). Однако и ранее, в период персидского нашествия 480–479 гг. до н. э. Александр I дважды оказал помощь грекам. Когда непосредственно после вторжения Ксеркса 10-тысячное войско греков намеревалось занять Темпейское ущелье, то прибывшие от Александра вестники предупредили греков, недооценивших численность войска персов, что остаться в проходе означает дать себя раздавить наступающему врагу (Геродот, VII, 173). Александр, уже лично, оказал помощь грекам и накануне Платейской бит-

кам в момент приближения неприятельской фаланги появиться на горе Эребеи. Когда враги приблизились, на горе появилось большое количество девушек, которые стали спускаться, потрясая тирсами (жезлами служительниц Диониса – вакханок – *Авт.*) вместо копий и имея на головах венки. Галавр, вследствие дальнего расстояния приняв девушек за мужчин, испугался и подал сигнал к отступлению. Побросав оружие и оставив обоз, тавлантии обратились в бегство». Этот рассказ явно имеет большее отношение к истории македонской религии, нежели к военной истории.

¹ О доверии персов к Александру I см.: Геродот, VIII, 136.

вы, выдав им планы персидского военачальника Мардония (Геродот, IX, 45).

Благодаря мудрой политике Александра I македонское государство укрепилось, расширило свои границы как присоединением новых земель (преимущественно фракийских на северо-востоке), так и установлением контроля над племенами Верхней Македонии. Об усилении царской власти свидетельствует и тот факт, что Александр впервые начал чеканить монету с именем общемакедонского царя. Наряду с этим Александр I первым стал принимать участие не только в экономической, но и в культурной жизни Греции, приглашая к своему двору прославленных поэтов. Именно тогда началась активная эллинизация македонской аристократии, достигшая полного завершения во времена Филиппа II и Александра Великого.

История Македонии непосредственно после смерти Александра I крайне скудно освещена в источниках. Только из Фукидида (IV, 79) известно об ожесточенной борьбе сына Александра Пердикки II (ок. 452–413 гг. до н. э.) с вождем линкестийцев Аррабеем, со своим собственным братом Филиппом и другими соперниками за власть в Македонии. В этой борьбе на стороне противников Пердикки приняли участие афиняне (Фукидид, I, 57), интенсивно колонизовавшие Фракию (так, в 437 г. до н. э. ими был основан город Амфиполь, важный как в стратегическом, так и в торгово-экономическом отношении). В период Пелопоннесской войны (431–404 гг. до н. э.) Пердикка поначалу выступал на стороне Спарты, но затем сблизился с Афинами, т. е. лавировал, стремясь сохранить независимость от обеих воюющих сторон. После смерти Пердикки II между претендентами на македонский трон завязалась ожесточенная борьба, в результате которой на престол возшел Архелай (ок. 413–399 гг. до н. э.). По словам Фукидида (II, 100), этот царь в своей деятельности достиг большего, чем все восемь царей до него, вместе взятые. Именно при Архелее было положено начало военной организации Македонии. По всей стране начали строиться дороги и крепости, основным родом войск была тяжелая конница, во главе которой стоял царь и его

гетайры. Архелай начал формировать и тяжелую пехоту, но в династических распрях после смерти царя она явно потеряла какое-либо значение.

В заключительной фазе Пелопоннесской войны Архелай декларировал свой нейтралитет, однако в то же время поддерживал дружеские связи с Афинами. Поэтому после победы над афинянами спартанцы планировали общегреческий поход на Македонию.

Преемником Архелая (вероятно, после долгих смут) стал Аминта III (ок. 394–370 гг. до н. э.). Это был энергичный правитель, обладавший всеми достоинствами полководца (Юстин, VII, 4). В период правления Аминты Македония переживала тяжелые времена: в середине 90-х годов IV в. до н. э. по соседству с ней возникли два мощных объединения, угрожавших существованию Македонского государства: союз иллирийских племен под руководством царя Бардила и Халкидская лига (Олинфский союз), объединившая ряд северо-западных греческих городов Эгеиды во главе с Олинфом. Не менее двух раз за 10 лет (в 393/392 и, вероятно, в 383/382 гг. до н. э.) иллирийцы не только нападали на Македонию и грабили ее, но и изгоняли македонского царя. В 391 г. до н. э. Аминте удалось возвратиться в Македонию только с помощью фессалийцев; в 383/382 гг. до н. э. Аминта сумел вернуть контроль над македонскими землями уже только своими силами. С 383 г. до н. э. Аминте пришлось вести тяжелую войну с Халкидской лигой. Однако угроза вторжения иллирийцев вынудила македонцев заключить с ней оборонительный союз. Когда иллирийцы захватили большую часть территории Македонии, Аминта передал некоторые свои города под защиту лиги, которая после отражения врага отказалась возвращать их македонскому царю. Тогда он обратился за помощью к Спарте, при активной поддержке которой над халкидянами была одержана победа, их лига была распущена (379 г. до н. э.), а царство Аминты – восстановлено почти в прежних границах.

У Аминты от жены Эвридики было три сына: Александр, Пердикка и Филипп (отец Александра Великого); троих сыновей – Архелая, Арридея и Менелая, он

имел и от другой жены, Гигеи. После смерти царя ему наследовал старший сын Александр (Александр II правил в 370/369–368/367 гг. до н. э.). В начале своего недолгого царствования он откупился от иллирийцев, дав им в заложники своего брата Филиппа. Спустя некоторое время Александр установил дружеские отношения с фиванцами, отдав им в заложники того же Филиппа. По свидетельству Юстина (VII, 5), последнее обстоятельство оказало огромное влияние на развитие способностей будущего царя, поскольку он три года (с 367 по 365 г. до н. э.) тесно общался с выдающимся фиванским политическим деятелем и полководцем Эпаминондом.

Н. Хэммонд, основываясь на сообщении Анаксимена, полагает, что именно Александр II создал одно из важнейших подразделений македонской армии – корпус педзетайров, и пишет, что «появление регулярной гоплитской армии в Македонии стало признаком экономического и социального прогресса страны»¹.

Александр II был убит во время праздника вследствие заговора, в организации которого обвиняли его мать Эвридику (Юстин, VII, 3) и связанного с нею македонского аристократа Птолемея из Алора (Диодор, XV, 71, 1; Афиней, XIV, 629). Этот Птолемей, возможно, был регентом (а не самостоятельным правителем, как считает Н. Хэммонд) при брате Александра Пердикке III (368/367–359 гг. до н. э.). В 365 г. до н. э. Птолемей был убит в результате заговора, организованного Пердиккой. Во время правления этого царя афинский полководец Тимофей захватил Мефону и Пидну на македонском побережье Эгеиды и вынудил царя вступить в союз против Халкидской лиги и Амфиполя. В 362 г. до н. э. Пердикка предал афинян, послав свое войско на помощь Амфиполю. В 359 г. царь напал на иллирийцев, но был наголову разбит Бардилом и погиб вместе со своим войском, состоявшим более чем из четырех тысяч воинов (Диодор, XVI, 2).

В начале лета 359 г. до н. э. македонский народ избрал царем Аминту, малолетнего сына Пердикки, а ре-

¹ О корпусе педзетайров и военной реформе Филиппа II см. ниже.

гентом – Филиппа, 22-летнего брата погибшего царя¹. Политическая ситуация в Македонии была угрожающей для самого суверенитета государства. После поражения и смерти Пердикки к Иллирии отошла Линкестиды, в Македонию готовы были вторгнуться пеонийцы, македонское царство было втянуто в опасную войну с Афинами за Амфиполь. Кроме того, помимо Филиппа, существовало несколько других претендентов на македонский престол.

«Так как Филипп не мог одновременно справиться со всеми врагами, то он решил, что надо избавиться от них поодиночке: одних врагов он успокоил заключением с ними договора, от других откупился деньгами, а на более слабых напал и победой над ними ободрил своих павшим духом воинов и заставил врагов изменить их презрительное отношение к нему», – пишет Юстин (VII, 6, 4–5). С помощью богатых подарков Филиппу удалось также заключить перемирие с пеонийцами. В конце лета 359 г. до н. э. Аргея, один из претендентов на македонский трон, с тремя тысячами наемников из Афин выступил из афинской базы в Мефоне, а к побережью Македонии подошел крупный афинский флот. Филипп, не вступая в сражение, подпустил Аргея к Эгам, зная, что население сохранит ему верность, что и хотел продемонстрировать афинянам. При отступлении Аргея Филипп атаковал, разбил его войско и окружил уцелевших на холме. При условии, что Аргей и прочие македоняне сдадутся, Филипп разрешил остальным уйти без выкупа. Война с Афинами была прекращена, когда македонский царь отправил туда послов, отказался от каких-либо притязаний на Амфиполь и предложил заключить мир. Непосредственная угроза территориальной целостности Македонии миновала.

¹ Ряд современных исследователей (например, Н. Хэммонд) полагают, что Филипп мог стать царем Македонии и сразу после гибели своего брата в 359 г. до н. э.

ВОЕННАЯ РЕФОРМА ФИЛИППА

Ядром македонской армии, во главе которой Филипп II сокрушил сопротивление греческих городов, а его сын Александр разрушил империю Ахеменидов и покорил большую часть известного грекам мира, была тяжелая македонская пехота, составлявшая фалангу нового для Македонии образца, которая вобрала в себя все лучшие качества традиционной греческой фаланги. Несмотря на то что эллинистическая фаланга начала масштабно применяться только во время Персидского похода Александра, ее появление также традиционно связывается с именем его отца Филиппа.

Греческая фаланга представляла собой плотное боевое построение глубиной в несколько шеренг. Гоплиты, сражавшиеся в греческой фаланге, были вооружены большим круглым щитом (гоплоном), копьем, имевшим 2–3 м в длину, и коротким мечом. Таким образом, при столкновении фаланг сражение происходило фактически только между первыми рядами войска обеих сторон. Та особенность построения греческой фаланги, что воин должен был прикрывать щитом не только себя, но и своего соседа слева, означала, что во время сражения главной задачей было сохранить целостность фаланги: на место павшего воина должен был немедленно вставать другой, стоявший непосредственно за ним. Оптимальным числом шеренг в фаланге считалось 8–12 рядов.

Ко времени правления Филиппа фаланга гоплитов являлась основной боевой силой каждого крупного греческого полиса. В силу того что организация греческой фаланги была всюду одинаковой, решающую роль в сражении играла дисциплина войска и способность воинов внутри фаланги действовать как единое целое. По этим показателям сильнейшими армиями в Греции обладали Спарта (военная мощь которой, впрочем, была подорвана катастрофическим поражением при Левктрах 371 г. до н. э.) и Фивы, обязанные своими боевыми достижениями военной реформе полководца Эпаминонда. Македония же, славившаяся своей кон-

ницей, имела весьма ограниченное количество пехоты, которая к тому же была настолько слабой, что вовсе не считалась македонскими царями за серьезную военную силу. Когда в 429/8 г. до н. э. в Македонию во время правления Пердикки II вторглись фракийцы, македонцы «и не думали выступить против неприятеля с пехотой, а присоединили к своей коннице материковых союзников и... нападали на войско фракийцев всюду, где находили это удобным» (Фукидид, II, 100, 5). Попытка царя Архелая сформировать боеспособную армию тяжелых пехотинцев, не увенчалась успехом. В целом македонская пехота до Филиппа представляла собой достаточно жалкое зрелище, не имея ни дисциплины, ни опыта, ни организации.

Филипп прекрасно осознавал, что при отсутствии этих необходимых факторов армия Македонии будет беспомощной против окружавших страну врагов. Еще юношей¹, когда Филипп в качестве политического заложника в течение трех лет жил в Фивах, он «считался ревностным последователем Эпаминонда» (Плутарх, Пелопид, 26). Плутарх, критически настроенный к личности Филиппа, замечает далее: «Возможно, что Филипп и в самом деле кое-чему научился, видя его неутомимость в делах войны и командования (что было лишь малою частью достоинств этого мужа), но ни его воздержанностью, ни справедливостью, ни великодушием, ни милосердием, — качества, в коих он был подлинно велик! — Филипп и от природы не обладал, и подражать им не пытался». Одна эта ремарка показывает, что Филипп действительно обращал большое внимание на технические стороны организации фиванской армии при Эпаминонде.

Одним из отличительных качеств армии Эпаминонда была прекрасная координация совместных действий

¹ По мнению ведущего специалиста по истории Македонии Н. Хэммонда, Филипп был заложником в Фивах с 367 по 365 г. до н. э. В 365 г. до н. э. Эпаминонду требовались поставки дерева из Македонии, поэтому Фивы для закрепления дружеских отношений с Македонией, вероятно, отпустили Филиппа и еще 80 македонских заложников. В 365 г. до н. э. Филиппу исполнилось 17 лет, и в этом возрасте он, без сомнения, уже прекрасно понимал причины военных успехов Эпаминонда.

различных частей армии. Кроме того, фиванцы под руководством Эпаминонда, в отличие от войск других греческих полисов, могли проводить одну кампанию за другой не только летом, но и зимой. Филипп поставил перед собой эту же цель. Он ввел в армии суровый режим упражнений и дисциплины, принуждая воинов совершать сложные переходы при полном снаряжении и припасах, дабы приучить к тяготам войны. Он запретил использование колесного транспорта и разрешил иметь на десять человек только одного слугу, в обязанности которого входила переноска ручных мельниц для зерна и веревок. Отправляясь в поход, воины должны были нести с собой запас пищи на 30 дней. Таким образом Филипп смог свести к минимуму два фактора, которые представляли проблему для любой армии – размер обоза и количество людей, следующих в обозе. Повышенная мобильность и дисциплина армии позволила Филиппу проводить кампании в любое время года. Не случайно Демосфен (I, 12–13; IX, 50) замечал, что для армии Филиппа «лето и зима ничем не отличались».

В год смерти Пердикки (360/359 г. до н. э.), македонский царь, без сомнения также следуя фиванскому образцу, создал из своих пехотинцев фалангу. По Диодору, «Филипп вооружил своих людей подходящим оружием... изобрел построение... и первым организовал македонскую фалангу» (XVI, 3, 2). Фаланга разделялась на ряды (декады) по 16 человек. Каждым рядом командовал декадарх, который стоял впереди всех воинов. За ним стоял руководитель полуряда фаланги. Замыкал ряд воин, который должен был надзирать за порядком сзади¹.

Наступательным оружием для фалангита Филиппа служил меч и сарисса – длинное двуручное копье. Энциклопедист Теофраст, современник Филиппа и Александра, писал, что самые длинные сариссы были длиной в 12 локтей, т. е. около 5,5 м (История растений, III, 12, 2). Те же цифры для длины сариссы приводит и Асклепиодот (Тактика, 5, 1). Около 300 г. до н. э. исполь-

¹ Подобные выводы сделаны П. Коннолли на основании различных данных о плате, которую получали воины. Однако эти данные относятся уже к эпохе Александра, а не Филиппа.

МАКЕДОНЦЫ В БОЮ

зовались более длинные сариссы – 16 локтей (7,2 м), однако слишком большая длина могла делать их бесполезными¹. Возможно, в силу этого обстоятельства ко времени Полибия (II в. до н. э.) длина сариссы снизилась до 14 локтей (6,3 м). Кроме того, следует учитывать, что в македонской фаланге применялись сариссы различной длины; воины, стоявшие в задних рядах, имели более длинные сариссы, а стоявшие в передних – более короткие, благодаря чему ударная сила македонской фаланги значительно повышалась.

Анализ археологических памятников показывает, что сарисса изготавливалась из двух частей, соединенных железной муфтой. Железный наконечник сариссы имел в длину около 50 см и весил около 1,2 кг. Древки сариссы, как и копья македонских гетайров, изготавливали из кизила, в изобилии росшего в Македонии (Арриан, I, 15, 5)². Заостренную обратную сторону сариссы можно было упереть в землю, чтобы получить преимущество против скачущего навстречу всадника или бегущего воина³, или ей можно было сражаться,

¹ Полиэн (II, 29, 2) рассказывает о том, какую военную хитрость против воинов, вооруженных длинными сариссами, применил спартанский полководец Клеоним: «Клеоним, осаждая Эдессу, когда после падения стены напали сариссофоры («сариссоносцы») врагов – а каждая сарисса была длиной в шестнадцать локтей, – уплотнил свою фалангу в глубину. Протостатов (воинов первой шеренги фаланги. – *Авт.*) и их эпистатов (воинов второй шеренги. – *Авт.*) он построил без копий, приказав, если сариссофоры вступят в бой, схватить обеими руками сариссу и крепко держать ее, а следующим за ним воинам, обойдя каждого сариссофора сбоку, вести бой. Одни хватались за сариссы, таща их к себе, другие же, подходя сзади, убивали сариссофоров, и оказалась бесполезной длина сариссы из-за способности Клеонима».

² Благодаря своей природной вязкости кизил издавна считался в Греции лучшим материалом для изготовления копий, дротиков и луков. Об эффекте, которые произвели дерновые, т. е. кизилы, дротики в битве Агесилая с персами, рассказывает Ксенофонт (Греческая история, III, 4, 14).

³ Лукиан рассказывает о том, как наместник Мидии Арсак погиб в бою с фракийским гипаспистом: «Арсак скакал, выставив вперед копьё длиной в двадцать локтей; фракиец отбил щитом направленное на него оружие так, что острое прошло мимо, и, опустившись на колено, принял на свое копьё весь напор врага, ранил снизу в грудь коня, который благодаря силе и быстроте своего бега, сам насадил себя на копьё; оно прошло насквозь и прокололо также самого Арсака, вонзившись ему в пах и выйдя сзади» (Разговоры в царстве

когда в результате агрессивной схватки наконечник копья слетал (Полибий, VI, 25, 9). По расчетам М. Маркла, сарисса длиной в 12 локтей должна была весить примерно 6,5 кг, тогда как копье гоплита греческой фаланги весило не более килограмма. Неудивительно, что Полибий сообщает, что большой вес сариссы затруднял переноску фалангитами кольев для частокола.

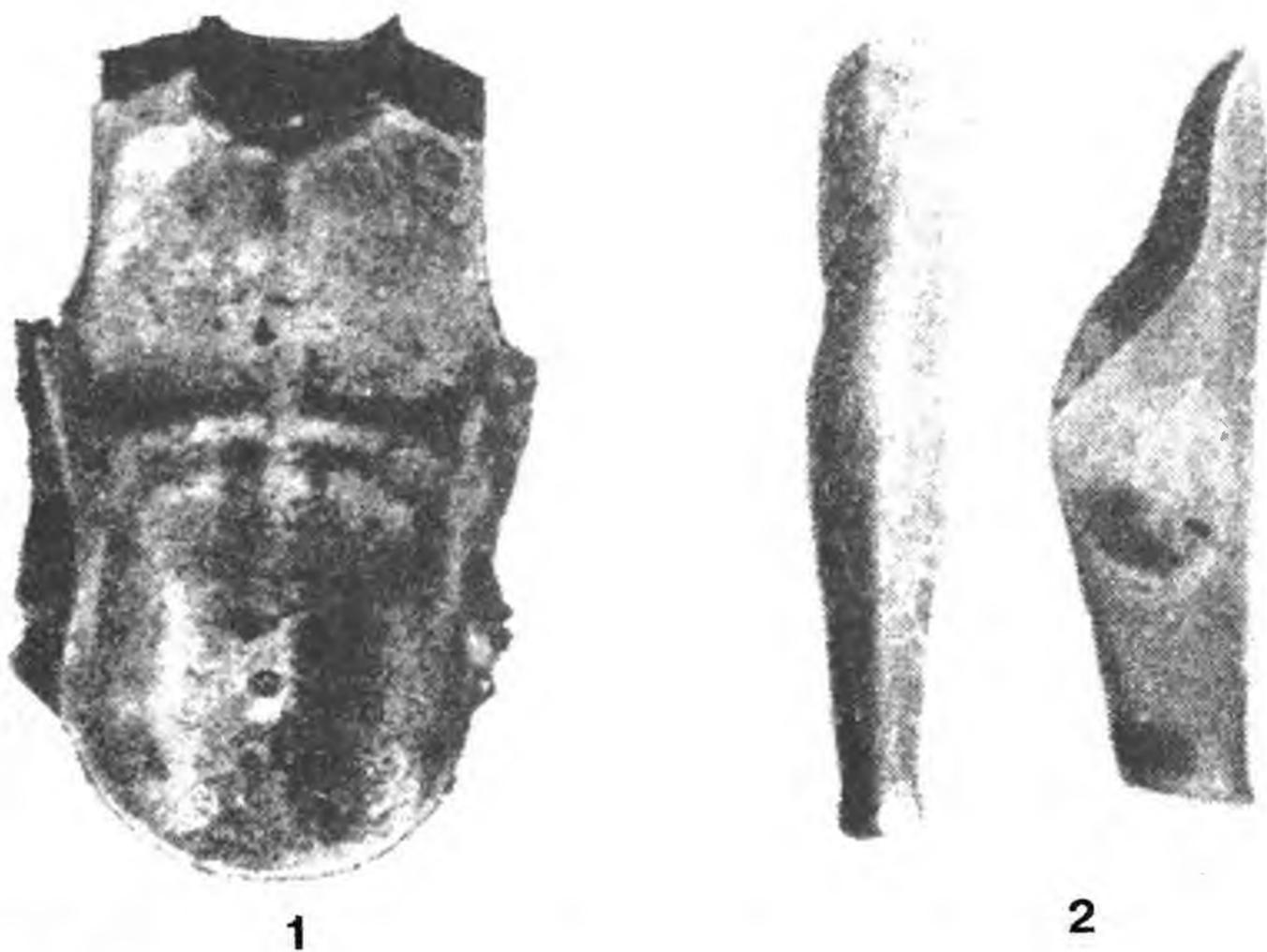
Доспехи македонского фалангита, хотя не отличались в принципе от греческих, были значительно легче. Скорее всего, уже в армии Филиппа они незначительно отличались от тех кожаных курток с металлическими накладками, которые мы встречаем позднее в эллинистических армиях. Кроме доспехов, фалангита защищали шлем, поножи и круглые щиты чуть более полуметра в диаметре. Так как тяжелую сариссу нужно было держать двумя руками, то щит подвешивался на перевязи на шею и мог закрывать только левое плечо.

Более тесное построение по сравнению с греческими гоплитами обеспечивало македонской фаланге огромную пробивную силу, позволявшую ей сметать все на своем пути. Ровные сомкнутые шеренги фалангитов, прикрытые щитами и ошетилившиеся сариссами, производили ошеломляющее впечатление на вражеское войско, не выдерживавшее порой одного вида равномерно марширующей грозной фаланги. Полибий (XVIII, 29–30) так рассказывает о македонской фаланге начала II в. до н. э., не претерпевшей значительных изменений с эпохи Александра Великого¹:

«Пока фаланга сохраняет присущие ей особенности и свойства, нет силы, которая могла бы сопротивляться ей с фронта или устоять против натиска ее, для чего существуют многие основания, как легко в том убедиться. В сомкнутом строю для битвы один человек с вооружением вместе занимает пространство в три локтя (1,35 м); на длину сариссы по первоначаль-

мертвых, 27, 4). Несмотря на анекдотичность этой ситуации, по всей видимости, македонские гоплиты, вооруженные сариссами, при кавалерийской атаке старались использовать свое оружие именно так.

¹ Изменения эти в первую очередь коснулись, как уже говорилось выше, только длины сариссы.

*Доспехи македонской армии: 1 – бронзовый торакс (кираса),
2 – бронзовые кнемиды (поножи)*

ному предположению назначается шестнадцать локтей (7,2 м), но в приспособлении к действительным нуждам она имеет четырнадцать (6,3 м). Из этой длины четыре локтя (1,8 м) отходят на ту часть копья, которая заключена между двумя руками, и на увеличение тяжести заднего конца. Таким образом, несомненно, что сарисса каждого тяжеловооруженного, когда он на ходу против неприятеля протягивает ее обеими руками вперед, выступает перед его телом не меньше как на десять локтей (4,5 м). Отсюда следует, что сариссы второго, третьего, четвертого рядов выступают перед воинами первого ряда дальше, чем на два локтя (ок. 1 м), а сариссы пятого ровно на два локтя (0,9 м), если фаланга сохраняет присущие ей свойства и плотность строя как в задних рядах, так и по бокам, согласно описанию Гомера:

Щит со щитом, шишак с шишаком, человек с человеком
Тесно смыкался; касались светлыми бляхами шлемы,
Зыблясь на воинах: так Аргивяне сгустяся стояли.

Если только сказанное здесь верно и точно, то со всею необходимостью следует заключить, что каждый воин первого ряда имел перед собою пять сарисс, которые по длине различались между собою на два локтя (0,9 м).

После этого легко представить себе наступление и нападение целой фаланги глубиною в шестнадцать человек, какова она должна быть, и в чем ее сила. Все те фалангиты, которые находятся дальше пятого ряда, не имеют никакой возможности участвовать своими сариссами в сражении, почему они лично не нападают на врага, но держат сариссы поднятыми вверх над плечами предшествующих воинов с целью охранить фалангу от ударов сверху, ибо плотно сомкнутые сариссы задерживают на себе метательные снаряды, когда они перелетают через передние ряды и могут падать на задние. Кроме того, во время натиска фаланги они самою тяжестью своего тела давят на передние ряды, увеличивая тем силу напора и делая невозможным для фалангитов первых рядов поворот назад».

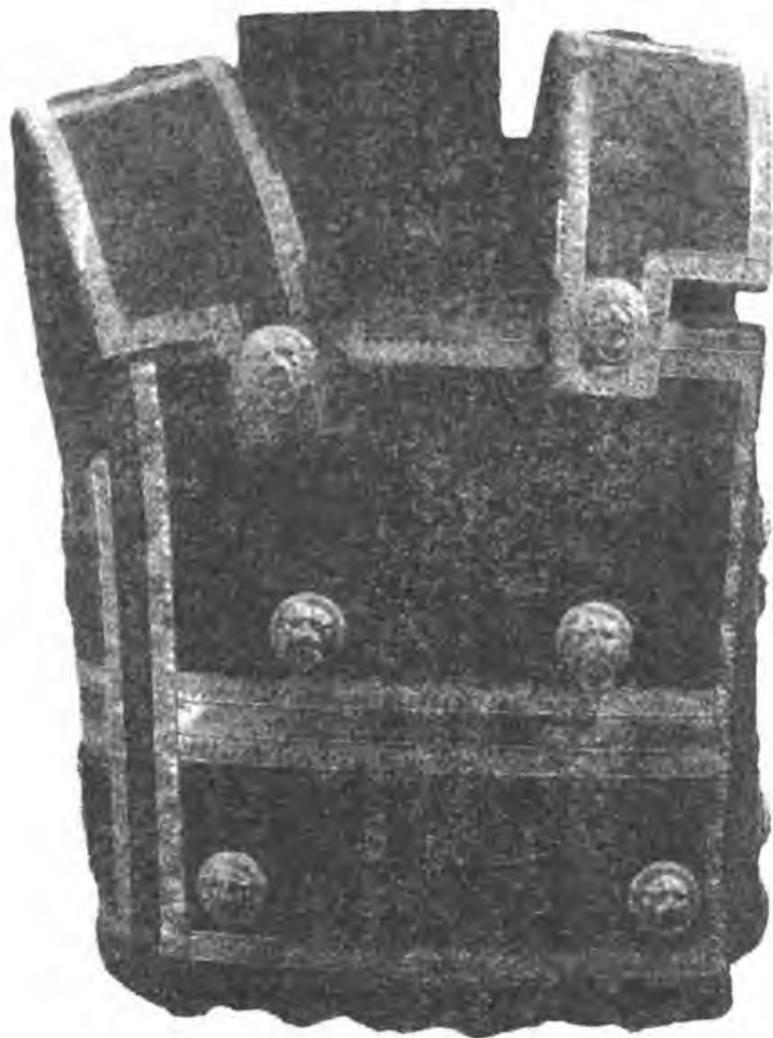
Однако, хотя македонская фаланга по сравнению с классической греческой обладала большей мобильностью, ей все же не хватало маневренности и умения перестраивать ряды в тех случаях, когда возникала необходимость резко изменить направление главного удара. Основным условием, необходимым для использования фаланги, являлось наличие ровного и широкого пространства. По Полибию (XVIII, 31), «для фаланги существует единственное сцепление обстоятельств и единственный вид местности, когда она может развернуть присущие ей достоинства. Поэтому если противник решался принять окончательную битву и бывал вынужден подчиниться условиям времени и места, пригодным для фаланги, то всегда можно было ожидать согласно сделанному только что разъяснению, что победительницей выйдет сторона, пользующаяся фалангой. Напротив, если можно уклониться от такого

МАКЕДОНЦЫ В БОЮ

сражения и достигнуть этого без труда, фаланговый строй перестает быть опасным. Всякий знает, что фаланге требуется местность ровная, без леса, не представляющая никаких помех движению, среди которых канавы, рытвины, ложбины, возвышения, русла рек. Ибо поименованных здесь препятствий достаточно для того, чтобы затруднить расположение войска в фалангу или расстроить ее». Слабыми местами македонского построения были также фланги и тыл, уязвимые из-за невозможности перестройки фаланги на ходу.

Пехотинцы нового образца были названы Филиппом «педзетайрами» – «пешими товарищами царя»¹.

Притом, что реформа македонской пехоты, традиционно считающаяся главной заслугой Филиппа, несомненно, оказала существенное влияние на развитие македонского военного искусства, не следует преувеличивать значения введения в употребление сарисс в македонской пехоте в эпоху Филиппа и Александра. Кроме фаланги нового образца, в македонской армии ис-

*Парадный панцирь
из гробницы в Вергине*

¹ Реформа македонской пехоты, связанная с именем Филиппа, могла быть начата и ранее. По сообщению историка Анаксимена, старший брат Филиппа, Александр II, «разделил пехоту на лохи, декады и другие подразделения и назвал пехотинцев пешими товарищами (педзетайрами), так чтобы каждый, имеющий принадлежность к царскому товариществу, продолжал выказывать величайшее усердие [в сражении]» (Фрагменты греческих историков, II С, 107).

Шлемы македонской армии

пользовался и классический вариант вооружения греческой фаланги. На дельфийском рельефе, изображающем победу Эмилия Павла над войском македонского царя Персея при Пидне (167 г. до н. э.), македонские воины вооружены крупными щитами (гоплонами), размер которых исключал использование сариссы. Археологические и литературные источники обстоятельно показывают, что во всех своих сражениях фаланга Фи-

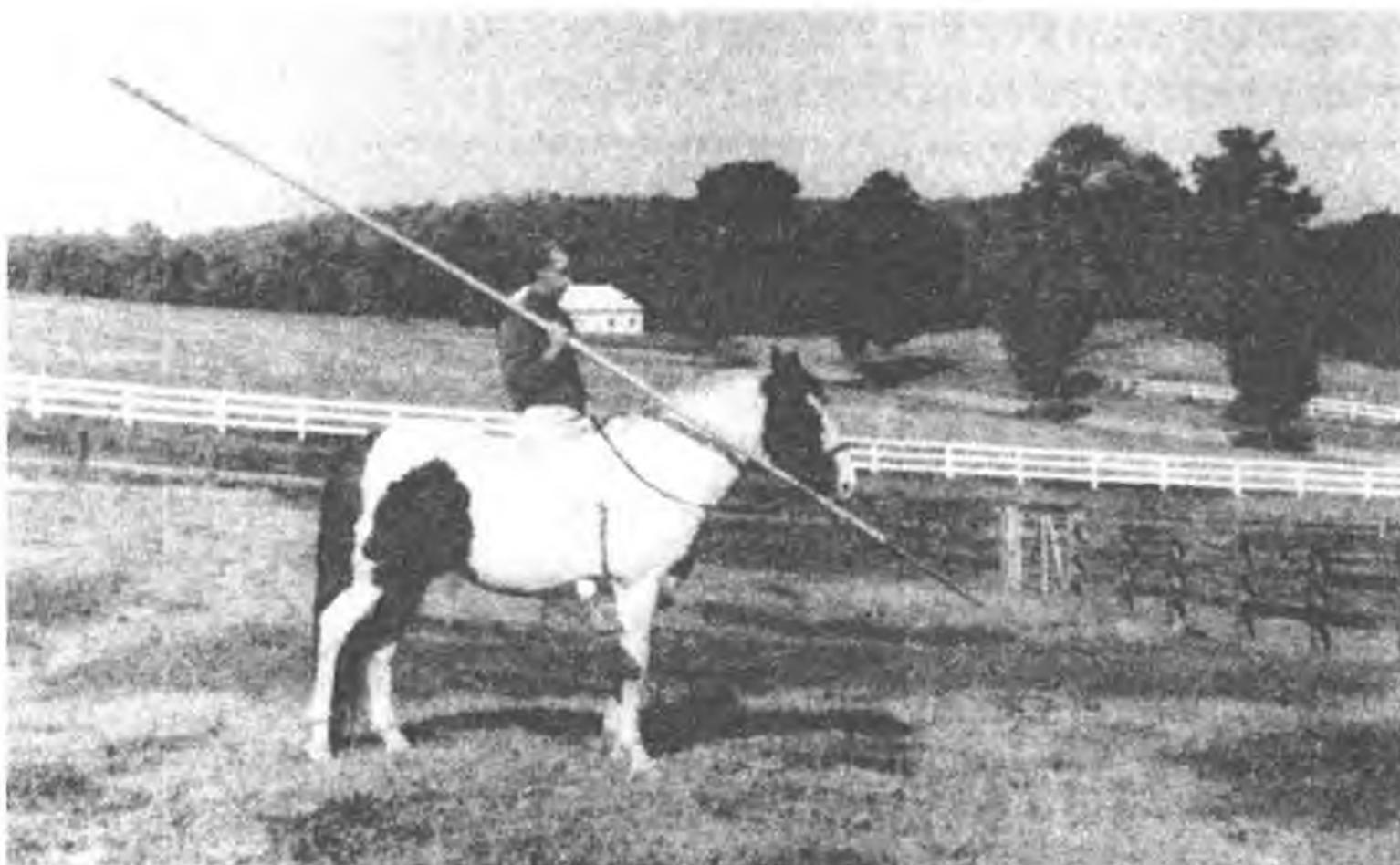
липпа пользовалась снаряжением и вооружением классического гоплита. При раскопках под Олинфом (о битвах Филиппа с олинфянами см. ниже) археологами было обнаружено значительное количество наконечников копий и стрел, но ни одного наконечника сариссы. Маневр пехоты Филиппа при Херонее (Полиэн, 4, 2, 2; о битве при Херонее см. ниже), включавший в отступление при сомкнутых рядах по пересеченной местности, был крайне тяжелым для фаланги классического греческого образца, но решительно невозможным для еще менее маневренной и более уязвимой на марше по неровной местности фаланги эллинистического образца. Таким образом, у нас нет исторических свидетельств о том, что пехотные войска, вооруженные сариссами, применялись Филиппом при его жизни. Первое документированное свидетельство о воинах,

вооруженных сариссами, относится только к северной кампании Александра Великого (Арриан, IV, 1–4).

Новым в тактике македонского войска по сравнению с греческим было тесное взаимодействие пехоты и конницы, причем последняя использовалась для нанесения главного удара, а не только для защиты флангов, что практиковалось греками. Прекрасное взаимодействие различных родов войск в армии Филиппа подчеркивал и Демосфен (IX, 49), который говорил: «Филипп проходит, куда ему угодно, не с помощью войска гоплитов, но окружив себя легковооруженными – конницей, стрелками, наемниками – вообще войсками такого рода»¹.

Еще до того, как Филипп II взошел на трон, македонская конница гетайров («товарищей», «спутников» царя) считалась лучшей в Греции. Особенности кавалерии гетайров были тесно связаны с генезисом македонской знати. Ф. Шахермайр описывает этот процесс так: «Аргеады, двигаясь от Эмафии, копьем и мечом покорили Центральную и Восточную Македонию, превратили их в царские земли и раздали своим соратникам и сторонникам. И хотя эти земли давались с правом наследования, македонские цари сохраняли над ними верховную власть. Маловероятно, чтобы цари брали с этих земель подати, но такие их требования, как военная служба в царском войске и поставка определенного числа конных воинов в зависимости от размеров полученного надела, выполнялись беспрекословно. Таким образом, в Македонии наряду со знатным сословием гетайров существовала также и «кавалерия» этих гетайров, состоявшая не только из знати, но и из общинников. При этом содержание войска царю ничего не стоило. Гетайры содержали не только себя, но и своих всадников, не получая за это никакого вознаграждения. Именно в этом и заключалась их повинность, которую они были обязаны выполнять за полученные от царя земли. Долгое время конница представляла собой главную военную силу Македонского царства.

¹ Следует подчеркнуть, что Демосфен, относясь пренебрежительно к тяжелой пехоте Филиппа, идентифицирует ее как классическую фалангу гоплитов, а не как македонскую флангу нового образца.

Всадник-сариссофор.

Современная реконструкция М. Маркла

Тесные связи между царем, главным собственником всех земель, и гетайрами, владевшими ими, нашли выражение не только в несении военной службы, но и в личных взаимоотношениях. Цари, представители старой родовой знати, считались в своем замкнутом кругу *primi inter pares* (первыми среди равных. – *Авт.*). Поэтому гетайры не только сопровождали царя в битвах, но были и его сотрапезниками на пиршествах. Как лица, приближенные к царскому двору, они составляли особый круг и имели постоянный доступ к царю. Если они появлялись при дворе, то их непременно приглашали к столу. Эти двойные узы – боевые и застольные... – в Македонии сохранялись очень долго. Даже Александр считал сам собой разумеющимся, что он должен сражаться во главе конницы гетайров и пировать с ними. Несомненно, что гетайры и были товарищами царя в буквальном смысле слова, и составляли его непосредственное и постоянное окружение».

Гетайры носили тяжелые бронзовые панцири, сделанные по форме человеческого тела, шлемы, мечи и копья. Гетайры могли также быть вооружены и сариссами. Однако специальное подразделение конницы, имевшее на вооружении только сариссы, но не копья – сариссофоры (или продромы), появляется только в кампаниях Александра Великого (см. ниже). Щитов гетайры, по-видимому, не имели.

Филиппу II принадлежит изобретение построения конницы клином. Если греческая конница строилась квадратом, а фессалийская – ромбом, то построение македонской конницы было предназначено специально для прорыва выстроенных линейных формирований пехоты. Греческая конница, строившаяся в линию и вооруженная короткими копьями, была беспомощна против фаланги гоплитов (Арриан, Тактика, XVI, 6), тогда как выстроенная клином и вооруженная длинными копьями (или сариссами) конница могла без труда пробивать греческую фалангу. По мнению М. Маркла, изобретение Филиппом построения клином было рассчитано на выполнение именно этой задачи.

Конница, вооруженная сариссами, была применена Филиппом в битве при Херонее, когда крыло кавалерии под командованием Александра уничтожило «священный отряд» фиванцев.

Македонские кони имели, судя по сообщениям античных авторов и сохранившимся изображениям, около 1,35–1,45 м в высоту: в описании переправы через реку Гидасп Арриан (V, 13, 3) говорит: «Вода в самом глубоком месте доходила пешим до груди, а у лошадей только голова торчала над водой». Таким образом, македонские лошади примерно такого же размера, как современные пони. Несмотря на это, кони, разводившиеся в Македонии, были сильнее и выносливее тех, которых разводили греки.

ВОЗВЫШЕНИЕ МАКЕДОНИИ ПРИ ФИЛИППЕ II

Отозвав войска из Амфиполя, Филипп начал проводить свою военную реформу. Своим красноречием Филиппу удалось поднять боевой дух македонских войск, и довольно скоро в его распоряжении оказалась крупная боеспособная армия. Так как опасность морского нападения со стороны афинян миновала, летом 358 г. до н. э. Филипп, воспользовавшись смертью царя пеонийцев Агиса, вторгся в Пеонию, одержал крупную победу и заставил местное население признать свою власть.

Немедленно после победы над пеонийцами Филипп отправился в поход на иллирийцев с войском в десять тысяч пехотинцев и 600 всадников¹. Царь иллирийцев Бардил, узнав о вторжении, отправил послов с тем, чтобы договориться о мире на условиях, чтобы обе стороны продолжали владеть теми городами, которые им уже принадлежали. Когда же Филипп сказал, что его устроит мир только на условии освобождения иллирийцами всех македонских городов, Бардил с армией в 10000 пехотинцев и 600 всадников решил дать сражение. Свою пехоту иллирийский царь построил в каре. Филипп «заметил, что центр неприятельской линии заполнен отборными солдатами, а фланги слабее» (Фронтин, II, 3, 2). Во главе своей лучшей пехоты, стоявшей на правом крыле, Филипп атаковал левое крыло армии противника, приказав кавалерии ударить иллирийцам во фланг и с тыла. Левое крыло иллирийцев было разгромлено, и армия противника пустилась в бегство. Иллирийцы, потерявшие в этой битве более 7 тысяч человек, запросили мира². По условиям мирного договора под контроль Филип-

¹ Возможно, эта цифра завышена; представляется маловероятным, что Филипп мог собрать настолько большое войско за такой короткий срок.

² По мнению К. Ю. Белоха, план на эту битву принадлежал полководцу Филиппа Пармениону.

МАКЕДОНЦЫ В БОЮ

па возвращались все македонские земли, завоеванные иллирийцами в последнюю кампанию, а также территории в районе Лихнидского озера. Договор скреплялся династическим браком: Филипп взял в жены иллирийскую царевну Авдату. Этой победой конница и недавно сформированная пехота Филиппа доказали свое превосходство над армиями царей балканских племен.

Поражение Иллирии избавило от давления Эпир. Благодарный царь молоссян Арриба выдал замуж за Филиппа Олимпиаду, дочь покойного царя Неоптолема. Вероятно, уже ко времени брака с Олимпиадой Филипп был избран войсковым собранием царем под именем Филиппа II. Малолетний Аминта был низложен.

Весной 357 г. до н. э. Филипп осадил Амфиполь. К осени, «поставив осадные орудия против стен и проводя суровые и продолжительные нападения, Филипп смог пробить брешь в стене своими таранами, после чего вошел в город» (Диодор, XVI, 8, 2). Для того чтобы сделать возможным союз с Халкидской лигой, победитель провозгласил независимость Амфиполя. Немедленно после этого Филипп напал на Пидну; промакедонская партия открыла ему ворота и сдала город. Так как это было сделано в нарушение секретного договора между Филиппом и Афинами, последние объявили Филиппу войну. Но пока руки афинян

Филипп II

были связаны Союзнической войной¹, Филипп повел переговоры о союзе с Халкидской лигой, сильнейшим политическим объединением на северо-западе Греции.

Зимой 357/56 г. до н. э. жители города Лариссы попросили у Филиппа помощи против сыновей тирана Александра, которые правили Феррами. Филипп воспользовался возможностью предстать в роли борца с тиранией. Он отправил в Лариссу военную помощь и нанес поражение отрядам ферских тиранов; по мнению Юстина (VII, 6, 8), Филипп сделал это потому, что «страстно желал присоединить к своему войску мощную фессалийскую конницу», что Филиппу и удалось сделать впоследствии. Еще одной женой Филиппа стала фессалийка Филинна.

Зимой 357 г. до н. э. был заключен оборонительный союз между Македонией и Халкидской лигой. По условиям союза Филипп отдавал лиге богатую область Анфема и обещал помочь в освобождении Потидеи от Афин. Весной 356 г. до н. э. Филипп захватил Потидею, позволил афинянам уйти без выкупа и передал город лиге. Отправленная Афинами на выручку Потидее армия опоздала.

Благожелательная позиция Халкидской лиги дала Филиппу возможность направиться из Амфиполя в Кренид, который просил помощи против фракийцев. Филипп укрепил этот город, усилил его большим числом переселенцев, переименовал в Филиппы и взял под свой контроль золотые и серебряные рудники на горе Пангей. Эти рудники принесли Филиппу огромные богатства, которые он использовал для того, чтобы укрепить власть Македонии. В частности, эти деньги шли на вербовку наемников; Филипп также не гнушался использовать свои богатства на взятки.

Экспансия Филиппа вызвала враждебность фракийцев, которые вместе с пеонийцами и иллирийцами в июле 356 г. до н. э. заключили с Афинами военный союз с целью разбить Филиппа и изгнать его из

¹ Союзническая война (357–355 гг. до н. э.) – война между Афинами и отложившимися от них членами Второго Афинского морского союза (Хиос, Родос, Византий и др.).

МАКЕДОНЦЫ В БОЮ

Кренида и других завоеванных им земель. Однако Афины не пришли на помощь варварами, и те были разбиты поодиночке. В августе 356 г. до н. э. Филипп в один и тот же день получил три хороших известия: его полководец Парменион разгромил иллирийцев, у Олимпиады родился мальчик Александр, а царский конь победил в скачках на Олимпийских играх.

Олимпиада

В 355 г. до н. э. Филипп одержал ряд побед над фракийцами, захватив территорию Абдеры и Маронеи и блокировал принадлежавший Афинам Неаполь. В середине зимы 355 г. Филипп осадил Мефону – последний афинский оплот на македонском побережье. Афинская помощь прибыла летом 354 г. до н. э., когда город уже был взят отчаянным штурмом¹.

Укрепив государство, армию и имея стабильную финансовую систему, Филипп решил расширить зону своего влияния на всю Грецию, приняв участие в Священной войне.

¹ О штурме Мефоны рассказывает Полиэн (IV, 2, 15): «Филипп, представив лестницы к крепостным стенам мефонян, велел подняться по ним многим участвовавшим в осаде города македонянам. Когда же они поднялись, он убрал лестницы, чтобы, не имея надежды на отступление, эти воины с большим рвением овладевали стенами». В анонимной византийской биографии Филиппа говорится: «Филипп, воюя с Мефой, что рядом с Фракией, был ранен в правый глаз стрелой, которую выпустил один из мефонцев по имени Астер, написав на ней: «Астер посылает Филиппу смертоносную стрелу». Филипп, в свою очередь, написал на стреле: «Астера, если Филипп его поймает, он распнет». После заключения перемирия Филипп, горящий жаждой мести, нашел Астера, схватил и убил».

После того, как Дельфийская амфикистия¹ наложила проклятие на Фокиду за нарушение религиозного запрета возделывать священную землю в долине Кирры, вождь фокийцев Филомел, воспользовавшись финансовой поддержкой Спарты, собрал крупное войско наемников и сумел захватить Дельфы. Войну фокийцам объявили Беотия и Фессалия, и после ряда первоначальных успехов Филомел поздней осенью 354 г. до н. э. был убит в битве с фиванцами. Новым командующим фокийцев стал талантливый полководец Ономарх, который на награбленное в Дельфах золото сумел набрать армию наемников, численность которых достигала 20 тысяч человек. Подкупом Ономарх пытался привлечь на свою сторону и фессалийские полисы; на его сторону встали тиран Фер Ликофрон. Однако фессалийские полисы призвали на помощь против тирана Филиппа. Летом 353 г. до н. э. Филипп разбил объединенные силы Ликофрона и фокийцев, однако осенью того же года Ономарх нанес тяжелое поражение македонцам, в результате чего Филиппу пришлось покинуть Фессалию.

Однако Филипп отступил из Фессалии ненадолго. В начале 352 г. до н. э. он осадил Феры; тогда Ликофрон обратился к Ономарху и Афинам с просьбой о помощи. Весной Ономарх направился на север с 500 всадниками и 20 тысячами пехотинцев, а ему на поддержку отплыл афинский флот под командованием Хареса. Ономарх и Харес планировали объединиться в Ферах с сильной конницей и наемниками, а потом сразиться с врагом. Филипп за это время убедил фессалийцев передать под его начало все свои силы (в первую очередь – знаменитую фессалийскую конницу). Таким образом, македонскому царю удалось собрать под Ферами армию в 3 тысячи всадников и более 20 тысяч пехотинцев. Получив вести о приближении Ономарха к Ферам, Филипп оставил город и застиг армию Ономарха недалеко от побережья. Прежде чем афиняне успели высадиться и

¹ Амфикистия (греч.) – союз соседних городов-государств, образованный с целью защиты какого-либо общегреческого святыща.

прийти на помощь фокийцам, Филипп атаковал Ономарха. В «битве на крокусовом поле», как стало называться это сражение, фессалийцы и македонцы одержали решительную победу благодаря превосходству в коннице. В битве погибло более 6 тысяч фокийцев, а 3 тысячи, попавшие в плен, в соответствии с обычаем Священных войн были повешены или утоплены.

После битвы Феры и несколько других городов, поддерживавших Ономарха, немедленно капитулировали, а их тираны были изгнаны. Филипп решил ряд внутриполитических проблем Фессалии, прекратив военные конфликты между городами. Благодарная Фессалийская лига провозгласила Филиппа командующим своими силами и отдала ему все рыночные и портовые сборы страны, де-факто признав Филиппа своим гегемоном. В середине лета 352 г. до н. э. Филипп повел свои македонские и фессалийские войска к Фермопилам, чтобы соединиться с беотийцами и окончить Священную войну.

Во главе фокийцев после смерти Ономарха стал его брат Фаилл. Установив двойную плату для наемников, Фаилл быстро сколотил новую армию. Кроме того, тысячу бойцов фокийцам прислала Спарта, 2 тысячи – Ахайя; также к фокийскому полководцу перешли 2 тысячи наемников, ранее служивших у фессалийских тиранов. Марш Филиппа к Фермопилам заставил Фаилла поспешить на север. К коалиции присоединились также Афины, приславшие морем 400 всадников и 5 тысяч гоплитов для помощи в обороне Фермопил. Столкнувшись с такой коалицией фокийских союзников, Филипп отступил. В ноябре 352 г. до н. э. он провел успешную кампанию на фракийском побережье. После отступления Филиппа Священная война свелась к небольшим стычкам в Центральной Греции.

Тем временем Филипп расширял свои владения на запад. Около 351 г. до н. э. он полностью подчинил иллирийцев, приобретя благодаря захвату Иллирии богатые серебряные рудники. Он вел боевые действия в Пеонии и, вероятно, расширил свои владения на севере, а также укрепился в Северной Фессалии. В это же время Филипп заключил соглашение с Персией, по которому между двумя державами устанавливался дру-

жественный нейтралитет. К 349 г. до н. э. Филипп почувствовал себя достаточно сильным, чтобы предпринять самую опасную военную операцию по сравнению с предыдущими: завоевание Халкидской лиги.

Летом 349 г. до н. э. Филипп потребовал от руководства Халкидской лиги выдать ему двух претендентов на македонский престол – его братьев Арридея и Менелая. Халкидская лига могла либо подчиниться Филиппу, что означало бы неминуемое и скорое ее поглощение Македонией, либо отказать, что наверняка привело бы к войне. Лига отказалась выдавать Арридея и Менелая и призвала на помощь против Филиппа Афины. Афинское народное собрание откликнулось на просьбы лиги, заключило с ней союз и отправило в Олинф 2 тысячи наемников-пельтастов и 38 триер под командованием Хареса. Погодная ситуация не позволяла Афинам прислать дополнительную помощь. Некоторые города Халкидики были запуганы угрозами Филиппа и сдались, другие пали вследствие измены, третьи были взяты штурмом.

В течение зимы македонцы добились значительных успехов на Халкидике, и лига снова призвала афинян на помощь. Из Эвбеи был отправлен эскадрон афинской конницы в 150 всадников, а из Херсонеса, прибыл полководец Харидем с 4 тысячами пельтастов и 18 триерами. Летом Филипп в двух битвах разгромил олинфян и осадил город. В начале июля Олинф в третий раз обратился к Афинам, прося прислать гражданское ополчение, а не наемников. Афины отправили 300 всадников и 2 тысячи гоплитов гражданского ополчения с 18 триерами и необходимым количеством транспортных судов. Но еще до прибытия афинского флота Филипп навязал олинфянам сражение, в ходе которого вся олинфская конница во главе со своими командирами бежала, и город пал. По приказу Филиппа Олинф был разрушен до основания, а его население продано в рабство. Своих братьев Филипп «предал давно предрешенной казни и наслаждался как богатой добычей, так и желанным для него братоубийством» (Юстин, VIII, 3, 11). Халкидский полуостров вошел в состав Македонской державы.

Несмотря на то что после подчинения Халкидской лиги Афины боялись немедленного наступления на Аттику, Филипп не стал выводить армию в поход. Более того, в 346 г. до н. э. он предложил Афинам заключить мир и союз. Афин-ское народное собрание согласилось на это и выразило готовность действовать в Священной войне против фокийцев, если те откажутся сдать Дельфы. Вождь фокийцев Фалек, сменивший умершего от болезни Фаилла, понимая, что его положение безнадежно, капитулировал на условиях безопасного прохода для него и его 8 тысяч наемников. Вскоре капитулировала и вся Фокида. Чтобы обсудить карательные меры в отношении побежденной стороны, Филипп созвал Совет амфикионии. На совете было выдвинуто предложение казнить всех мужчин-фокийцев, а остальных продать в рабство, что вполне соответствовало практике, применявшейся обеими сторонами в Священной войне. Однако Филипп прислушался к афинянам, которые просили не принимать столь жестоких мер, и Совет вынес достаточно мягкий приговор. Фокийские города были превращены в деревни, все оружие конфисковано, и на страну была наложена контрибуция в 60 талантов, которую ежегодно следовало выплачивать Дельфам.

«Эти события дают четкое представление о политике Филиппа. В его власти было вырезать фокийцев и повести Фессалию, Беотию и Мегару на Аттику, но он предпочел закончить войну с минимальным кровопролитием, не стал нарушать союз, заключенный с Афинами, и постарался покончить со взаимной ненавистью между участниками Священной войны. Его поступки демонстрируют искреннее желание освободить святилище Аполлона и урегулировать ситуацию в Греции», – считает Н. Хэммонд.

Тем временем Филипп упрочил свое господство в Центральных Балканах, вторгшись в Дарданию и Иллирию, где завоевал дикие и гористые земли до равнины Скодры. Осенью 344 г. до н. э. Филипп вошел в Фессалию. Он изгнал тиранов, захвативших власть в некоторых важнейших городах, и попытался покорить их соседей. В ряде этих городов Филипп поставил у власти комитеты деся-

ти – декархии. Было восстановлено административное деление Фессалии на тетрархии, после чего местное самоуправление в рамках Фессалийской лиги стало осуществляться на региональном, а не на городском уровне. Это стало значительным шагом вперед на пути к объединению страны. Фессалийский народ избрал Филиппа пожизненным архонтом («правителем, вождем») лиги; в этом качестве он следил за мобилизацией войска и сбором налогов, а во время войны командовал фессалийской армией. Фессалия всегда хранила верность Филиппу и Александру, и поэтому во время правления этих двух царей жила в мире и процветании. В союз с Македонией вступила также Этолийская лига.

Зимой 343/42 г. до н. э. Филипп вошел в Эпир. Он изгнал регента Аррибу, родственника Олимпиады, который отказался отдать трон Молоссии Александру, шурина Филиппа. «Арриба рассчитывал, что благодаря свойству с Филиппом он увеличит свое государство, но этим самым Филиппом он был лишен своего собственного царства и состарился в изгнании», – резюмирует ситуацию Юстин (VII, 6, 11–12). Царство Александра Филипп расширил до Амбракийского залива. В то же время он упрочил власть молосского царя над племенами Центрального и Северного Эпира, вероятно проводя там такую же политику, что и в Македонии.

Рост благосостояния Македонии и энергичная экспансия Филиппа, впрочем, вызывали раздражение афинского народного собрания. Филипп надеялся добиться перемены в настроениях и политическом руководстве афинян, оказав на них косвенное давление. Он решил взять под свой контроль Боспор Фракийский и перерезать поставки продовольствия в Афины с Черного моря. С этой целью он начал кампанию во Фракии.

В течение лета и зимы 342 г. до н. э. Филипп воевал во внутренних областях Фракии. Царь фракийцев Керсеблепт был убит, и ряд фракийских областей оказался под контролем Македонии. Царь гетов, владевших равнинами Нижнего Дуная, выдал за Филиппа свою дочь с богатым приданым. В новых владениях Филипп создавал военные колонии и строил дороги. Важные торговые города – Аполлония и Одесс на Черном море

и Эн на северном побережье Эгейского моря – заключили с Филиппом союз, а весь этот регион в конечном счете выиграл от усмирения фракийских племен. Но успехи Филиппа во Фракии встревожили Византий и Перинф, опасавшихся чрезмерного усиления македонского царя.

Весной 342 г. до н. э. Диопит, командовавший афинскими наемными войсками на Херсонесе, напал здесь на союзную Филиппу Кардию. Кардия обратилась к Филиппу за помощью, и в городе был размещен македонский гарнизон. Когда Диопит совершил новые агрессивные действия и задержал посла Филиппа, требуя выкуп в 9 талантов, Филипп в начале 341 г. до н. э. направил в Афины протест, требуя отзыва Диопита. Афиняне, находившиеся под влиянием оратора Демосфена, яркого противника Филиппа, отвергли предложение македонцев и начали готовиться к войне. Диопиту были посланы подкрепления, по обеим сторонам Геллеспонта были размещены гарнизоны. Был заключен союз с Византием, Абидосом, Хиосом и Родосом. Персия снабжала Диопита деньгами – вероятно, это предусматривали переговоры между Афинами и Персией.

В 341 г. до н. э. Афины провели ряд успешных кампаний в Мегариде и на Эвбее. В марте 340 г. до н. э. союзники Афин собрались на совещание, на котором решили выставить армию для войны с Филиппом. Однако летом 340 г. до н. э. инициативу в свои руки взял сам Филипп, который прошел по Геллеспонту и высадил войска на побережье Херсонеса. Перевезя по морю осадные орудия, он начал осаду Перинфа. Диодор (XVI, 74–75) так рассказывает об осаде Перинфа: «Филипп возвел башни в 80 локтей высотой, которые намного возвышались над башнями Перинфа, и, пользуясь превосходством в высоте, изматывал осажденных. Он пытался проломить стены таранами и ослаблял их подкопами; ему удалось обрушить стену на длинном промежутке. Перинфяне мужественно защищались и быстро возвели вторую стену, совершив много достойных восхищения мужественных деяний на поле боя и при защите укреплений. Македонский царь, со своей стороны, сеял разрушение и смерть, стреляя из много-

численных и разнообразных катапульт по людям, стойко сражавшимся на укреплениях. Перинфяне же, несмотря на то, что их потери каждый день были велики, получали подкрепления людьми и припасами из Византия... Однако царь упорствовал в своем намерении взять город. Он разделил свои силы на несколько отрядов и с частыми сменами вел непрекращающуюся атаку на стены днем и ночью. У него было тридцать тысяч человек, большой запас снарядов и много осадных орудий, не считая других машин. Так он оказывал постоянное давление на осажденных. Осада затянулась. В городе росло число убитых и раненых, а припасы подходили к концу. Захват города был неизбежен». Однако Перинфу помогли могущественные союзники. По приказу царя Артаксеркса Оха персидские сатрапы прислали в Перинф наемников и припасы. Византий тоже направил в город свои лучшие войска. Македонцам удалось ворваться в город, но после жестокой схватки на узких улицах среди высоких домов они были оттеснены. Тогда Филипп разделил свою 30-тысячную армию на две части, одну из них оставил под Перинфом, а вторую повел на союзный Афинам Византий, чьи лучшие войска находились в Перинфе.

Одновременно с нападением на Византий Филипп объявил войну Афинам. В сентябре 340 г. до н. э. македонский флот Филиппа захватил несколько афинских судов, конвоировавших греческие торговые корабли. Афиняне в ответ отправили две эскадры кораблей с воинами для защиты Византия. В конце зимы 340/339 г. до н. э. македоняне предприняли решающий штурм Византия, но лай собак вовремя разбудил защитников; осада была снята¹. Македонскому флоту, запертому в

¹ Анонимная биография Филиппа рассказывает о войне Филиппа с Византием так: «Также он решился вести войну с византийцами, когда Пифон предал их, а полководцем у них был Лев. Филипп, желая опорочить его, написал византийцам: «Если бы я заплатил столько денег, сколько просит Лев, я бы уже взял Византий». И когда народ поверил этому и составил заговор против Льва, тот повесился, и так Филипп одержал победу над византийцами». Несмотря на то что факты анонимный источник излагает неверно, этот анекдот достаточно точно передает методы дипломатии Филиппа.

Черном море, грозило уничтожение. Тогда Филипп применил следующую военную хитрость: он отправил афинянам ложное донесение, будто бы Фракия готова восстать и перейти на их сторону, и афиняне отплыли к фракийскому побережью. Македонский флот спокойно выскользнул в открытое море.

Вероятно, Филипп заключил мир с Перинфом и Византием, которые не желали оказаться в руках Персии, а затем отправился на север воевать против скифского царя Атея. Находясь в затруднительном положении во время войны с истрийцами, тот попросил помощи у Филиппа. Когда же опасность войны с истрийцами миновала, Атей сообщил македонским послам о том, что его просьба более не нуждается в исполнении. Выслушав это, Филипп отправил к Атею послов, чтобы потребовать от него возвращения денег, затраченных на ведение военной кампании. Атей «стал ссылаться на то, что климат в Скифии неблагоприятный, а почва бесплодна; она не только не обогащает скифов, но едва-едва доставляет им пропитание; нет у него богатств, которыми он мог бы удовлетворить столь великого царя, а отделаться небольшой подачкой он считает более непристойным, чем вовсе отказать» (Юстин, IX, 2, 7). В ответ на это Филипп, сняв осаду с Византия, двинулся войной на скифов. Юстин пишет: «Хотя скифы превосходили македонцев и числом и храбростью, но они были побеждены хитростью Филиппа. Двадцать тысяч женщин и детей было взято в плен, было захвачено множество скота; золота и серебра не нашлось совсем. Тогда пришлось поверить тому, что скифы действительно очень бедны. В Македонию послали двадцать тысяч наилучших кобылиц для разведения коней скифской породы» (Юстин, IX, 2, 14–16). Однако когда Филипп возвращался с добычей, племя трибаллов отказалось его пропустить. Филипп прорвался через их земли, но был ранен в бедро всадником, вооруженным сариссой¹, а македоняне лишились большей части до-

¹ М. Маркл полагает, что именно этот эпизод показал Филиппу эффективность всадников, вооруженных сариссами.

бычи. Филипп вернулся в Пеллу в конце лета; настал момент для продолжения войны с Афинами¹.

Отступление Филиппа от Византия вызвало в Афинах огромную радость. На деньги богатых афинян начал строиться флот для войны с Македонией. Еще во время скифской кампании Филиппа натянутые отношения Македонии с Фивами выразились в том, что из Никеи фиванцами был изгнан македонский гарнизон. Для Филиппа, понимавшего, что два из трех сильнейших полисов Греции (кроме Спарты) готовы к открытому военному конфликту с ним, важнее всего было не допустить объединения остальных греческих государств против себя. Для этого македонский царь решил воспользоваться своим влиянием в дельфийской амфикионии. Когда на особом заседании амфикионии локрам Амфиссы была объявлена Священная война за распашку священных земель, Совет амфикионии предложил командование силами союза Филиппу, на что тот немедленно согласился. Осенью 339 г. до н. э. Филипп во главе македонских и фессалийских войск перешел через горы в Среднюю Грецию и встал лагерем у Элатеи, создавая непосредственную угрозу и Фивам, и Афинам.

Афинское народное собрание, возглавляемое ярким противником Филиппа оратором Демосфеном, приняло решение переманить Беотию на афинскую сторону, предложив ей союз на выгодных условиях. Афинские послы предложили беотийцам заключить союз против Филиппа, обещая передать Беотии командование на суше, совместно с ней командовать морскими силами и содействовать установлению власти Беотийской лиги над всеми городами Беотии. Собрание беотийцев проголосовало за союз с Афинами и войну с Филиппом.

Объединенные силы Беотии и Афин заперли проходы, по которым Филипп мог уйти из Фокиды, а Афи-

¹ Во время византийской кампании Филиппа правителем Македонии остался шестнадцатилетний Александр. Несмотря на свой юный возраст, Александр сумел покорить восставших медов, захватил их город, изгнал оттуда варваров и, заселив его переселенцами из различных мест, назвал Александрополем (Плутарх, Александр, 9).

ны прислали для прикрытия сил фиванцев 10 тысяч наемников под командованием Хареса. Филипп возвел укрепления в Элатее, Китинии и Фермопилах. В течение зимы обе стороны вели активную дипломатическую борьбу, в результате которой к Фивам и Афинам присоединились Ахайя, Коринф, Мегара, Акарнания, о-ва Эвбея, Левкада и Керкира. Филипп обратился к Беотии и Афинам с мирными предложениями, но под влиянием Демосфена они были отвергнуты.

В середине лета 338 г. до н. э. Филипп воспользовался тем, что главные греческие силы были разделены на два отряда, располагавшихся на расстоянии двухдневного перехода друг от друга. Македонский царь пошел на уже испытанную им уловку: в руки командиров наемников в Амфиссе попало ложное донесение, что из-за восстания во Фракии Филипп вынужден отозвать часть армии. Уловка Филиппа сработала снова: греки ослабили охрану перевала, Филипп ночью провел через перевал крупные силы, разбил 10-тысячное войско наемников, захватил Амфиссу и оказался в тылу союзников. Греческая армия поспешно отошла к Херонее. Филипп снова обратился к Афинам и Беотии с мирными предложениями, но Демосфен и его сторонники добились того, что оба государства ответили отказом. Тогда Филипп захватил Навпакт, оставил небольшой отряд прикрывать Дельфы и сосредоточил свою армию под Херонеей для решающей битвы. Вероятно, это случилось 2 августа 338 г. до н. э.

Под Херонеей Филипп смог сосредоточить не менее 2 тысяч человек конницы и 30 тысяч человек пехоты. 35-тысячная греческая пехота занимала выгодную позицию, протянувшуюся от реки Кефисс до предгорий к востоку от укрепленного акрополя Херонеи. Правый фланг занимали 12 тысяч беотийских гоплитов. Сильнейшей частью беотийского войска был «священный отряд», занимавший крайнюю позицию на правом крыле. Левый фланг армии занимали 10 тысяч афинских гоплитов. В центре союзной армии находились гоплиты других полисов, а также около 5 тысяч наемников. Глубина греческого строя составляла восемь человек, за исключением крайнего правого фланга, где тесным

строем стоял «Священный отряд». Греческая конница, приблизительно равная численностью македонской, оставалась в резерве.

Филипп знал, что беотийцы – закаленные и опытные войны, а афиняне, практически не воевавшие за последние двадцать пять лет, не имеют достаточного боевого опыта¹. По политическим соображениям Филипп хотел разгромить беотийскую армию и захватить в плен как можно больше афинских граждан.

Македонская армия была построена следующим образом. Восемнадцатилетнему наследнику престола Александру было поручено командование тяжелой македонской конницей, располагавшейся на левом крыле войска. Отряд легковооруженных пехотинцев был поставлен на правом фланге. Сам македонский царь во главе гипаспистов повел вперед правое крыло своей фаланги, так что его строй наступал наискось по отношению к греческому строю. Поэтому гипасписты достигли позиций афинян раньше, чем другие батальоны подошли вплотную к центру и правому флангу греков.

Под натиском афинян Филипп вынужден был податься назад. По Полиэну (IV, 2, 2), Стратокл, стратег афинян, воскликнув: «Мы должны до тех пор не отставать от врагов, пока не загоним их в Македонию!» – продолжил следовать за македонянами. «Афиняне не умеют побеждать», – сказал Филипп и стал отходить лицом к неприятелю, сомкнув фалангу и защитившись оружием от натиска афинян. Заняв возвышенности, Филипп приказал своим воинам атаковать афинян, которые в ходе стремительного наступления растянули и нарушили строй, и македоняне загнали их в горный карман, где тысяча афинян была убита и две тысячи захвачены в плен.

На правом крыле в атаку на «священный отряд» устремилась конница Александра. По Плутарху, именно

¹ Фронтин (II, 1, 9) пишет: «Филипп при Херонее учитывал, что у него солдаты закалены долгим опытом, а афиняне, хотя и ожесточены, но не имеют военного опыта и сильны только при нападении. Он поэтому затянул сражение; вскоре, когда афиняне уже выдохлись, он перешел в решительное наступление и порубил их». То же сообщает и Полиэн (IV, 2, 7).

восемнадцатилетний наследник престола «первый бросился в бой со священным отрядом фиванцев» (Александр, 9). Судя по указанию Плутарха (Пелопид, 18) на то, что весь отряд был уничтожен в одном месте, «грудью встретив удары македонских сарисс», фиванцы могли быть уничтожены в результате прямой атаки македонской конницы, вооруженной сариссами.

Херонейский лев

При той длине, которой обладала сарисса, и специально разработанном Филиппом построении клином македонская конница могла выполнять смертоносные лобовые атаки на фалангу греческого образца. Так как именно «священный отряд» был самой сильной частью армии противников Филиппа, разумно предположить, что именно на него и был направлен основной удар элитной македонской конницы. Отборная часть войска фиванцев была уничтожена¹. Когда строй союзников был прорван, Филипп запретил своей коннице преследовать бегущего врага.

После победы македонцев при Херонее Фивы немедленно капитулировали, а Беотийская лига была распущена. В городе было поставлено олигархическое правительство из 300 фиванцев, а Кадмею занял

¹ Плутарх рассказывает, что после битвы Филипп, увидев тела воинов «священного отряда», узнал, что это подразделение было составлено из воинов, состоявших в гомосексуальной связи, заплакал и промолвил: «Да погибнут злою смертью подозревающие их в том, что они были виновниками или соучастниками чего бы то ни было позорного» (Пелопид, 18).

македонский гарнизон. Афиняне были обязаны распустить Афинскую лигу и заключить союз с Македонией. В то же время, Афины сохраняли за собой ряд островов Эгейского моря. В целом условия мира для афинян после сражения при Херонее были довольно мягкими.

В конце 338 г. до н. э. Филипп, стремясь придать своей власти в Греции законную форму, созвал представителей от всех государств в Коринф. «Здесь Филипп определил условия мира¹ для всей Греции сообразно с заслугами отдельных государств» (Юстин IX, 5,1). Своей славной целью македонский царь видел ведение общегреческой войны против персов, предлогом к которой была необходимость их наказания за осквернение греческих святынь (Диодор, XVI,89,12). Таким образом, Панэллинский союз создавался не только как механизм, обеспечивающий господство Македонии на Балканском полуострове, но и как инструмент, дававший возможность привлечь всех греков к борьбе против общего врага. На призыв Филиппа не откликнулись только спартанцы, которые считали не миром, а рабством мир, дарованный победителем (Юстин IX, 9,3).

В первой половине 337 г. до н. э. на основе предложений македонского царя были выработаны единые принципы взаимоотношений между государствами, вошедшими в Панэллинский союз, и организационная структура этого союза. «Формально Панэллинский союз рассматривался как объединение свободных и автономных греческих полисов, каждый из которых располагал собственной территорией и самоуправлением. Территория полиса была неприкосновенной; чужие, в том числе и македонские, корабли могли посещать гавани только с разрешения местных властей. Гарантировалась также и свобода судоходства. Города – участники союза были свободны от налогов и повинностей, однако обязаны были выставлять свои воинские контингенты для

¹ «Поддержание гражданского мира было немыслимо без похода на Восток, который увлек бы за собой взрывчатые, социально опасные элементы и открыл бы ворота для новой греческой колонизации» (И. Ш. Шифман).

борьбы против общего врага. Возглавлялся союз гегемоном (вождем), которым, естественно, стал Филипп (Диодор, XVI, 89, 1); позже, когда подготовка к войне с Персией была уже в самом разгаре, он получил титул стратега-автократора, т. е. самовластного командующего (Диодор, XVI, 89, 3). Этим актом был подчеркнут специфический характер власти и положения Филиппа как военного предводителя», – пишет И. Ш. Шифман.

Была определена «численность вспомогательных отрядов, которые должны были выставить отдельные государства либо в помощь царю в случае нападения на него, либо для использования их под его командой в случае, если он сам объявит войну кому-нибудь... Численность вспомогательных отрядов была двести тысяч пехотинцев и пятнадцать тысяч всадников. Сверх этого количества – македонское войско и отряды варваров из покоренных Македонией соседних племен» (Юстин, IX, 5, 4–7).

Для рассмотрения текущих дел союза был образован специальный орган – совет (синедрион) эллинов. Каждое государство посылало туда своих представителей, но исполнение принятых советом решений всецело зависело от Филиппа. Его предложение о войне с Персией было встречено с энтузиазмом (Диодор, XVI, 89, 3). Вероятно, тогда же было принято решение о запрете грекам служить в войске персов наемниками (Арриан, I, 16, 6; III, 23, 8).

Создание Панэллинского союза позволило Филиппу начать активные действия против Персии. В Малую Азию был отправлен передовой отряд македонского войска под командованием опытных полководцев Пармениона, Аминты и Атгала (Юстин, IX, 5, 8). Перед этой частью македонской армии ставилась задача освободить греческие города от власти персов (Диодор, XVI, 91, 1) и создать плацдарм для наступления в глубь Персии. Отправив этот отряд в Азию, Филипп торопился завершить свои дела в Македонии, чтобы затем во главе основных частей последовать за ним.

Переправившись через Геллеспонт, передовой отряд македонян продвинулся до Магнесии на Меандре, поджидая подхода основных союзных сил. Остров Хиос и

ряд городов Малой Азии перешли на сторону Македонии. В то время как передовые части македонян закреплялись на побережье Малой Азии, а их греческие союзники готовились к походу на Восток, пришла весть об убийстве Филиппа на свадебных торжествах в честь брака его дочери.

Этому трагическому событию предшествовала свадьба Филиппа с молодой племянницей его военачальника Аттала Клеопатрой. Олимпиада¹ не только была глубоко оскорблена этим фактом, но и настроила Александра против отца (Плутарх, Александр, 9).

На свадебном пиру Аттал провозгласил тост за будущего законного наследника македонского престола от Клеопатры. Взбешенный Александр швырнул чашу в обидчика; пьяный Филипп попытался убить сына, но споткнулся и упал, не дойдя до него².

После этого мать и сын покинули Македонию: Олимпиада отправилась в Эпир, к своему брату, царю молоссов Александру, а Александр – в Иллирию. Филипп тяжело переживал разрыв с сыном, и вскоре послал за ним своего друга. По словам Юстина (IX, 7, 6), Александр «примирился неохотно и вернулся в Македонию против своей воли». Олимпиада же настолько жаждала мести, что побуждала своего брата начать войну с Македонией. Однако Филиппу удалось урегулировать конфликт, предложив в жены Александру Эпирскому свою дочь Клеопатру.

Перед одним из театральных представлений, сопровождавших эту свадебную церемонию Филипп и был убит своим телохранителем, знатным юношей Павсанием. У Павсания были весьма серьезные основания для мести Филиппу. Об этом подробно рассказывает Юстин (IX, 6, 5–8).

¹В изображении Плутарха (и других античных авторов) Олимпиада предстает очень яркой личностью, отличавшейся сильным, властным и страстным характером. Юстин (IX, 5, 9) сообщает, что предварительно Филипп развелся с Олимпиадой, но другие античные авторы об этом не упоминают.

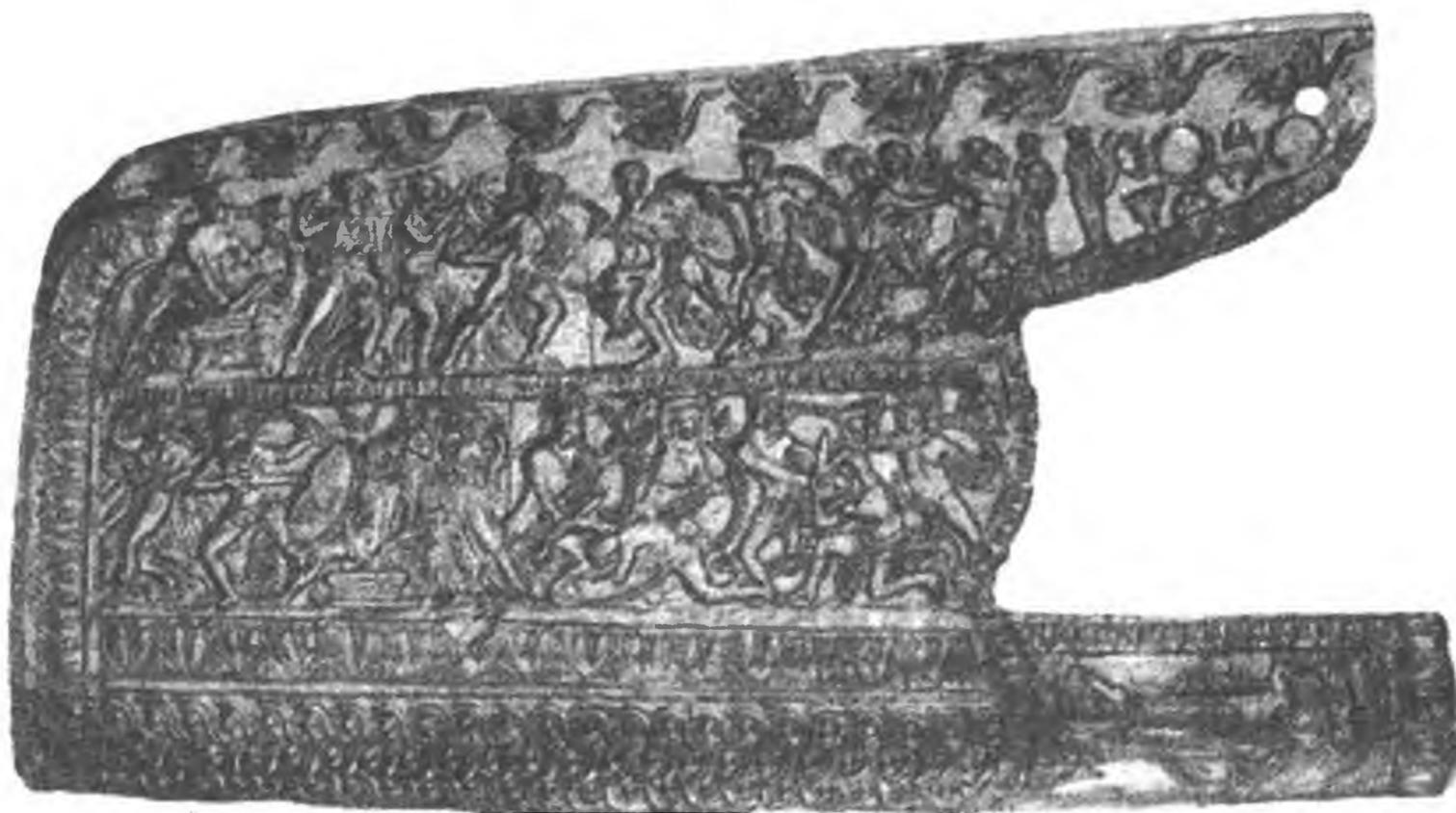
² Увидев это, Александр сказал: «Смотрите, люди! Этот человек, который собирается переправиться из Европы в Азию, растянулся, переправляясь от ложа к ложу» (Плутарх, Александр, 9).

Тот же автор прямо указывает на то, что за преступлением стояли Олимпиада и Александр, приводя немислимые подробности о посмертных почестях, которые якобы воздала Олимпиада убийце (увенчание его праха золотым венком, посвящение меча, которым был заколот Филипп, Аполлону и проч.), и утверждает, что «все это она делала настолько открыто, как будто боялась, что преступление, совершенное ею, будет приписано не ей» (Юстин, IX, 7).

Что касается оскорбленной Филиппом Олимпиады, чей фактурный образ в античной традиции явно демонизирован, то даже она едва ли могла быть заинтересована в смерти своего мужа (тем более накануне опасного военного похода), зная, каких трудов будет стоить ее любимому сыну борьба за македонский трон. Слухи же относительно причастности Александра к убийству отца Плутарх (Александр, 10) прямо называет клеветой. Свидетельства не только Плутарха, но и других античных авторов недвусмысленно говорят о том, что Филипп, несмотря на все трения в отношениях с Александром, именно в нем видел своего достойного преемника и готовил его к государственной деятельности.

Кроме Павсания, происходившего из знатного рода Орестидов, античные авторы называют участником заговора против Филиппа трех братьев из рода князей Линкестиды: Аррабея, Гермена и Александра¹. Таким образом, в устранении Филиппа были кровно заинтересованы представители княжеских семей Верхней Македонии, которых проводивший централизаторскую политику царь лишил власти. Смерть македонского царя была в высшей степени выгодна соседям Македонии: недавно завоеванные Филиппом иллирийцы, трибаллы и пеонийцы тотчас начали подготовку к нападению на оставшееся без руководителя государство, а многие греки (особенно афиняне) встретили извес-

¹ Сразу же после убийства Филиппа двое из братьев скрылись, Александр же первым признал царем сына Филиппа. Уже во время Восточного похода Александра Александр Линкестид был уличен в заговоре против царя и казнен.

*Золотая обкладка горита (футляра для лука и стрел)
из гробницы Филиппа*

тие об убийстве Филиппа всеобщим ликованием. В не меньшей (если не в большей) степени гибель македонского царя устраивала Персию (о причастности к заговору Дария пишут и Арриан (II, 14,5), и Курций Руф (IV, 1, 12).

В письме, где Александр обвиняет Дария в том, что Филипп был убит заговорщиками (Арриан, II, 14, 5), которых сплотили персы (причем хвастаясь этим), македонский царь упрекает царя персов и за вмешательство в греческие дела (подкуп спартанцев, стремление нарушить мир в Элладе).

Все эти обстоятельства говорят в пользу того, что Филипп «стал жертвой политического заговора, инициаторами которого выступили Греция и Персия, а исполнителями стали враждебные царю представители царских родов Македонии, стремившиеся добиться децентрализации управления страной» (Б. Г. Гафуров, Д. И. Цибукидис).

АЛЕКСАНДР ВЕЛИКИЙ

ВОЦАРЕНИЕ АЛЕКСАНДРА

«И так, двадцати лет от роду Александр получил царство, которому из-за сильной зависти и стрненависти соседей грозили со всех сторон опасности. Варварские племена не хотели быть рабами, но стремились восстановить исконно существовавшую у них царскую власть; что же касается Греции, то Филипп, покоривший ее силой оружия, не успел принудить греков смириться и покорно нести свое бремя. Филипп только перевернул и смешал там все, оставив страну в великом разброде и волнении, вызванном непривычным порядком вещей. Все это внушало македонянам опасения, и они считали, что Александру вовсе не следует вмешиваться в дела Греции и прибегать там к насилию, а восставших варваров надо привести к покорности, не обращаясь к жестоким мерам и стараясь пресекать попытки к перевороту в самом зародыше. Александр придерживался противоположного мнения и стремился добиться безопасности и спасти положение дерзостью и неустрашимостью, так как полагал, что, прояви он хоть малейшую уступчивость, и все враги тотчас на него набросятся», — пишет Плутарх (Александр, 11).

Судя по всему, Александр, в соответствии с македонскими обычаями, был провозглашен царем войсковым собранием.

Александр Великий

Тем не менее «вся скрытовраждебная Македония» видела законного претендента на престол в Аминте, сыне царя Пердикки III, троюродном брате Александра, отстраненном от власти Филиппом (Плутарх, О судьбе, 1, 3; Курций Руф, VI, 9, 17). Еще одним претендентом на македонский трон был сводный брат Александра Каран (Юстин, XI, 2, 3). Оба претендента были обвинены в заговоре против нового царя и казнены (Курций Руф, 6, 9, 17; Юстин, 11, 2, 3; 12, 6, 14).

У Александра также возникли серьезные опасения, что его власть попытается оспорить Аттал,

дядя последней жены Филиппа¹, весьма популярный среди македонских солдат, посланных в Малую Азию, и вступивший в сговор с греками, враждебными новому царю (Диодор, XVII, 1, 8; 5, 1; Эсхин, 3, 249). Александр отправил Гекатея, одного из своих гетайров, с заданием доставить Аттала в Македонию или ликвидировать его. Аттал был убит, возможно, не без участия Пармениона (Диодор, XVII, 2, 5–6; 5, 2; Курций Руф, VII, 1, 3; VIII, 7, 5). Позднее, отправляясь в восточный поход, Александр приказал умертвить всех родственников

¹ Сразу же после смерти Филиппа Клеопатру и ее новорожденную дочь погубила Олимпиада, что вызвало негодование Александра, который отсутствовал тогда, когда разыгралась эта трагедия (Плутарх, Александр, 10).

МАКЕДОНЦЫ В БОЮ

своей мачехи, которых Филипп поставил на самые почетные должности (Юстин, XI, 5, 1).

Как только Александр был провозглашен царем, он сразу же заявил, что все осталось прежним, что переменилось только имя царя, а «бразды правления будут натянуты так же крепко, как и при его отце» (Диодор, XVII, 2). Намереваясь продолжать завоевательную политику Филиппа, Александр постарался еще больше поднять боевые качества македонского войска, сделать службу в армии более привлекательной. Он освободил от уплаты податей тех, кто служил в войске; впоследствии такую же привилегию получили семьи погибших солдат (Арриан, I, 16, 5; Юстин, XI, 1, 10).

Больше всего македонского царя беспокоила Греция, где известие об убийстве Филиппа вызвало деятельную подготовку к войне. До Александра дошли слухи, что Демосфен призвал афинян начать войну с Македонией и что фиванцы приняли решение изгнать его гарнизоны из Кадмеи и не предоставлять ему право быть гегемоном эллинов. Действительно, ситуация в Греции была очень сложной: этолийцы постановили вернуть из Акарнании своих изгнанников, высланных еще Филиппом; амбракиоты изгнали македонский гарнизон и установили демократическое правление, а аргосцы, элейцы и спартанцы стали питать надежды на автономию (Диодор, XVII, 3, 2–5). Поэтому для Александра единственной возможностью предотвратить объединение греческих сил против Македонии был немедленный военный поход в Грецию. Уже в начале лета молодой царь выступил в Фессалию.

Поскольку фессалийцы охраняли проход в Темпейскую долину, Александр приказал высечь на крутом склоне Оссы небольшие ступеньки и «по ним вместе с македонянами, двигаясь на цыпочках, взошел на вершину и, перейдя Оссе, захватил Фессалию; фессалийцы же в это время продолжали охранять Темпейское ущелье. Еще и теперь проезжающие через проход в Темпейскую долину могут видеть скалы Оссы, превращенные в лестницу; их зовут лестницей Александра», – рассказывает Полиэн (IV, 3, 23). «Фессалийцев первых убедил он вручить ему по всенародному постановле-

нию гегемонию над Элладой, переходившую к нему от отца: он напомнил фессалийцам, что они издревле связаны с ним родством по Гераклу; произносил дружественные речи; вскружил им головы широкими обещаниями. После фессалийцев он расположил к себе также соседние племена и отправился к «Воротам», где собрал совет амфикиононов и убедил их с общего постановления вручить ему гегемонию над Элладой. К амбракиотам он отправил дружественное посольство и убедил их, что еще немного – и они получают независимость, которую он сам с охотой собирается им дать. А чтобы устрашить непокорных, он двинул на них македонское войско со всем его грозным снаряжением. После трудного перехода он явился в Беотию, разбил лагерь неподалеку от Кадмеи и внушил ужас жителям Фив. Афиняне, узнав о появлении царя в Беотии, перестали относиться к нему пренебрежительно. Стремительность юноши и его энергичная деятельность сильно перепугали людей, враждебно к нему настроенных... К Александру они отправили послов с просьбой простить их, если они замедлили с предоставлением ему гегемонии... Александр дал ласковый ответ афинским послам, избавив тем афинский народ от великого страха. Александр отправил в Коринф приказ послам и членам совета встретить его; когда совет собрался, царь произнес речь и своими разумными и кроткими словами убедил эллинов назначить его полномочным военачальником Эллады и идти с ним на персов, наказав их за их вины перед греками. Получив этот почетный титул, царь с войском вернулся в Македонию», – подробно пишет о действиях Александра в Греции Диодор (XVII, 4).

Итак, смятение, охватившее Грецию, было напрасным. «Александр и не думал о военном столкновении с бывшими союзниками своего отца. Во-первых, это было бы слишком опрометчиво, так как положение македонского государства со смертью Филиппа несколько пошатнулось, а врагов хватало и внутри и вне его. Во-вторых, Александр не ставил перед собой иных задач, кроме подтверждения тех прав, которые имел его отец в Элладе. Да и объективно ситуация на Балканах

была такова, что Македония и Греция в равной мере нуждались друг в друге: эллинский мир был не в состоянии собственными средствами преодолеть внутренний кризис, а Александр без поддержки греков не мог начать восточный поход, ибо нуждался в людских ресурсах и денежных средствах; кроме того, он возлагал надежды на греческий флот, который по своим боевым качествам не уступал персидскому. Слабая обеспеченность македонского тыла также была одной из причин «гуманного» отношения Александра к эллинам», — считает Д. Цибукидис.

С наступлением весны Александр отправился во Фракию против трибаллов и иллирийцев, так как он узнал, что эти народы восстали, и справедливо заключил, что, отправляясь в далекий поход, нельзя оставлять у себя за спиной соседей, которые до конца не усмирены.

Арриан (I, 1, 4–13) так рассказывает об этом походе: «Перейдя реку Несс, Александр на десятый день подошел к горе Гем. Там его встретила в ущелье, которым шла дорога на гору, толпа вооруженных горцев и “независимые фракийцы”¹. Они захватили вершину Гема и приготовились преградить войску дальнейший путь: собрали телеги и поставили их впереди, перед собой, чтобы они служили оградой и чтобы с них можно было отбиваться, если нападет враг². Кроме того, у них было в мыслях сбросить эти телеги на македонскую фалангу, когда она будет взбираться по самому крутому месту на горе. Они были убеждены, что чем теснее будет фаланга, на которую обрушатся сверху телеги, тем скорее эти телеги ее рассеют силой своего падения.

Между тем Александр составил план, как безопаснее всего перевалить через гору. Когда он увидел, что приходится идти на опасность, так как другого прохода нет, то он отдал гоплитам следующий приказ: когда телеги станут сверху валиться на них, то пусть солдаты в тех местах, где дорога широка и можно разбить строй,

¹ «Независимые фракийцы» — одрисы.

² Лагерь этих фракийцев (так называемый «вагенбург») был характерен и для других варваров Центральной Европы.

разбегаются так, чтобы телеги падали в промежутки между людьми; если же раздвинуться нельзя, то пусть они падают на землю, прижавшись друг к другу и тесно сомкнув свои щиты: тогда телеги, несущиеся на них, вследствие быстрого движения скорее всего перепрыгнут через них и не причинят им вреда. Как Александр указывал и предполагал, так и случилось. Одни бросились врассыпную; другим телеги не причинили большого вреда, прокатившись по щитам; ни одного человека они не убили. Македонцы ободрились, видя, что телеги, которых они больше всего боялись, не нанесли им вреда, и с криком кинулись на фракийцев. Александр приказал лучникам уйти с правого крыла и стать перед фалангой, где она была наиболее уязвимой, и встретить фракийцев, откуда бы они ни подошли, стрелами; сам он с агемой, щитоносцами и агрианами стал на левом крыле. Лучники, поражая фракийцев, выбегавших вперед, остановили наступление. Фаланга, вступив в дело, без труда отбросила варваров, легко и плохо вооруженных, так что они, не дожидаясь Александра, наступавшего слева, побросали оружие и кинулись с горы кто куда. Погибло их около полутора тысяч; живых захватили мало, потому что они были в беге быстры и хорошо знали местность. Забрали всех женщин, которые сопровождали варваров, детей и всю добычу».

Затем, перевалив через Гем (современная Шипка), Александр вступил на землю трибаллов¹ и стал лагерем на реке Лигин. Но еще до вторжения македонского завоевателя Сирм, трибалльский царь, в целях безопасности отправил женщин и детей на остров Певка на Дунае, на котором также нашли пристанище фракийцы. Когда Александр приблизился, войско трибаллов отступило и совершило обходной маневр, чтобы занять позиции у него в тылу. Узнав об этом, Александр последовал за варварами и настиг их в лесистой долине, где трибаллы разбили лагерь. Чтобы выманить противника на откры-

¹ Трибаллы – фракийское племя, жившее на территории Северной Болгарии. Как и иллирийцы – исконные враги Македонии (Диодор, XVII, 8, 1).

тое место, македонский царь применил следующую хитрость. Он приказал своим лучникам и пращникам наступать со стороны входа в долину и закидать противника дротиками. На небольшом расстоянии от них Александр разместил свою фалангу, а впереди нее с боих флангов расположил конные отряды. Он рассчитывал, что когда трибаллы столкнутся с лучниками и пращниками, они ринутся из долины и окажутся на открытом месте. Тогда он атакует их фалангой и кавалерией с фронта и с флангов. В этом маневре легкие пехотинцы Александра должны были стать приманкой для противника.

Все произошло именно так, как того и ожидал Александр. Разъяренные неожиданной атакой стрелков, трибаллы попали в ловушку; преследуя лучников и пращников, они неожиданно для себя оказались лицом к лицу с фалангой и кавалерией македонян. Фаланга под началом Александра обрушилась на их центр, в то время как две кавалерийские колонны окружили их фланги. Трибаллы потерпели полное поражение. «В бегстве погибло 3000; живых и на этот раз захватили мало, потому что лес у реки был густой, а наступившая ночь не позволила македонцам вести правильное преследование; македонцы же, по словам Птолемея, потеряли 11 всадников и около 40 пехотинцев» (Арриан, I, 2, 7).

Через три дня после битвы Александр достиг Истра (Дуная), где в условленном месте его уже ожидала отправленная им из Византия военная флотилия. «Посадив на них лучников и гоплитов, он поплыл к острову, куда бежали фракийцы и трибаллы, и попытался высадиться, но всюду, где бы ни пытались пристать корабли, их встречали варвары. Судов же было мало, и войска на них немного; крутые берега мало где позволяли пристать, а река около острова, сдавленная в теснине, неслась с такой стремительностью, что стать на якорь было невозможно», – пишет Арриан (I, 3, 3–4).

Необходимо было проделать то, что поразило бы противника, а именно – за одну ночь осуществить переправу через Истр и отрезать фракийцев от гетов, их сородичей. Те собрали на левом берегу Истра войско,

насчитывавшее 4 тысячи кавалеристов и свыше 10 тысяч пехотинцев, чтобы помешать переправе Александра, а также чтобы в случае необходимости поддержать трибаллов.

«Подробного описания того, как за короткое время Александр организовал и сумел осуществить переправу через самую великую в те дни реку в Европе, не сохранилось. Известно лишь то, что из древесных стволов было выдолблено огромное количество лодок, а из набитых сеном палаток македоняне соорудили плоты. Переправа через Дунай 1500 кавалеристов и 4000 пехотинцев за одну только ночь с помощью таких примитивных средств явилась бы поразительным достижением даже в наше время. Можно представить, каким потрясением она стала для трибаллов и других племен; в их глазах Александр оказался чуть ли не равным самому Богу», – пишет Дж. Фуллер.

Македонцы «переправились ночью в том месте, где росли густые хлеба, за которыми и не видно было людей, подбиравшихся к берегу. На рассвете Александр повел пехоту через хлеба, приказав воинам держать сариссы наискось и раздвигать колосья, пригибая их. Так они вышли на пространство необработанное. Всадники следовали сзади, пока фаланга не прошла через хлеба. Когда войско оказалось на целине, Александр сам повел конницу на правое крыло, а Никанору велел построить пехоту вытянутым прямоугольником. Геты не выдержали и первого натиска всадников; невероятной казалась им дерзость Александра, который так легко, в одну ночь, не наводя мостов, переправился через величайшую из рек, ужасной – сомкнутая фаланга, неистовым – натиск всадников. Сначала они бросились в свой город, отстоявший от Истра примерно на парасанг¹. Когда же они увидели, что Александр спешит со своей пехотой, идя вдоль реки, чтобы не оказаться пехоте в кольце и не попасть в ловушку, устроенную гетами, а всадники едут впереди, геты оставили свой плохо укрепленный город, забрав

¹ Парасанг – персидская мера длины (около 5–6 км).

МАКЕДОНЦЫ В БОЮ

с собой на лошадях столько детей и женщин, сколько лошади могли увезти: они устремились как можно дальше от реки в пустынные степи. Александр овладел городом и всем, что оставили геты», – рассказывает Арриан (I, 4, 1–5). Македонская армия, не потерявшая в бою ни единого воина, еще при свете дня переправилась через Дунай и вернулась в свой лагерь, расположенный на южном берегу реки.

Смелость македонских воинов дала результаты: трибаллы, преисполненные благоговейного страха перед храбростью противника, так же как и другие племена, быстро сдались. Даже кельты, населявшие восточный берег Адриатики, направили к Александру своего посла в надежде снискать его расположение. «Страх, который вселял Александр, – пишет У. Вилькен, – еще долго оказывал действие. Лишь спустя 50 лет кельты отважились вторгнуться в Грецию и Македонию».

Затем Александр отправился в земли агриан и пеонийцев. Однако по дороге его настигла весть о том, что Клит, иллирийский военачальник, сын Бардила, восстал против Александра и что Главкий, царь тавлантиев¹, был готов присоединиться к Клиту, а автариаты² собрались организовать засаду на пути следования Александра. Царь уже решил было повернуть назад, но в это время Лангар, царь агриан, который еще при жизни Филиппа выказывал явное расположение к Александру и от себя посылал к нему послов, явился теперь к нему и привел с собою самых красивых и наилучшим образом вооруженных щитоносцев, какие только у него были. Узнав, что Александр осведомляется, что за народ автариаты и сколько их, он сказал, что таких людей, как автариаты, нечего принимать в расчет: в этой стране это самое мирное племя. Он сам вторгнется в их землю: пусть больше думают о собственных делах, чем о войнах. По просьбе Александра он вторгся к ним и, вторгшись, разграбил

¹ Тавлантии – иллирийское племя, жившее на побережье Адриатического моря.

² Автариаты – североиллирийское племя, обитавшее в районе современной Черногории.

страну, увел пленных и унес добычу. Автариатам пришлось подумать о себе самих. Александр почтил Лангара великими почестями и одарил его дарами, которые у македонских царей считаются самыми почетными. Он пообещал Лангару, когда он прибудет в Пеллу, выдать за него свою сестру Кину (Арриан, I, 5, 2–4).

Лангар вернулся домой, заболел и умер. «Александр же подошел к городу Пелию, который, как самый укрепленный в стране, занял Клит. Подступив к городу, македонский царь разбил лагерь у реки и решил на следующий день брать стены приступом. Войска Клита занимали горы, кольцом окружавшие город, возвышавшиеся над ним и покрытые густым лесом; на македонцев, если бы они пошли на приступ, можно было напасть со всех сторон. Главкий, царь тавлантиев, на помощь к Клиту не явился. Александр подошел к самому городу. Враги устремились вперед с намерением вступить с македонцами врукопашную, но, столкнувшись с ними, сразу же, хотя занятая ими позиция и была прочной, отступили с такой поспешностью, что жертвы их остались лежать на поле боя» (Арриан, I, 5, 5–7).

Александр запер варваров в городе и, расположившись лагерем у стен, решил окружить город укреплениями и блокировать его. На следующий день появился с большим войском Главкий. Александр понял, что он не в силах взять города с таким небольшим войском: город обороняли опытные воины, а если бы войско Александра пошло на приступ, то оно могло бы оказаться зажатым между осажденными и с войском Главкия. Тогда Александр отправил за провиантом Филоту, приказав ему взять сколько нужно всадников для охраны и вьючных животных из лагеря. Главкий, узнав о маневре Филоты, погнался за ним и занял возвышенности, окружавшие ту долину, где отряд Филоты намеревался добыть провиант. Александр, получив известие о том, что его воины окружены и окажутся в опасности при наступлении ночи, лично поспешил им на выручку во главе отряда щитоносцев, лучников, агриан и около 400 всадников. Остальное войско он не отвел от города, чтобы не дать возможности осаж-

денным соединиться с Главкием. Главкий, узнав о приближении Александра, оставил горы, и отряд Филоты благополучно вернулся в лагерь. Тогда Клит и Главкий попытались захватить в плен самого Александра, пользуясь тем, что царь мог пройти только через горы. Враги заняли горные высоты, послав туда множество всадников, метателей дротиков, пращников и гоплитов.

«Место, где лежал проход для Александра, узкое и лесистое, с одной стороны было отрезано рекой, с другой поднималась очень высокая гора, вся в стремнинах, так что и четверем воинам со щитами было не пройти в ряд» (Арриан, I, 5, 8–12). Для прохода по этому узкому месту Александр выстроил свой отряд фалангой в 120 человек глубиной. «На каждом крыле он поставил по 200 всадников и приказал молча и стремительно выполнять приказы. Сначала он велел гоплитам поднять копья прямо вверх; затем по знаку взять их наперевес, а после тесно сомкнуть их и склонить направо и затем налево. Стремительно двинув фалангу вперед, он велел солдатам делать то направо кругом, то налево. Произведя таким образом в течение короткого времени разные маневры и построения, он повернул фалангу влево, выстроил ее клином и повел на врага. Те сначала с изумлением смотрели на быстроту и порядок совершаемого; сражения с Александром они не приняли и оставили первые возвышенности. Он приказал македонцам издать военный клич и ударить в щиты копьями. Тавлантиев этот крик испугал еще больше, и они быстро отвели свое войско к городу» (Арриан, I, 6, 1–4).

Александр, заметив, что небольшое число врагов удерживает высоту, мимо которой проходила его дорога, приказал своей охране и гетайрам взять щиты, сесть на лошадей и скакать к этой высоте. Им был дан приказ в случае, если враги, занявшие высоту, будут продолжать удерживать позиции, то половина отряда должна была спрыгнуть с лошадей, смешаться с всадниками и сражаться пешими. Враги, видя, что Александр наступает, оставили высоту и скрылись в горах. Так Александр с гетайрами занял высоту; сюда же были направлены агриане и около двух тысяч луч-

ников. Гипаспистам и фалангитам было приказано переправиться через реку, а после переправы развернуться налево и построиться тесной фалангой. Сам царь остался на передовом посту наблюдать с высоты за движением врагов. Противники, «видя переправляющееся войско, отошли к горам, чтобы напасть на арьергард, который отделился вместе с Александром. Он же при их приближении устремился на них со своим отрядом, а фаланга издала боевой клич, словно уже перейдя реку. Враги бежали, уклоняясь от воинов, наседавших на них вкуче. В это время Александр послал агриан и лучников бегом к реке; сам он опередил их и перешел первым. Увидев, что враги насаждают на арьергард, он велел установить на берегу машины и метать с их помощью дротики на такое расстояние, на какое только достанет машина, а лучникам остановиться посередине реки и стрелять. Воины Главкия не осмелились подойти туда, где уже падали стрелы; македонцы благополучно переправились через реку; при отходе никто убит не был» (Арриан, I, 6, 5–8).

Спустя три дня Александр узнал, что войско Клиты и Главкия живет в полной беспечности; караулы для охраны не расставлены, нет перед лагерем ни палисада, ни рва, словно все думают, что Александр в страхе бежал. Линия фронта была бессмысленно вытянута в длину. Александр ночью незаметно переправился через реку, ведя за собой гипаспистов, агриан, лучников и полки Пердикки и Кена. Остальному войску приказано было следовать за ними. Выбрав удобное для нападения время и не дожидаясь соединения всех сил, он бросил на неприятеля лучников и агриан. «Напав внезапно, с фланга, там, где противник был наиболее слаб, и потому удар их был наиболее силен, они одних убивали в постелях, других, которые пытались бежать, без труда ловили, так что многие были тут же захвачены и убиты; другие погибли при беспорядочном паническом отступлении. Немало людей было захвачено в плен. Воины Александра преследовали врага до самых гор в земле тавлантиев. Те, кто ускользнул от преследователей, спасся, бросив оружие. Клит бежал сначала в свой город, но затем город сжег и отправил

МАКЕДОНЦЫ В БОЮ

ся к Главкию в землю тавлантиев», – пишет Арриан (I, 9–11).

Так завершилась «северная» кампания Александра, блестяще проведенная им в одном из самых сложных для военного дела регионов Восточной Европы.

Историю второго после смерти Филиппа выступления греческих городов против македонян довольно подробно излагают Арриан и Юстин. Античные авторы пишут, что поводом для восстания послужило известие о гибели Александра в Иллирии.

Зачинщиками восстания греков источники называют Демосфена и фиванских демократов, которые своими речами склоняли народ на открытое выступление против македонян. В подтверждение своего сообщения о гибели Александра афинский оратор привел свидетеля, который говорил, что он сам был ранен в том бою, в котором пал царь (Юстин, XI, 2, 8). Греки поверили в смерть македонского царя, от которого долгое время не поступало никаких известий (Арриан, I, 7, 2–3). Этот непроверенный слух изменил настроение почти всех греческих государств, которые немедленно начали брать в осаду и уничтожать македонские гарнизоны (Юстин, XI, 2, 9).

Сохранились несколько противоречивые свидетельства античных источников о том, что в эту общегреческую борьбу включилась Персия, желавшая силами самих греков добиться ослабления Македонии, чтобы сделать невозможным осуществление замысла Филиппа – восточного похода.

По Арриану (II, 14, 6), впоследствии Александр в письме Дарию будет упрекать персидского царя в подстрекательстве греков к восстанию и скажет о его желании подкупить эллинские города и о том, что его денежную помощь приняли одни только спартанцы. Юстин, Диодор и Плутарх излагают ситуацию иначе. По их свидетельствам, 300 талантов золотом от персов получил Демосфен. На эти деньги он должен был организовать начало военных действий против македонян. Кроме того, Демосфен состоял в переписке с военачальниками Дария и помог фиванцам оружием (Юстин, XI, 2, 7; Диодор, XVII, 4, 8; Плутарх, Демосфен, 20, 23).

Не только Афины и Фивы начали готовиться к борьбе с Македонией. Военственные настроения господствовали также в Аркадии, Элиде, Мессении и Этолии. Но первыми военные действия начали Фивы. Фиванцы выманили из Кадмеи, городской цитадели, начальников македонского гарнизона Аминту и Тимолая и убили их (Арриан, I, 7, 1). Потом фиванцы выкопали вокруг крепости глубокий ров, обнесли его частоколом, чтобы осажденные не могли получить никакой помощи извне, и начали осаду гарнизона (Диодор, XVII, 8, 3–4). Афиняне послали в Фивы оружие.

Македонский царь очень серьезно отнесся к событиям в Греции, справедливо полагая, что мятеж, вспыхнувший в Фивах, может перекинуться на Афины, Этолию, Спарту, и вообще на весь Пелопоннес (Арриан, I, 7, 4; Плутарх, Александр, 11; Диодор, XVII, 8, 2; Юстин, XI, 2, 10). Он понимал, что действовать нужно без промедления. Всего за тринадцать дней македонская армия дошла до Беотии. Армия Александра шла настолько быстро, что, когда она уже находилась в Онхесте, в 50 стадиях от главного города Беотии, в Фивах еще только узнали, что македонское войско миновало Фермопилы. Фиванские демократы успокаивали народ, говоря, что это войско, посланное Антипатром, и что его ведет Александр Линкестиец, сын Аэропа. Сомнения рассеялись на следующий день: македонский царь стал лагерем вблизи Фив.

Источники единодушны в мнении, что Александр пришел в Грецию с целью не покарать восставших, а примириться с ними; несмотря на то, что под стенами Фив собралась 33-тысячная македонская армия (Диодор, XVII, 9, 3), царь, вероятно, как и прежде, рассчитывал на постоянное несогласие эллинов между собой и на их неспособность выступить единым фронтом. Не собираясь первым начинать военные действия и предполагая, что один город вряд ли отважится сразиться с такой многочисленной армией, Александр некоторое время выжидал, надеясь, что Фивы одумаются и пришлют посольство для заключения мира (Арриан, I, 7, 7; Плутарх, Александр, 11; Юстин, XI, 3, 6). Но фиванцы на совете командиров при-

няли решение начать войну с Македонией (Диодор, XVII, 9,1). Александр, который был готов простить Фивы за необдуманый шаг, выставил только одно условие – выдать двух зачинщиков возмущения, обещающая всем прочим неприкосновенность. Фиванцы в ответ, словно издеваясь над македонским царем, потребовали выдачи им Антипатра и Филоты. Это означало прямое объявление войны. Фиванцы предприняли вылазку за стены города и обстреляли передовые македонские посты, убив нескольких солдат. Александр отбросил противника обратно за стены города, послав против них лучников и легковооруженных воинов (Арриан, I, 7, 9).

После этого инцидента македоняне перенесли свой лагерь к городским стенам, поближе к Кадмее, чтобы оказать помощь своему осажденному гарнизону. В это время в Фивах разгорелась ожесточенная борьба между олигархами – сторонниками примирения с Александром, и его заклятыми врагами – демократами. Первые убеждали народ примириться с царем, вторые призывали к войне; демократов поддержали и беотархи (Арриан, I, 7, 11).

Арриан (I, 8, 1–7), ссылаясь на слова военачальника Александра Птолемея, красочно рассказывает о штурме Фив: «Пердикка, несший охрану лагеря и стоявший со своим отрядом впереди него, недалеко от вражеского палисада, не ожидая от Александра приказа идти в бой, сам, первый, своей волей, кинулся на этот палисад, разметал его и напал на передовой отряд фиванцев. За ним последовал Аминта, сын Андромена, так как он стоял вместе с Пердиккой; увидав, что тот уже за палисадом, он повел и свой полк. Александр, видя это и боясь, как бы фиванцы их не отрезали и им не пришлось бы сражаться одним, двинул остальное войско. Лучникам и агрианам он дал знак вбежать за палисад; агему и щитоносцев он держал еще перед ним. Пердикка, стремясь пройти за второй палисад, упал, пораженный стрелой. Его унесли в тяжелом состоянии в лагерь: поправился он с трудом. Воины, ворвавшиеся с ним, вместе с лучниками Александра загнали фиванцев в лощину, по которой шла дорога к храму Геракла. Они шли

за фиванцами, отступавшими до самого храма; тут фиванцы повернули с криком, и у македонцев началось бегство. Пал начальник лучников, критянин Эврибот, и человек десять лучников; остальные добежали до македонской агемы и царских щитоносцев. Александр, видя, что его солдаты бегут, а фиванцы, преследуя их, потеряли строй, бросил на них выстроенную фалангу, которая и оттеснила их за ворота. Фиванцы бежали в таком ужасе, что, теснимые в город через ворота, они не успели эти ворота закрыть. Вместе с ними в город ворвались и те македонцы, которые бежали сразу же за ними; на стенах же никого не стояло, так как выставлено было много сторожевых постов за городом. Подойдя к Кадмее, македонцы разделились: одна часть вместе с отрядом, державшим Кадмею, вступила в нижний город у храма Амфиона (фиванского героя. – *Авт.*), а другая перелезла через стены, уже захваченные теми, кто проник в город с беглецами, и бегом кинулась на агору. Какое-то недолгое время отряды фиванцев еще держались у храма Амфиона. Когда же македонцы стали нажимать на них со всех сторон и Александр появлялся то тут, то там, фиванские всадники, убегая, вынеслись через город на равнину; пехотинцы спасались, как кому удавалось».

И тогда началась жестокая расправа с безоружными людьми (Арриан, I, 8, 8). В резне особенно усердствовали платейцы, фокийцы и многие беотийцы, вымещавшие на стариках, женщинах и детях свои прежние обиды. Никого не щадили; убивали в домах, на улицах, в храмах (Арриан, I, 9, 1–2). Только наступление ночи прекратило побоище. Погибло около 6 тысяч фиванцев, потери македонян составили 500 человек (Диодор, XVII, 14; Плутарх, Александр, 11). Когда собрался Союзный совет для определения меры наказания побежденным, сторонники Македонии – платейцы, орхоменцы, феспийцы, чьи города были ранее разрушены фиванцами и восстановлены Филиппом, – упрекали Фивы в жестокости и указывали на их приверженность персам во время греко-персидских войн в ущерб свободе Эллады. Поэтому фиванцы, – говорили представители этих государств, – ненавистны

всем народам, и все требуют для них наказания не только за вероломство, но и за порочащую их славу сообщников «варваров» с древнейших времен (Юстин, XI, 3, 8–11)¹.

Формально и царь, и его союзники действовали справедливо, определяя меру наказания для провинившихся. Коринфское соглашение 338 г. до н. э., зафиксировавшее мир в Элладе, содержало особый пункт, предусматривавший суровое наказание как за измену общегреческому делу для тех, кто выступал инициатором враждебных действий против Филиппа или его преемников. Таким образом, Коринфское соглашение устанавливало прямую зависимость эллинских городов от Македонии, причем нарушение этого принципа влекло суровую кару. Александр как гегемон всегреческого союза поступил сообразно закону, исполнив предписание эллинов об уничтожении Фив: «Город срыть до основания, а землю, кроме священной, разделить между союзниками; детей, женщин и фиванцев, оставшихся в живых, кроме жрецов, жриц, друзей Филиппа или Александра и македонских проксенов², продать в рабство» (Арриан, I, 9, 9).

Судьба Фив настолько потрясла Грецию, что все ранее помышлявшие о независимости от Македонии обратили оружие против тех, кто советовал воевать с Александром. Аркадяне, готовые идти на помощь фиванцам, приняли постановление казнить тех, кто подстрекал к этому; элейцы поспешно вернули обратно изгнанников, бывших друзьями Александра; этолийцы отправили к македонскому царю посольство с просьбой о прощении, так как послушались гонцов из Фив, призывавших к восстанию.

Первым побуждением афинян после известия о фиванской беде было свезти все имущество из окрест-

¹ Важный факт сообщает Диодор (XVII, 9, 5–6): когда перед штурмом Фив Александр призывал восставших одуматься и перейти на его сторону, мятежники ответили, что они призывают в союзники к себе всех, кто хочет с их помощью и при поддержке персидского царя освободить Элладу от тирана. Лишь после такого ответа Александр, «озверев душой», приказал начать атаку.

² «Гостеприимцев», т. е. дипломатических представителей.

ностей в город и ожидать самого худшего. В это время, видимо, олигархические группировки посоветовали афинянам направить посольство из десяти угодных Александру деятелей для несколько запоздалого поздравления по случаю благополучного окончания похода в земли трибаллов и иллирийцев и выражения радости по поводу наказания фиванцев за восстание (Арриан, I, 10, 3). Александр любезно принял послов, но потребовал от афинян выдачи десяти демократических деятелей. На требование выдачи своих вождей афинский народ ответил отказом. Александр настоял лишь на изгнании афинского стратега Харидема, который бежал в Азию и присоединился к греческому наемному войску персидского царя Дария. На выполнении других своих требований Александр не настаивал и из уважения к культурным традициям Афин, и вследствие занятости приготовлениями к восточному походу, и из-за того, что ему не хотелось излишне раздражать греков и оставлять в тылу очаг недовольства (Арриан, I, 10, 6).

«Итак, спустя только год после гибели Филиппа Александр смог добиться тех прерогатив, которыми обладал его отец как «союзник» иллирийско-фракийских племен, а также гегемон и стратег-автократор греков. Все три пункта программы Александра, от которых зависело само существование македонского царства, были выполнены – уничтожена оппозиция внутри страны, приведены к покорности северные «варвары» и замирена Греция», – констатирует Д. Цибукидис. Лишь при выполнении этой программы македонский царь мог позволить себе перейти к реализации амбициозного плана своего отца – похода на Персию.

Филиппу поход на Восток представлялся в первую очередь как завоевание земель Малой Азии, изобиловавших богатыми торговыми городами со значительным количеством греческого населения. План Филиппа предусматривал захват этой территории для расширения границ македонского царства. Нельзя сказать, что идея восточного похода нашла всеобщий положительный отклик на Балканах. Силы, противившиеся

восточной кампании, существовали не только в Греции, но и в самой Македонии. Испытанные полководцы Филиппа Антипатр и Парменион советовали царю подождать с походом. Они рекомендовали сначала укрепиться в Македонии, народить детей и тогда уже братья за такое дело (Диодор, XVII, 16, 2). Но Александр был неколебим в желании реализовать свои планы.

Успехи, которых добился Филипп за 23 года царствования, несомненно, требовали огромных денежных затрат, а между тем они не окупались полностью ни увеличением добычи благородных металлов в рудниках Пангея, ни данью с греческих городов-колоний фракийского побережья. Военные предприятия поглощали огромные средства, и не всегда можно было прокормить войско за счет захваченных территорий, а поэтому изыскание денег постоянно заботило и Филиппа и Александра, тративших больше, чем имели. Характерно, что, разрушив Фивы, Александр тут же распродал его 30-тысячное население, выручив от этого 440 талантов.

Какими ресурсами располагал Александр к весне 334 г. до н. э.? По Арриану (VII, 9, 6), 500 талантов долга осталось в наследство от отца, 800 талантов он занял, а в казне было только 60 талантов. Плутарх пишет, что у царя имелось всего 70 талантов, 200 пришлось занять, а провианта было только на 30 дней (Плутарх, Александр, 15). Многие историки считают, что при столь ограниченных средствах вряд ли можно было помышлять о завоевании всего мира и что планы Александра, как и Филиппа, не шли дальше «освобождения» Малой Азии при поддержке греческого малоазийского населения. Но думать подобным образом означает не понимать гения Александра.

Александр прекрасно осознавал, что предстоящая кампания будет нелегкой и что необходимо мобилизовать все имеющиеся возможности, дабы одолеть численно превосходящего противника. В Македонию из Малой Азии был отозван опытный Парменион. Персы расценили этот шаг как просчет противника или как возможный отказ от реализации его планов и начали теснить македонский экспедиционный корпус, к тому

времени продвинувшийся за Эфес. Родосец Мемнон, один из наиболее способных полководцев на службе у Дария, во главе 5-тысячного наемного греческого соединения стал угрожать македонянам, закрепившимся на побережье Малой Азии. Однако тем временем в Македонии шла деятельная подготовка к восточному походу, намеченному на весну 334 г. до н. э. Смотры и упражнения войска сменялись заседаниями военачальников. Приготовление к походу завершилось олимпийскими состязаниями в Эгах, после чего войско двинулось к Геллеспонту (Арриан, I, 11, 3).

АРМИЯ АЛЕКСАНДРА ВЕЛИКОГО

Как уже говорилось выше, главную силу македонской армии составляли прославленные фалангиты – универсальные воины, которые могли быть вооружены как сариссами, так и копьями обычной длины. Наряду с ними в армии Александра существовали подразделения, тренировавшиеся для владения только копьем и щитом. По всей видимости, именно этот тип войск в армии Александра получил название гипаспистов. Само название «гипасписты» («щитоносцы») указывает на то, что ключевую роль в вооружении этого типа войск играли щиты, большие по размеру, чем щиты фалангитов. Гипасписты в более позднее время превращаются в телохранителей царей (соматофилаки).

В более позднюю эллинистическую эпоху в вооружении фалангитов и гипаспистов обязательным элементом становится панцирь. После похода Александра в Индию в его армии, а впоследствии в войсках диадохов появляются отборные отряды, получившие особые названия по виду своих щитов – отряды «среброщитных», «белощитных» и «меднощитных» воинов. Как и раньше, в их вооружение входили шлемы, поножи, короткие мечи и те же копья или сариссы.

Греческие бойцы, входившие в состав македонской армии, носили обычное снаряжение тяжеловооруженных и легковооруженных воинов – гоплитов и пельтастов. Национальные контингенты (фракийские всад-

Воины Александра (реконструкция М. В. Горелика)

ники, критские лучники и др.) пользовались традиционным оружием своих стран.

Александр постоянно улучшал организацию своего войска. Только хорошо обученная и дисциплинированная македонская армия, закаленная в битвах с балканскими народами, могла помериться силами с пер-

сидским войском, ядром которого были прославленная конница (прежде всего – бактрийская) и эллинские наемники, по своим боевым качествам немногим уступавшие македонским пехотинцам. Отбирая солдат для столь рискованного предприятия, македонский царь на первое место ставил их выносливость, сноровку, дисциплинированность и умение найти выход в любой сложной ситуации, что выгодно отличало умудренных опытом солдат-ветеранов от новобранцев. Вот почему в македонском войске было так много ветеранов, служивших еще Филиппу, и эти закаленные воины были скорее похожи на учителей военного дела, чем на обычных солдат (Юстин, XI, 6, 5).

Кроме индивидуальной подготовки воинов, крайне важную роль играло взаимодействие фаланги с тяжелой кавалерией гетайров, а также с частями легкой кавалерии и пехоты. Нововведением Александра было также применение отрядов лучников, пращников, копьеносцев (набираемых из пеонийских, иллирийских и фракийских племен) в качестве регулярных воинских единиц. Эти подразделения играли вспомогательную роль, и их задача состояла в разобщении и преследовании противника.

Наряду с фалангой ведущее положение в армии Александра занимала конница, созданная его отцом Филиппом после присоединения Халкидского полуострова. В коннице Александра основное место принадлежало тяжелым всадникам – гетайрам и фессалийцам. Они были вооружены копьями и мечами, носили шлем, панцирь, наплечники и набедренники; лошади имели защитные доспехи. Всадники, чьим основным оружием была сарисса, назывались сариссофорами («несущими сариссы») или продромами («бегущими впереди»)¹.

Для всадника, вооруженного сариссой, сила удара зависела от скорости, которую развивал его конь, а также от резкости выпада сариссы. Свое оружие всадник нес в правой руке, левой же он был должен держать

¹ Как синонимы эти термины употребляет Арриан (I, 14, 1; I, 14, 6). Тождество сариссофоров и продромов установил крупнейший специалист по военному использованию сариссы М. Маркл.

МАКЕДОНЦЫ В БОЮ

поводья. Для того чтобы не быть выбитым из седла во время своего выпада, македонский всадник должен был сильно обхватывать ногами круп коня. Зачастую, вонзив сариссу в тело своего противника, всадник уже не мог вытащить ее, поэтому копье приходилось бросать. Тогда всадник мог пробивать себе дорогу мечом.

Сариссофоры, по всей видимости, были лучшими наездниками в армии Александра. Кроме битв, в которых сариссофоры играли значительную роль (Арриан, I, 14, 1; I, 6; II, 9, 2; III, 13, 3), они широко использовались для выполнения стратегических задач вне поля боя. Эти маневры должны были выполняться без использования тяжелой сариссы, которая, конечно, замедлила бы передвижение воинов. Скорее всего, этим и объясняется то, что сариссофоры во время исполнения подобных задач называются источниками продромами. Продромы использовались Александром для разведки местности (Арриан, I, 12, 7; 3, 7, 7), преследования убегающего врага (Арриан, III, 20), быстрых переходов (Арриан, III, 18, 2).

Точное число сариссофоров в армии, подготовленной Филиппом, неизвестно: с Александром в азиатский поход отправилось около 600 сариссофоров, но какое-то их количество должно было остаться с Антипатром в Македонии.

Тяжелые конники – катафракты¹ (1800–2000 человек) – комплектовались из македонской знати и составляли привилегированную группу «друзей» царя. Конные части делились на 8 ил под общим командованием Филоты, сына Пармениона. Первой илой – «царской», под началом Клита, обычно предводительствовал сам царь.

Новым в армии Александра было появление диммахов – всадников, похожих на пельтастов, но способных вести бой как в пешем, так и в конном строю. Легкие кавалерийские отряды лучников, а также подразделения всадников из пеонийцев, фракийцев, македонян предназначались для прорыва вражеской обороны.

¹ Катафракты (греч. «закованные в панцирь») – вид тяжелой конницы, впервые появившийся у персов.

Конные части стали применяться Александром также для охраны флангов и тыла неповоротливой и уязвимой фаланги.

Обычное соотношение всадников и пехоты для греческих армий (в частности, в войске Эпаминонда) составляло 1:10. Уже Херонейская битва показала преимущество использования конных подразделений: сражение было выиграно благодаря введению в дело конницы левого крыла во главе с Александром. Используя этот опыт, Александр резко увеличил в своем войске долю кавалерии, доведя соотношение конных и пеших отрядов до 1:6 (5 тыс. всадников на 30 тыс. пехоты). Рост количества всадников, видимо, диктовался отчасти спецификой кампании, готовившейся против государств Востока, у которых (особенно у бактрийцев, саков, парфян и согдийцев) конница играла первостепенную роль. Уже в битве при Гранике соотношение кавалерии и пехоты у персов составляло 1:1 (на 20 тыс. пеших приходилось 20 тыс. конных). Показательно, что именно кавалерийское сражение решило исход этой битвы.

Македонское войско не имело себе равных прежде всего потому, что оно выступало в единстве всех составных частей – фаланги, тяжелой конницы и легковооруженных отрядов.

По мере продвижения в глубь Азии в армии Александра постепенно появлялись виды вооружения, свойственного азиатским народностям. Так, в македонском войске появились конные лучники, отряды бойцов на верблюдах, пращники и, наконец, колесницы с серпами, бывшие прежде в употреблении в персидских войсках. Уже ко времени индийского похода Александру стало ясно, что традиционная греко-македонская фаланга неспособна решить все задачи этой кампании: горный рельеф местности и индийская военная тактика делали ее непригодной. Фаланга участвовала в сражении только один раз (в битве при Гидаспе).

За два года Александр завоевал земли Пятиречья вплоть до устья Инда, но эти приобретения достались дорогой ценой: индийские племена имели хорошее по тем временам вооружение. Так, лучники-индийцы были

вооружены луками, обладавшими большой пробивной силой, а в левой руке носили кожаные щиты или дротики (Арриан, Индия, 16, 6–8). Все воины носили широкие мечи, длиной в три локтя, которыми действовали в рукопашном бою, нанося удар двумя руками (Арриан, Индия, 16, 9). Всадники имели на вооружении два копья и небольшой щит. Лошади у индийцев были не оседланы. Узда была непохожа на греческую: в рот коню вставляли железный стержень, к которому крепились поводья (Арриан, Индия, 16, 11). Показательно, что сражение с Пором было выиграно благодаря конной атаке – Александр понимал, какую силу представляет собой индийская пехота, усиленная боевыми слонами (Арриан, V, 16, 2).

По мнению Б. Г. Гафурова и Д. И. Цибукидиса, «слабость индийских племен, как и народов Восточных сатрапий (Согдианы, Бактрии), состояла не столько в вооружении, сколько в распыленности войсковых соединений, в постоянной вражде раздробленных царств, воюющих друг с другом, – Таксила, Пора, Абисара, Фегя, Сопифа, Аграмеса. Не какое-то особое превосходство греко-македонского войска, а междоусобицы племен позволили Александру завоевать Пенджаб и спуститься по Инду вплоть до Великого моря. В связи с этим лояльность, проявленную к македонскому царю рядом индийских правителей, можно рассматривать как политический расчет, желание опереться на чужеземное войско в борьбе за власть».

Численный состав армии Александра, отправлявшейся на Восток, источники определяют по-разному. В современной исторической литературе самыми достоверными считаются данные, почерпнутые античными историками из записей участников похода Птолемея и Аристобула, на основе которых и создал Арриан свой труд «Анабасис» спустя пять веков после описываемых событий.

О количестве войска Александра сообщают семь античных историков, и почти все они приводят различные данные: Арриан (I, 11, 3) и Плутарх (по Птолемею; О счастье, I, 3) приводят цифру в 30 тысяч пехоты и 5 тысяч конницы. По Аристобулу, свидетель-

ство которого также сохранил Плутарх (О счастье, I, 3), войско Александра состояло из 30 тысяч пехотинцев и 4 тысяч всадников. Диодор (XVI, 17; XVII, 17) говорит о 32 тысячах пехоты и 5 тысяч конницы. По Юстину (XI, 6, 2), в Азию с Александром отправились 32 тысячи пехотинцев и 4500 всадников. По Анаксимену (Плутарх, Александр, 15), македонский царь располагал 43 тысячами пехоты и 5 тысячами конницы. Полибий (XII, 19) и Тит Ливий (IX, 19, 5) приводят цифры только для пехоты: 40 тысяч и 30 тысяч соответственно.

Таким образом, совпадают только данные Арриана и Плутарха (30 тысяч пехоты, 5 тысяч всадников). Эти цифры взяты из дневниковых записей Птолемея, соратника Александра и будущего основателя царской династии эллинистического Египта. Отчасти близко к ним число, которое дает Диодор. Остальные же, заимствованные из малодостоверных источников, завышают численность греко-македонского войска в восточном походе.

Диодор (XVII, 17, 5) пишет, что, уходя в поход, македонский царь оставил регенту Антипатру 12 тысяч пеших и 1500 конных воинов для наблюдения за Македонией и греками.

Уже перейдя Геллеспонт, как указывает Диодор (XVII, 17, 3–4), Александр провел самый тщательный смотр своему войску. В нем оказалось 12 тысяч македонских пехотинцев, 7 тысяч греков-союзников и 5 тысяч эллинских наемников; всеми ими командовал Парменион. Одриссов, трибаллов и иллирийцев было 5 тысяч, лучников-агриан – 1 тысяча. Общая численность пешего войска составляла 30 тысяч человек. Кроме того, у Александра было 4500 всадников, в том числе 1500 македонян под командованием Филоты, сына Пармениона; 1500 фессалийцев под началом Калата, сына Гарпала; еще 600 эллинов, которыми командовал Эригий; 900 конных разведчиков, фракийцев и пеонийцев, во главе с Кассандром.

Таким образом, кроме собственно македонцев, в армию Александра входил также ряд союзных контингентов. Наибольшее значение имели отряды недавно

покоренных Македонией народов: фессалийцев, пенийцев, иллирийцев и агриан. Все они проявили себя в восточной кампании как отличные воины, служа в легкой кавалерии, разведке и вспомогательных частях; их общее количество (6 тысяч) было несколько меньше числа греческих союзных сил (7 тысяч), но зато их роль в сражениях была самой активной.

Коринфский союз охватывал множество греческих полисов, за исключением Спарты, отказавшейся заключить соглашение с Македонией (Арриан, I, 1, 2). Однако количество греческих сил было невелико. Вероятно, эллинские союзники невысоко ценились македонским царем, не обольщавшимся относительно настроений греков. Союз греков и македонян не был равноправным, так как Эллада подчинилась Македонии не по собственной воле. Эти небольшие союзные контингенты почти не вводились в дело, постоянно находясь в резерве или обозе, а позже использовались как гарнизонные солдаты. Как справедливо замечают Б. Г. Гафуров и Д. И. Цибукидис, эти воины, вероятно, были нужны Александру главным образом для придания походу общеэллинского характера.

Во главе войска стоял сам Александр, осуществлявший общее руководство через своих ближайших соратников – командиров ведущих подразделений, составлявших подобие военного совета при царе. Вторым военным руководителем был старый опытный Парменион, лучший полководец Филиппа, возглавивший все пешее войско (12 тысяч македонян, 7 тысяч греческих союзников, 5 тысяч наемников). Следующее по важности место после Пармениона принадлежало Антипатру, тоже бывшему военачальнику Филиппа; ему был доверен высокий пост регента Македонии и «умиротворителя» греков, для чего с ним осталось 13 500 проверенных в деле и закаленных солдат.

Оснований для того, чтобы оставить половину всего македонского войска в Европе, было достаточно. Печальный опыт борьбы за власть после гибели Филиппа научил царя многому: все бывшие союзники его отца тотчас превратились в непримиримых врагов, для усмирения которых понадобилось почти два года.

Поэтому Александр стремился крепкой рукой поддерживать стабильность положения на Балканах, что должно было надежно гарантировать «дарованный» грекам всеобщий мир. Но кроме регулярной армии, находившейся под началом Антипатра, имелись еще многочисленные македонские гарнизоны, расквартированные в Акрокоринфе, на Халкидике, на Эвбее, в Кадмее; их присутствие в ключевых местах Греции и на островах позволяло предотвратить враждебные действия демократических группировок и персидские происки.

Командный состав армии Александра состоял в основном из македонской знати, на первых порах выступавшей в единстве и всецело разделявшей планы своего царя.

Самыми близкими к царю считались друзья его юности Гефестион, Неарх, Птолемей, Гарпал, Эригий, которых Филипп изгнал из Македонии и которых Александр приблизил к себе после воцарения. Судя по источникам, наибольшим доверием пользовались Гефестион и Кратер. С Гефестионом Александра связывала давнишняя дружба. По словам Диодора (XVII, 114, 3), «Гефестион оказывал большое влияние на царя и мог высказываться свободно». Выходец из придворной македонской знати Пеллы, он обучался вместе с царем и был предан ему самозабвенно. Он первый помогал ему в сношениях с восточными народами и старался во всем подражать (Плутарх, Александр, 47). Другим по характеру был Кратер, за свой ум и прилежание пользовавшийся уважением царя. В сношениях с греками и македонянами Александр всегда прибегал к его помощи. Кратер происходил из верхнемакедонской провинции Орестиды и «оставался верен отцовским обычаям» (Плутарх, Александр, 47).

Вообще, командный состав армии Александра не был однороден. Здесь были и старые полководцы Филиппа – Парменион, Антипатр, и молодое поколение – Леоннат, Гефестион, Лисимах, Птолемей, выдвинувшиеся в число предводителей уже во время восточного похода, а также греки по происхождению – Неарх, Эригий, Эвмен.

Из всех ближайших соратников Александра только Пердикка и Кратер руководили таксисами (полками пешего македонского войска) с начала и до конца похода. Полисперхонт же получил таксис в битве при Иссе, Гефестион – в Индии, Птолемей – также в Индии, заняв место казненного Филоты на посту командира конницы. Конечно, за время десятилетнего восточного похода многое изменилось в руководстве и в самом составе войска, но при подготовке к кампании все пешее войско, поделенное на шесть таксисов, возглавлялось македонскими стратегами: Пердиккой, Кеном, Аминтой, Мелеагром, Филиппом (сыном Аминты) и Кратером.

Каково же было социальное происхождение командного состава греко-македонского войска? Все ближайшие соратники царя и стратеги происходили из македонского правящего класса. Такие крупные полководцы, как Парменион, Антипатр, возможно Кратер, владели крупными доходными хозяйствами.

Но были и другие, в своей массе выходцы из верхнемакедонских провинций, потерявшие после превращения Македонии в единое централизованное государство свои привилегии местных правителей. Не видя иного выхода, все они пошли на службу к Александру в надежде возместить утраченное дома обогащением на Востоке. Таких было много, и похоже, что именно они составляли основное ядро единомышленников Александра, быстро перенявших восточный образ жизни и с готовностью поддерживавших все мероприятия царя. К таким преданным соратникам царя относились Птолемей (из Эордеи), Гарпал (из Элимитиды), Пердикка (из Орестиды), а также Лисимах (из Пеллы).

Анализ источников показывает, что таксисы комплектовались в шести рекрутских округах; часто в античной историографии как самостоятельные войсковые единицы упоминаются линкестийцы, орестийцы, элимиоты, тимфейцы, эордейцы. Известно, что элимиотами командовал Кен, линкестийцами и орестийцами – Пердикка, тимфейцами – Полисперхонт (Диодор, XVII, 57).

Все же на начальном этапе похода ключевые посты по преимуществу находились в руках старых опытных командиров, таких, как Парменион, возглавивший пешее войско. Один его сын, Филота, руководил македонской конницей, другой, Никанор, стоял во главе отборной пешей гвардии аргираспидов, а Кассандр, сын Антипатра, возглавлял конную разведку, состоявшую из фракийцев и пеонийцев. В этой связи заслуживает внимания сообщение Юстина (XI, 6, 6) о том, что войском Александра в восточном походе руководили умудренные опытом немолодые командиры, не помышлявшие о бегстве с поля боя и думавшие о победе. С этим свидетельством римского историка вполне согласуются данные других античных авторов, указывавших, что такие соратники Александра, как Птолемей, Лисимах, Эвмен, Пифон, достигли высоких постов уже к концу восточной кампании, когда стало очевидно, что Парменион, Антипатр и другие представители «старой гвардии» не поддерживают планы царя по завоеванию всего мира.

Обращает на себя внимание тот факт, что наиболее инициативные командиры армии Александра происходили из верхнемакедонских провинций, так упорно боровшихся с Филиппом за право на независимое существование. Последняя вспышка сепаратистских настроений у верхнемакедонских царьков произошла со смертью Филиппа, когда внутренняя реакция подбивала к выступлению иллирийские фракийские племена, заинтересованные в раздробленности Македонии. Положение тогда спасли решительные действия молодого царя, предпринявшего «северный поход» и добившегося покорности соседних народов. Спокойствие на северных границах Македонии отняло последнюю надежду на возврат к прошлому у верхнемакедонских правителей, и все они потянулись в Пеллу ко двору Александра, став его ближайшими «друзьями» и помощниками.

Несомненно, Александр оценил преданность представителей верхнемакедонской элиты: многие из них выдвинулись на руководящие должности в армии и государстве. Так, Пердикка, происходивший из цар-

ского рода, стал таксиархом; Полисперхонт, потомок тимфейских царей, возглавил подразделения своих соотечественников. Возможно, к царскому роду принадлежал и Леоннат, воспитывавшийся вместе с юным Александром.

Но, несмотря на видимое единство всего командного состава греко-македонской армии перед походом на Восток, уже во время пребывания в Ликии был раскрыт заговор Александра Линкестийца, командира фессалийской конницы, брата Аррабея и Геромена, казненных за причастность к убийству Филиппа. Этот Александр, внешне преданный царю, вел тайные переговоры с Дарием, обещавшим ему за устранение своего страшного врага Македонию и тысячу золотых талантов. Эти сведения были получены от схваченного Парменионом персидского лазутчика. Любопытно, что Линкестиец был зятем Антипатра и что македонский царь, опасаясь восстания в Македонии, не стал предавать изменника палачу и продержал его в заточении три года, казнив только в Средней Азии вместе с Филотой (Юстин, XI, 7, 2; Диодор, XVII, 80, 2). Собрав на совет гетайров, Александр предложил не убивать Линкестийца, а только поскорее изолировать от войска, так как он опасался, что тот сможет поднять фессалийских конников на мятеж (Арриан, I, 25, 5).

При армии Александра были созданы вспомогательные службы, предназначенные для обеспечения солдат всем необходимым в походе (интендантство), рекогносцировки местности (бематисты), наведения мостов, переправ, подкопов при осаде крепостей. Во вспомогательных частях обычно служили фракийцы и греки. Техника наведения переправ и создания временных мостов с помощью постановки легких судов борт о борт была известна с древности; еще Ксеркс перешел Геллеспонт таким образом (Геродот, VII, 36). По свидетельству Арриана (V, 3, 5), в армии Александра имелись для этого специальные легкие суда.

Значительно сложнее обстояло дело с военным флотом, хотя еще Филипп проявлял неустанную заботу о его создании. Особенно стал необходим флот после овладения фракийским морским побережьем. Добив-

шись выхода к морю, Македония начала претендовать на Эгеиду, где ключевые пункты торговли контролировались греками и персами. Уже при жизни Филиппа был построен флот в 160 кораблей. Но, видимо, сам Филипп не возлагал на него особых надежд, ибо корабли использовались лишь для перевозок и изредка для прибрежного морского разбоя. Конечно, 160 македонских судов никак не могли равняться с персидским флотом в 400 боевых единиц, укомплектованным лучшими мореходами своего времени – киприотами и финикийцами.

Все античные историки отмечают недооценку Александром при подготовке восточной кампании возможностей греческого союзного флота – одни только Афины имели 350 кораблей. Почему же царь включил в состав своего объединенного флота только 20 афинских триер? Источники объясняют это недостатком средств на содержание корабельных команд (Диодор, XVII, 22), а по мнению И. Дройзена, царь хотел тем самым показать союзникам, что он стремится только к политическому верховенству, только к званию гегемона в эллинском мире, а не к территориальным захватам. И те и другие не правы, так как господство на море всегда было одной из важнейших целей греков, Персии и Македонии. Александру, вне всякого сомнения, был очень нужен настоящий, боеспособный флот, но материальные затруднения, возникшие после смерти Филиппа, мешали выполнению этой задачи; к тому же киприоты и финикийцы служили на персидских кораблях, а такие вынужденные союзники, как афиняне, вряд ли могли быть надежными. Ясно, что на приоритет в Эгейском море Александр на первых порах не мог рассчитывать; ведь острова Эгеиды, отошедшие в 386 г. до н. э. по Анталкидову миру к Персии, управлялись или олигархами, или тиранами проперсидской ориентации.

Так что начинать спор о преимуществе на море в столь сложной для Македонии ситуации было не только бесполезно, но даже опасно. Очевидно, взвесив все эти факторы, македонский царь основные надежды возложил на войско, чьи победы на суше, при успеш-

МАКЕДОНЦЫ В БОЮ

ном овладении персидскими портами малоазийского побережья, в дальнейшем могли дать перевес на море.

Армия, созданная Александром, стала высшей точкой развития военного дела Греции и Македонии. Ядро пешей армии Александра – фаланга, построенная на греческом опыте использования гоплитов и развитая Филиппом II, – поддерживалась многообразными соединениями легкой пехоты. Ударный кулак войска македонского царя составляла лучшая конница Греции – македонская кавалерия гетайров, помощь которой также оказывали многочисленные вспомогательные конные соединения. Однако поразительные успехи армии Александра лишь с формальной точки зрения можно объяснить превосходством македонского вооружения над персидским или индийским. Нельзя также отрицать, что индивидуально македоняне превосходили своих противников выносливостью и выучкой, но и это превосходство не было определяющим. Истинная причина успехов войска Александра лежала в самой личности македонского царя. Военный гений Александра позволял ему блестяще решать самые разнообразные военные задачи: от генеральных сражений (Исс, Гавгамелы) и осад крепостей (Тир, Газа) до переправ через охраняемые реки (Граник, Гидасп) и штурма занятых противником узких горных проходов и неприступных скал (Ворота Персии и др.). В каждом из этих военных мероприятий войско Александра отличалось великолепной организацией и взаимодействием между различными родами войск. Характерно, что, хотя Александр обладал плеядой выдающихся полководцев, которым поручалось вести независимые от основного войска боевые действия, ни одному из них не удалось добиться успехов, сравнимых с достижениями македонского царя. В то же время македонцы могли терпеть чувствительные поражения (самым тяжелым из которых была, пожалуй, гибель двухтысячного отряда Менедема: Арриан, IV, 5–6) вдали от своего царя, но никогда – под командованием Александра.

БИТВА ПРИ ГРАНИКЕ

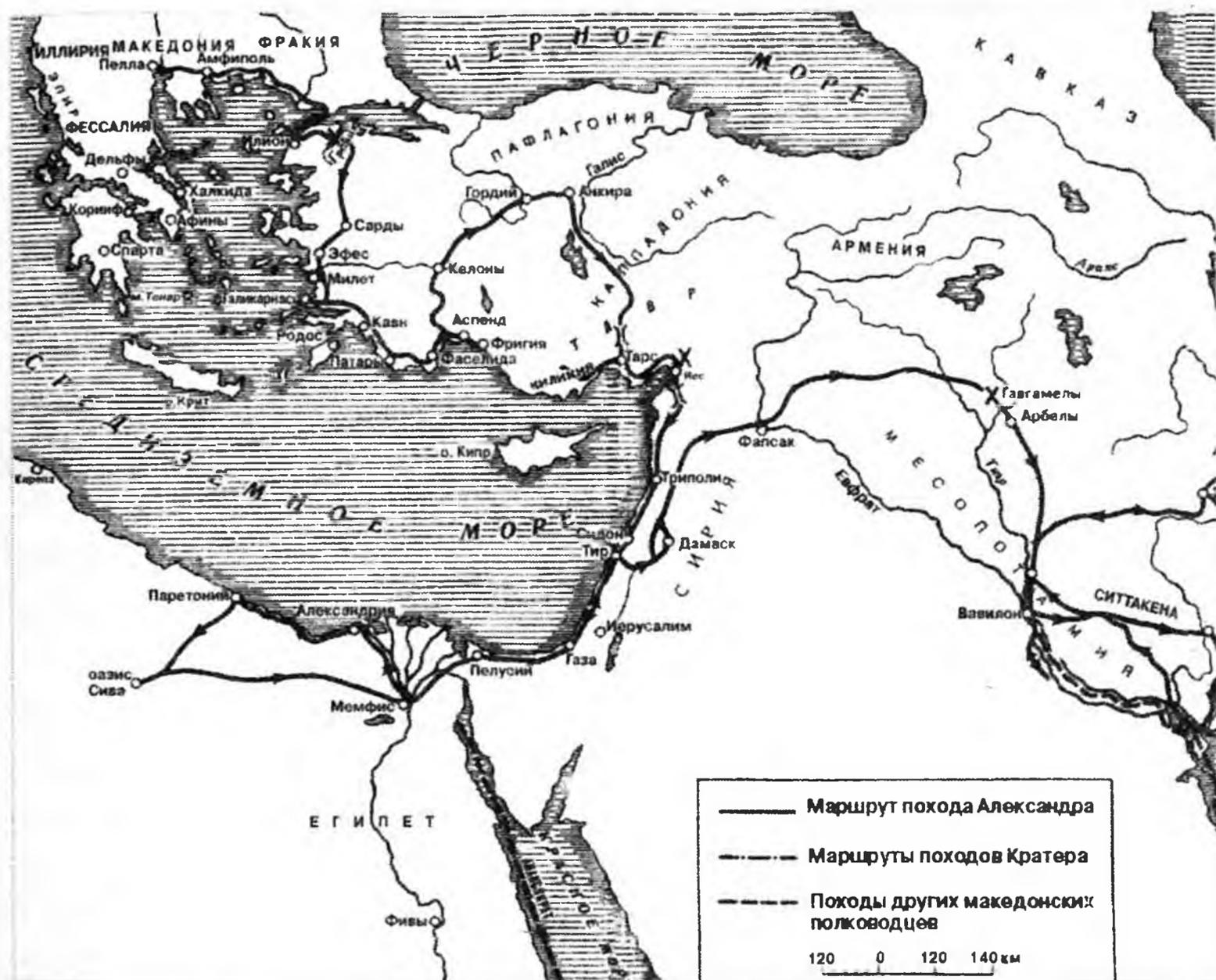
В 334 г. до н. э. Александр вместе с войском на 160 триерах и на множестве транспортных судов переправился через Геллеспонт в Азию. Высадка была осуществлена в Троаде; придя в Илион (Трою), Александр принес великолепную жертву Афине Илионской и посвятил богине собственные доспехи. Из священного оружия, хранившегося в храме, он выбрал самый прочный щит, с которым впоследствии и бился в сражении при Гранике. Александр также возложил венки на могилу Ахилла, а Гефестион – на могилу Патрокла (Арриан, I, 12, 1).

Из Трои Александр отправился в Арисбу, где соединился с остальным войском, переправившимся через Геллеспонт. Из холмистой Троады Александр направлялся к Зелейской равнине, лежащей в Геллеспонтской Фригии, где македонский царь мог в полной мере реализовать превосходство своей армии в выучке и вооружении.

Персидские сатрапы и военачальники не успели помешать переправе македонцев. Впрочем, использовать всадников – главную силу персидского войска – на пересеченной местности Троады было бы затруднительно. Войска персов и греческие наемники собрались на равнине у города Зелеи, где и произошло обсуждение стратегических планов. Родосец Мемнон, возглавлявший греческих наемников, которые годом ранее вели успешные боевые действия против войска Пармениона и Аттала в Азии, дал совет не вступать в сражение с македонцами, потому что македонская пехота значительно сильнее, а дополнительным фактором в сражении станет присутствие македонского царя при войске и отсутствие Дария. Мемнон предложил отступить, вытаптывать подножный корм конницей, жечь урожай и не щадить даже своих городов: Александр не сможет остаться в стране, где нет провианта. Затем по плану Мемнона нужно было переправить в Македонию морские и сухопутные силы, тем самым перенести военные действия в Европу. Несмот-

МАКЕДОНЦЫ В БОЮ

ря на то что стратегически план Мемнона был безупречен, персы посчитали, что благородным людям недостойно вести такую политику. Сатрап Геллеспонтской Фригии Арсит сказал на военном собрании, что он не допустит, чтобы у его подданных сгорел хоть один дом. Персы стали на сторону

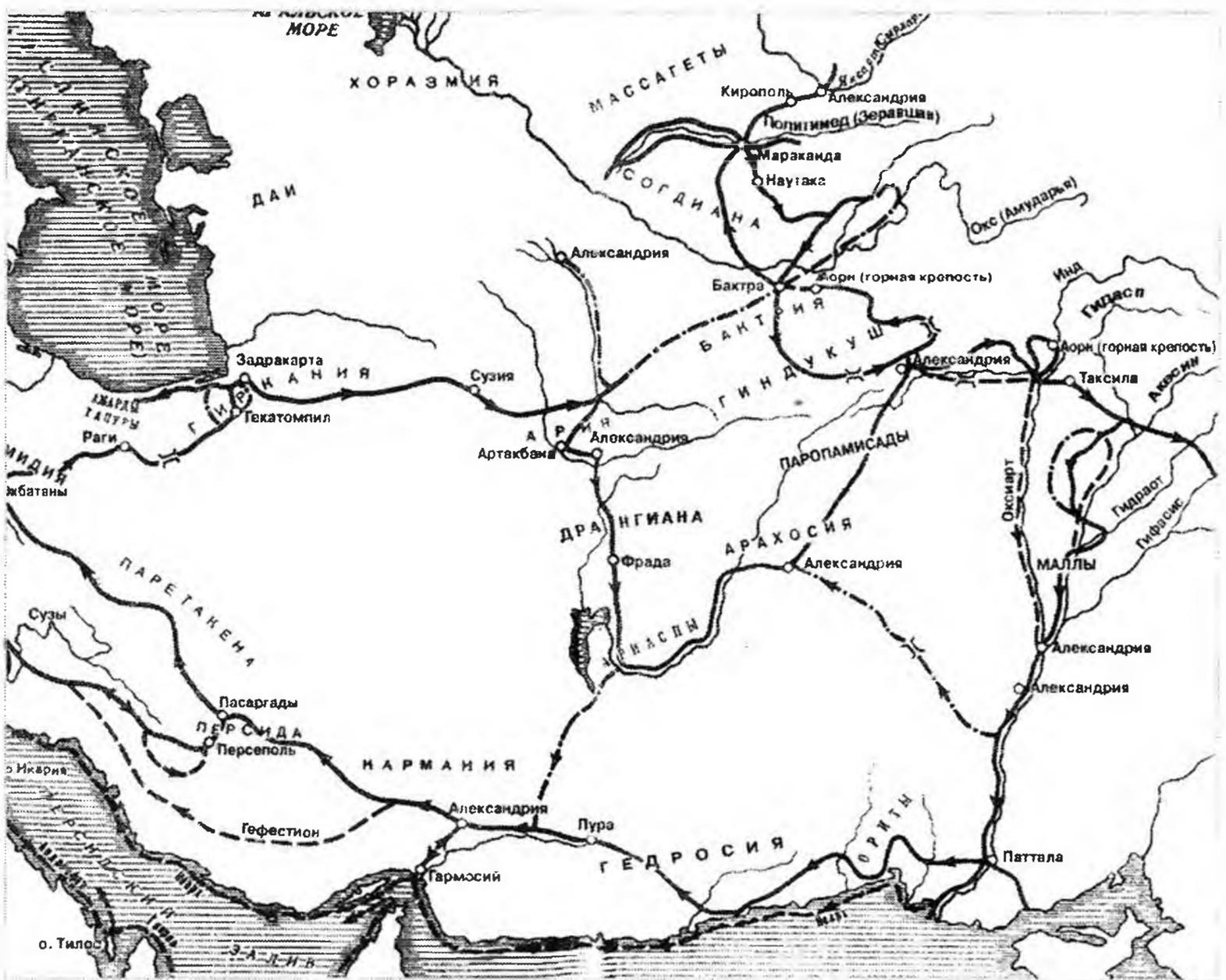

Походы Александра

Арсита; персидская знать была обеспокоена успехами Мемнона и его греческих наемников и полагала, что этот план родосский военачальник предлагает для того, чтобы укрепить позицию наемников в качестве главной военной силы Персии и собственное положение в войске. Общим собранием было решено дать бой Александру у реки Граник, служившей естественным препятствием для продвижения армии македонцев в Геллеспонтскую Фригию и Лидию.

Александр, уже приблизившись к Гранику, получил известие от разведчиков¹, что за рекой выстроилась готовая к бою персидская армия.

Персы, заняв место у подножия гор, были спокойны и рассчитывали напасть на Александра, когда тот станет переправляться через реку, надеясь, что в этот момент строй македонского войска разобь-

Походы Александра

ется и они легко ее одолеют (Диодор, XVII, 18, 2). Они полагали, что сил конницы будет достаточно для того, чтобы решить исход боя, и поэтому 100-тысячное пешее войско персов и греческих наемников спо-

¹ По Арриану (I, 13, 1), разведкой македонской армии командовал Гегелох; с ним были всадники, вооруженные сариссами, и около 5 тысяч человек легковооруженных воинов.

койно стояло в тылу (Диодор, XVII, 19, 4). В построении персидской кавалерии главные силы были сконцентрированы в центре и на левом крыле войска. Здесь располагались всадники под командованием Мемнона¹ и сатрапа Киликии Арсамена, пафлагонцы Арсита, гирканцы, которыми командовал сатрап Лидии и Ионии Спитридат и отборные воины из других племен, общей численно-стью в 10 тысяч всадников.

Расчет персов был верен: река была достаточно глубокой, а противоположный берег, который Александру предстояло брать с боем, – обрывистым и крутым. На это царю указал Парменион, подчеркнув, кроме того, что в такое позднее время дня переправа через Граник будет слишком рискованна. Александр на это ответил, что ему будет стыдно перед Геллеспонтом, если, переправившись через пролив, он испугается переправы через небольшую реку². Первыми в атаку Александр отправил легкие войска под командованием Аминты: продромов, пеонийцев и легковооруженную пехоту. Перед ними шла ила Сократа во главе с Птоломеем. Атака легких войск армии Александра была направлена на превосходящие силы левого крыла армии персов. Расчет македонского царя состоял в том, чтобы создать впечатление полномасштабной атаки македонцев, возглавляемой самим царем (илу Сократа персы должны были принять за царский отряд), тем самым спровоцировав левый фланг персов на наступление, которое смешало бы их ряды. Синхронно с этим сам Александр, ведя правое крыло армии, вошел в реку и, все время держа строй наискосок течению, начал переправу, смещаясь вправо с целью обойти левый фланг персов.

Элитные силы персидской армии без труда отразили атаку легких отрядов македонцев и обратили их

¹ У. Маккой убедительно показывает, что Мемнон и его сыновья были намеренно удалены от войска греческих наемников и поставлены в переднюю линию фронта, чтобы избежать возможной измены со стороны родосца.

² По заключению видного специалиста по истории античной Греции Н. Хэммонда, обследовавшего течение Граника (совр. Коджабаш), ширина потока тогда не превышала 5 метров.

в бегство. Первые из македонцев – храбрецы, схватившиеся с персами, – были изрублены, кроме тех, кому удалось повернуть к Александру, который уже приближался, ведя с собой правое крыло (Арриан, I, 15, 3). Однако потери македонцев не были напрасными. Благодаря тому, что левый фланг персидского войска был расстроен преследованием отступающего македонского авангарда, Александр сумел закрепиться на скользком глинистом берегу. Основные силы персов были оттянуты на левый фланг, и на противоположном крыле реку, не встретив значительного сопротивления, перешла фессалийская конница под командой Пармениона.

Битву решило противостояние персидской конницы и отряда под командованием Александра. Персидские всадники мужественно сражались, и коннице Спитридата удалось прорвать линию македонского строя. Целью Спитридата был сам Александр, которого легко было узнать по щиту и по султану на шлеме. Александр, увидев, что строй его войска прорван, повернул коня в сторону сатрапа и поскакал по направлению к нему. По яркому рассказу Диодора (XVII, 20, 3–7), Спитридат «подумал, что сами боги посылают ему счастливый случай: он один сразится с Александром, своим мужеством освободит Азию от великого страха, собственными руками убьет Александра – придет конец его дерзостным замыслам, о которых все кричали; не будет посрамлено славное имя персов. Он первый метнул в Александра дротик и кинулся на него так стремительно, с такой силой вогнал копье, что оно пробило щит и, задев правое плечо, прошло сквозь панцирь. Царь вырвал вонзившееся в руку железо, дал лошади шпоры и, рассчитывая, что в помощь ему будет сама стремительность его порыва, ударил сатрапа дротиком в середину груди. При виде такого мужества воины обеих сторон, стоявшие вблизи, громко вскрикнули. Наконечник сломался о панцирь, не причинив вреда; перс выхватил меч и устремился на Александра, но царь, схватив дротик, успел ударить его в лицо и нанести сквозную рану. Тогда брат павшего, Ресак, подскакав к Александру, так страшно ударил его

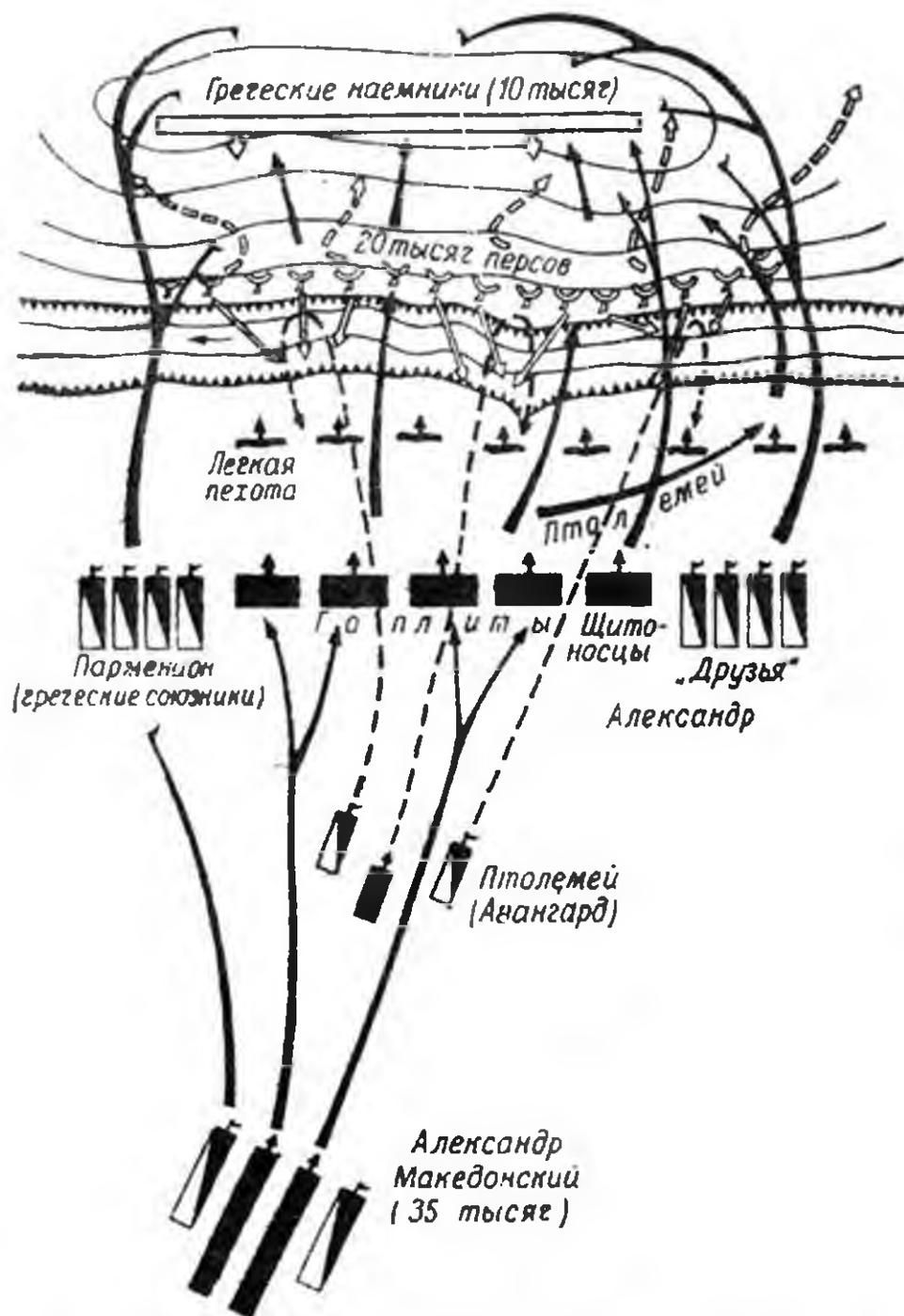
мечом по голове, что раскрыл шлем и слегка задел кожу. Ресак собирался другим ударом рассечь голову, но Клит, по прозвищу “Черный”, вынесшись на лошади, отрубил варвару руку»¹.

Это был лишь один из эпизодов битвы, в котором Александр рисковал своей жизнью. «Его окружали великие опасности, но и множество врагов не смогло его одолеть: панцирь его был пробит в двух местах, шлем в одном, щит, взятый из храма Афины, в трех, но он не отступал; его решимость и присутствие духа противостояли всем страхам» (Диодор, XVII, 21, 2). Но каждая атака персов на царя сопровождалась большими потерями. После гибели ряда военачальников персидские отряды, выстроенные против Александра, обратились в бегство, а вскоре за ними последовала и остальная персидская кавалерия.

После бегства персидской конницы вступила в сражение пехота. Впрочем, пехота персов сопротивлялись вяло и недолго; в скором времени обратились в бегство все, кроме греческих наемников. Наемники, сомкнув ряды у подножья холма, были готовы сдаться, если Александр гарантирует им личную безопасность. Однако царь не пожелал вести переговоры с наемниками, а напал на них первым. Александр сам возглавлял атаку, и при этом даже потерял своего коня, пораженного в бок мечом (это был не Буцефал, а другой конь). Как сообщает Плутарх (Александр, 16), именно в этой схватке больше всего македонян было ранено и убито, так как сражаться пришлось с людьми воинственными и отчаявшимися в спасении.

Античные источники по-разному оценивают потери персов в битве при Гранике. Цифры Диодора (XVII, 21, 6) и Плутарха (Александр, 16), согласно которым было убито около 2500 всадников и 20 тысяч пехотинцев, явно завышены. Более правдоподобным представляется сообщение Арриана (I, 16, 2), согласно которому персы потеряли около 1000 конницы, а 2 тысячи греческих наемников были взяты в плен. Потери сре-

¹ У Плутарха (Александр, 16) Клит останавливает удар не Ресака, а самого Спитридата, тогда как Ресака Александр поражает мечом сам.

Битва при Гранике

ди греческих наемников во время битвы также составили, вероятно, 2–3 тысячи воинов. Македонцы потеряли 25 гетайров, около 60 других всадников и 30 пехотинцев (Арриан, I, 16, 4).

После сражения Александр устроил великолепные похороны погибшим. С их родителей и детей он распорядился снять нало-

Александр на коне. Бронзовая статуэтка. Римская копия с греческого оригинала Лисиппа

ги и освободил от обязательных работ. Как передает Диодор (XVII, 21, 5), все это Александр делал в расчете на то, что такие почести сделают его солдат еще неустрашимее. Александр лично заботился о раненых¹: сам обошел всех, осмотрел раны, расспросил, как кто был ранен, и каждому дал возможность и рассказать о том, что он сделал, и похвастаться (Арриан, I, 16, 5). Захваченных в плен греческих наемников Александр заковал в кандалы и отправил в Македонию на работы, обвинив их в нарушении обще-

¹ Плутарх (Александр, 8) отмечает, что сам Александр занимался врачебной наукой, любовь к которой ему привил преимущественно его учитель Аристотель.

греческого дела. В Афины же царь приказал отправить 300 комплектов персидского воинского снаряжения в дар Афине Палладе, на которых велел сделать такую надпись: «Александр, сын Филиппа, и все эллины, кроме лакедемонян, взяли от варваров, обитающих в Азии» (Арриан, I, 16, 7).

Царь единогласно был признан первым храбрецом, и всем было очевидно, что победа достигнута благодаря его личным качествам. Прославляли также мужество фессалийских всадников, великолепно маневрировавших и отлично бившихся против персов.

Победа при Гранике открыла Александру дорогу ко всей Фригии и Лидии. Даскилий, резиденция геллеспонтского сатрапа, был покинут гарнизоном и взят Парменионом без боя. Александр, не встречая никакого сопротивления, вместе с войском прошел через территорию Лидии и овладел Сардами. Сатрап Мифрен добровольно вручил царю доверенные ему сокровища главного города Лидии. Сатрап Фригии Арсит, понимавший свою роль в поражении персидского войска, покончил с собой. Перед Александром лежала оставшаяся без центрального военного командования Малая Азия.

ЗАВОЕВАНИЕ МАЛОЙ АЗИИ

После поражения при Гранике Мемнон бежал в Эфес, где ему предоставила убежище местная олигархическая группировка. Олигархи, почувствовавшие за собой силу, стали убивать демократов, сторонников Македонии. В условиях крайне обостренной политической борьбы демократических и олигархических группировок Александр приблизился к Эфесу, из которого Мемнон предусмотрительно бежал в Галикарнасс (Арриан, I, 17, 10–11).

Вероятно, при приближении Александра с войском демократические группировки одержали верх и сдали город грекам и македонянам без боя. Далее, по Арриану, народ, освободившийся от страха перед олигархами, стал убивать тех, кто открыл городские ворота Мемнону (I, 17, 12).

МАКЕДОНЦЫ В БОЮ

Карийские города охотно стали переходить на сторону Александра. Видя свою основную задачу в овладении персидскими морскими базами на малоазийском побережье, Александр из Эфеса направился к Милету (Арриан, I, 18, 3). Что касается мелких ионийских городов, то их освобождение осуществляли соратники македонского царя с небольшими отрядами, в то время как сам Александр готовился к штурму главной базы персидского флота.

Для овладения Магнесией и Траллами был послан отряд Пармениона с 200 всадниками и 5 тысячами пехоты, а Алкимах, сын Агафокла, примерно с такими же силами отправился на север освободить эолийские и ионийские города (Арриан, I, 18, 1–2). Арриан неоднократно подчеркивал, что Александр в Малой Азии повсеместно уничтожал олигархию, восстанавливал демократию, разрешал жить по старым законам и упразднял подати, уплачиваемые персам.

Однако Милет отказался сдаться Александру добровольно. Гегесистрат, персидский комендант города, ранее писавший Александру о сдаче, при подходе греков и македонян переменил свое намерение и был готов встать на защиту города (Арриан, I, 18,4). От овладения Милетом зависело многое – и решение давнишнего спора о господстве на море, и успешное продвижение в глубь Малой Азии. Александр не мог рассчитывать на легкую победу: Милет имел двойные крепостные стены, внутреннюю гавань для стоянки флота, достаточно вооружения (Диодор, XVII, 22, 2). К тому же там нашли убежище Мемнон и уцелевшие в битве при Гранике персы.

Македонский царь приказал Никанору, командующему эллинским флотом в 160 кораблей, закрыть подходы к городу и блокировать Милет. Действуя без промедления, Александр достиг важного преимущества: эллинские корабли стали на якорь у острова Лада, а подошедший туда через трое суток персидский флот (300 кораблей) был вынужден остаться на внешнем рейде у мыса Микале, будучи не в состоянии проникнуть во внутреннюю гавань, занятую эллинскими триерами.

В этой ситуации мнения Александра и Пармениона в отношении дальнейших действий разошлись. Несмотря на то что у персов было 300 кораблей, а у македонян 160, Парменион настаивал на морском сражении, которое, по его мнению, принесло бы великую пользу для всего дела, а поражение не было бы столь пагубным, так как персы все равно господствовали на море (Арриан, I, 18, 6). Но Александр, лучше оценив ситуацию, счел, что мнение Пармениона ошибочно, ибо бессмысленно маленькому флоту вступать в сражение с большим и более опытным в морском деле. Кроме того, что еще более важно, поражение в морском сражении умалит славу македонян на суше и, возможно, будет иметь прямые последствия в Греции, где «эллины заволнуются и поднимутся при известии об этой неудаче на море» (Арриан, I, 18, 8).

Взяв Милет в кольцо блокады, Александр начал штурм: он поставил тараны у стен, пробил их и в образовавшиеся проломы направил солдат. Греко-македонское войско во-рвалось в город. Персы со своих кораблей, стоявших у мыса Микале, видели, как наемники и милетяне, теснимые македонянами, на перевернутых щитах устремились к безымянному островку в поисках спасения. Взяв Милет, Александр послал к острову триеры со штурмовыми лестницами. Арриан пишет, что царь пожалел смельчаков, готовых стоять насмерть, и предложил им пощаду, если они согласятся служить в его войске. 300 эллинских наемников сдались на милость победителя, а мятежных милетян, уцелевших при взятии города, царь простил и даровал им свободу (Арриан, I, 19, 6). Диодор несколько иначе рассказывает о результатах взятия Милета: «Александр с милетянами обошелся человеколюбиво, а всех остальных обратил в рабство» (XVII. 22, 5). Этими остальными были персы и иноземцы, принявшие участие в защите города, а человеколюбие царя объяснялось тем, что, пока тон походу задавала панэллинская политика свободы и единения греков, не следовало, выступая в роли спасителя, жестоко расправляться с теми, кого освобождали от персидского гнета.

После падения Милета Александр формально выпустил флот, который он использовал только один раз, да и то во вспомогательных целях, несмотря на усилия персов навязать македонянам морское сражение.

Древние авторы это важное мероприятие Александра объясняют бесполезностью флота и невозможностью соперничества с опытными финикийцами и киприотами, служившими на персидских кораблях. Кроме того, античные источники говорят о желании царя ковать победу на суше, о поднятии воинского духа при отсутствии флота из-за невозможности к отступлению, о нехватке денежных средств на содержание корабельных команд (Арриан, I, 20, 1; Диодор, XVII, 23, 1). «Кроме того, он считал, что, завладев Азией с помощью сухопутных сил, он уже не нуждается во флоте, а взятием приморских городов он погубит у персов флот, так как им неоткуда будет пополнять число гребцов и матросов и не будет в Азии места, где пристать» (Арриан, I, 20, 1). Даже указание Диодора о «хитром расчете» царя при роспуске флота также имело в виду только поднятие боевого духа войска, а не что-либо другое. По мнению сицилийского автора, Александр одержал победу при Гранике потому, что за его спиной был сложный для преодоления водный рубеж, а это увеличивало боеспособность солдат, которые в данной ситуации не могли даже помышлять о бегстве (Диодор, XVII, 23, 2).

Никто из античных авторов не связывает роспуск флота с планами родосца Мемнона, стремившегося перенести войну к берегам Македонии и Греции, т. е. в тыл Александру, с одновременным захватом островов Эгейского моря. Возможно, в соответствии с планом Мемнона эмиссары персов начали подбивать греков на восстание (Диодор, XVII, 29, 4). Опасность этого восстания становилась реальностью, а успехи персидской политики на островах явились подтверждением правильности намерений Мемнона нанести решающий удар Македонии со стороны Греции и островов, что повлекло бы за собой неизбежное поражение Александра, отрезанного от баз снабжения.

Последним оплотом персов на карийском побережье был Галикарнасс, где собрались все войска, оста-

вавшиеся еще в Малой Азии. Руководство обороной города взял на себя Мемнон.

Не особенно надеясь на опытность персидских сатрапов, Дарий сделал Мемнона главнокомандующим и послал ему много денег (Диодор, XVII, 29, 1). Арриан (II, 1, 1) к этому добавляет, что Мемнон встал во главе всех морских и сухопутных сил. Мемнон основную ставку сделал на флот и остатки наемников, выбитых македонянами из приморских городов (Эфеса, Галикарнасса и пр.). Античная традиция считала Мемнона лучшим полководцем Дария, известным своей воинской мудростью (Диодор, XVII, 18, 2); он мог доставить Александру много хлопот, неприятностей и беспокойства (Плутарх, Александр, 18).

Не допуская промедления, Мемнон собрал много наемников, посадил их на 30 кораблей и стал энергично вести войну: захватил остров Хиос, овладел городами Антиссой, Мефимной, Эресом и осадил Митилену на острове Лесбос. Молва о его успехах быстро разнеслась по Кикладским островам, и большинство их отправило к Мемнону свои посольства (Диодор, XVII, 29, 3).

Слухи об успешных операциях персидского флота на островах проникли и в Элладу; передавалось известие, что Мемнон думает с войсками направиться к острову Эвбея, где города с демократическим правлением охватил страх. У греков, сотрудничавших с персами, в том числе и спартанцев, затеплилась надежда на скорый переворот (Диодор, XVII, 29, 3).

Понимая, что захват Милета уже причинил Дарию множество неудобств, так как лишил его флот удобной стоянки, Александр сразу же решил поразить карийскую твердыню – Галикарнасс, где собралась «немалая сила варваров и чужеземцев» (Арриан, I, 20, 2).

Взяв с ходу города, лежащие между Милетом и Галикарнассом, Александр расположился лагерем в пяти стадиях от города. Галикарнасс от природы был неприступен, а Мемнон, уже тогда отвечавший за координацию военных действий в Нижней Азии и на море, еще больше укрепил город.

В первый же день, когда Александр подошел к стенам, воины Мемнона провели небольшую вылазку.

Персы осыпали македонян стрелами и дротиками, но солдаты Александра без труда отбросили противника и загнали персов в город.

Александр искал уязвимые места в обороне Галикарнасса. Одна из таких разведывательных вылазок была предпринята в сторону Минда, взятие которого облегчило бы захват Галикарнасса. Жители Минда обещали Александру вручить город, «если он подойдет незаметно ночью. Он подошел, как и было условлено, около полуночи к стенам, но никто из находившихся в городе города ему не сдал, а у него не было ни машин, ни лестниц, так как он рассчитывал брать город не приступом, а овладеть им с помощью измены» (Арриан, I, 20, 5). Подкоп под стены Минда ничего не дал: на помощь миндосцам морем уже спешили галикарнасцы. Александру пришлось снять осаду Минда и возвратиться к Галикарнассу (Арриан, I, 20, 5–7).

Ров шириной больше чем в 30 локтей, а глубиной до 15 локтей, который окружал город, Александр приказал засыпать, чтобы легче было подкатить башни, с которых можно было обстреливать защитников города, и прочие машины, которые должны были сокрушить стены. Когда машины уже были подведены, осажденные сделали ночную вылазку с намерением сжечь башни и машины. Однако нападение не получилось бесшумным, и македонская стража вместе с теми воинами, которые проснулись уже во время самого боя, без труда прогнали противника обратно за стены. У Александра погибло 16 человек, тогда как персы потеряли в десять раз больше воинов (Арриан, I, 20, 8).

Арриан (I, 21, 1–4) рассказывает, что несколько дней спустя двое македонских гоплитов из полка Пердикки, жившие в одной палатке, выпивая вместе, стали каждый превозносить себя и свои подвиги. Тут их одолело честолюбие, подогрело еще вино, и они, вооружившись, самовольно полезли на стену, желая блеснуть друг перед другом своей доблестью. Защитники города увидели двоих человек, безрассудно устремившихся на стену, и бросились на них. Македонцы убили подошедших ближе, но на стороне противника было численное превосходство. К месту схватки

подбежали македонцы из лагеря, прибежали еще люди из города, и перед стеной завязалась жаркая схватка; македонцы опять отбросили вышедших за ворота и чуть было не захватили город. В тот же день стенобитные машины обрушили две башни и часть стены между ними. Казалось, что македонянам не стоит большого труда проникнуть через пролом в город, но осажденные быстро возвели еще одну кирпичную стену в форме полумесяца, преградившую доступ противнику.

На следующий день Александр подвел машины к городской стене, и из города опять была сделана вылазка с целью поджечь эти машины. Часть защитных сооружений, стоявших близко от стены, сгорела; обгорела и одна деревянная башня, но все остальное уберегли воины Филоты и Гелланика, которым была поручена охрана этих сооружений (Арриан, I, 21, 5).

После этой схватки Эфиальт созвал в Галикарнассе военный совет, на котором решили, что для спасения города необходимо самим предпринять наступление. Свое согласие дал и Мемнон. В вылазке участвовали две тысячи греческих наемников, разделенные на два равных отряда. Половина воинов получила зажженные факелы, а другая построилась в боевые порядки. Открыв городские ворота, наемники с факелами в руках бросились к осадным машинам и зажгли их. На не ожидавших вылазки македонян посыпался град стрел; завязалась жестокая битва. Эфиальт умело руководил сражением. Вскоре Мемнон прислал из города подкрепление. Македонян погибло много, остальные стали отступать (Диодор, XVII, 26, 5–7). «Когда перевес оказывался уже на стороне галикарнасцев, все неожиданно обернулось иначе. Старики македонцы, освобожденные по своему возрасту от участия в бою, ходившие в походы еще с Филиппом и во многих битвах спасавшие положение, увидели, что настал для них час показать себя. Значительно превосходя воинским разумением и опытом молодых солдат, которые стали отступать, они горько упрекнули их в трусости, составили отряд и, став щит к щиту, остановили неприятеля, уже считавшего себя победителем. Убив в конце концов Эфиальта и многих других воинов, они

МАКЕДОНЦЫ В БОЮ

заставили остальных бежать в город» (Диодор, XVII, 27, 3). Арриан (I, 22, 5–6) описывает картину, которая развернулась при отступлении: «Беглецам пришлось при отступлении проходить по узкому мосту, переброшенному через ров; мост обломился под таким количеством людей; многие попадали в ров и погибли, растоптанные своими же или пораженные сверху македонцами. Самая же большая резня произошла в самих воротах: страха ради закрыли их преждевременно, боясь, как бы македонцы, по пятам преследующие бегущих, не во-рвались в город, отрезав таким образом возвращение многим своим. Македонцы перебили их у самых стен».

Город вот-вот бы уже взяли, если бы Александр не командовал отбой: он все еще хотел сохранить Галикарнасс и ожидал от галикарнасцев дружеских предложений (Арриан, I, 22, 7). Галикарнасцы потеряли убитыми до тысячи человек, а македоняне – около сорока, но среди них были «не последние из македонцев».

Оронтобат и Мемнон, персидские военачальники, поняли, что при создавшемся положении они не смогут долго выдержать осаду: собравшись, они решили покинуть город, оставить в акрополе лучший отряд со всем снаряжением, которое нужно, остальных же и все имущество перевезти на Кос (Диодор, XVII, 27, 5). Около второй ночной стражи персы подожгли деревянную башню, которую сами выстроили против вражеских машин, и дома, находившиеся возле стены. Огромный пожар охватил весь город. Несмотря на ночное время, Александр ввел армию в город, велел убивать поджигателей и оставлять в живых тех галикарнасцев, которых застали по домам (Арриан, I, 23, 4). На рассвете Александр приказал срыть город и обвести акрополь стеной и рвом (Диодор, XVII, 27, 5–6).

Александр оставил в Галикарнассе и остальной Карии гарнизон из 200 всадников и 3 тысяч пехотинцев-наемников под начальством Птолемея для завершения захвата мелких городов, а сам с основными силами направился в Ликию и Памфилию для овладения побережьем, где находились стоянки персидского флота (Арриан, I, 24, 3).

После взятия Галикарнасса и отпуска на родину молодых воинов Александр поделил армию на две походные колонны. Одна из них, под началом Пармениона, состоявшая из македонской и фессалийской конницы, войск союзников, обоза и осадных машин, направилась не спеша через Траллы в Сарды для зимовки и дальнейшего продвижения в Гордий во Фригии (Арриан, I, 24, 3). Другая, большая, во главе с самим Александром, включавшая гипаспистов, фаланги, агриан, стрелков и фракийцев, совершая быстрые переходы, овладела морским побережьем Ликии и внутренними районами Малой Азии – Писидией и Киликией (Арриан, I, 28, 8).

При завоевании внутренних гористых областей Малой Азии Александр столкнулся с сопротивлением племен мармаров и писидов, упорно отстаивавших свою свободу. Мармары жили на границе Ликии и, когда македонское войско проходило через их земли, напали на его арьергард, многих убили, захватили часть рабов и выючных животных, а сами укрылись в неприступной крепости. Александр, разозленный нападением мармаров, осадил крепость. Через два дня, поняв, что Александр не отступится, мармары подожгли свои дома и сгорели в них заживо. Небольшой части молодежи удалось уйти в горы (Диодор, XVII, 28, 1–5).

Столь же упорным было сопротивление писидов, обитавших на границе Фригии. Расположенный на высоком скалистом месте писидийский город Телмесс практически был неприступен. При подходе к городу македонское войско было встречено воинственными варварами, занявшими окрестные возвышенности. Видя решимость телмессцев отстоять свой город и понимая преимущество их позиций на склонах гор, македонский царь отдал приказ разбить лагерь. Он точно рассчитал, что писиды не останутся ночевать под открытым небом, а, выставив сторожевое охранение, вернуться в город. И вот, дождавшись темноты, отряды легковооруженных лучников, агриан, а также гоплитов атаковали вражеские посты и пробились через теснину к городу (Арриан, I, 27, 5–8).

Верный своей тактике постоянного продвижения вперед, Александр не стал задерживаться у Телмесса,

МАКЕДОНЦЫ В БОЮ

а, оставив его в тылу, стал осаждать другой писидский город – Сагалас. Писиды расположились на склонах гор, македоняне – внизу, но, несмотря на невыгодность позиций, Александр предпринял штурм. Правое крыло возглавил он сам, а левое – Аминта. Перед тяжело-вооруженными воинами царь поставил лучников, агриан и фракийцев. Начавшие восхождение лучники были отброшены писидами, но агриане не дрогнули, а подошедший с гоплитами Александр в рукопашной схватке обратил врагов в бегство: у них не было панцирей и многие получили раны. Около 500 писидов погибли, остальные бежали, и македоняне взяли Сагалас. В войске Александра погиб Клеандр, стратег лучников, и еще 20 человек. Прочих писидов, как пишет Арриан (I, 28, 1–8), царь покорил силой, некоторые сдались ему добровольно.

Судя по источникам, Александр, стремившийся поскорее завоевать всю Малую Азию, поручил назначенным им сатрапам захват оставшихся в тылу неприступных укреплений. Очевидно, овладение Силлием, Телмесом и другими горными крепостями завершили сатрапы силами местных гарнизонов (Арриан, I, 27, 4; III, 6, 6).

Покорение Малой Азии подходило к концу. Пройдя с боями гористые области мрамаров и писидов, македонский царь вышел к границам Фригии – важной в стратегическом отношении сатрапии, примыкавшей к Геллеспонту.

На пятый день перехода от Сагаласа Александр достиг Келен, города с крепостью на отвесной скале, где фригийский сатрап оставил гарнизон из тысячи карийцев и сотни эллинских наемников. Последние предложили царю подождать со штурмом, так как, если в назначенное время к ним не подойдет помощь, они сдадут Келены македонянам. Александр предпочел ждать, чем начинать осаду неприступной цитадели. Греко-македонский отряд в 1500 человек остался у Келен, а Александр на десятый день ожидания ушел в Гордий. Сатрапом Фригии был назначен Антигон.

В Гордии Александра ждали Парменион с войском и прибывшее из Македонии подкрепление, которое привели Птолемей, Кен и Мелеагр. Общее количество

новых сил составило 3650 человек (Арриан, I, 29, 4), в том числе 3 тысячи македонских гоплитов и 650 всадников (300 из Македонии, 200 из Фессалии и 150 из Эли).

В это время персы, потерпевшие ряд чувствительных поражений на суше, пытались нанести удар Македонии в самом уязвимом месте, т. е. со стороны островов Эгейского моря и Греции. Эта задача была поручена Дарием лично Мемнону. Начав с захвата важнейших коммуникаций в Эгейском море, Мемнон в дальнейшем рассчитывал на усиление внутривосточных распри в Элладе, на активизацию антимакедонских настроений среди эллинских демократов, а особенно на Спарту и Афины, поведение которых внушало законную тревогу Александру (Диодор, XVII, 31, 3).

По словам Диодора (XVII, 29, 4; 31, 3), Мемнон подкупил многих греков и убедил их перейти на сторону персов; к тому же персидский военачальник, исполнявший в этот момент и роль наварха (адмирала), намеревался на 300 кораблях и с пешим войском идти на Македонию, а также поднять восстание эллинов.

Учитывая ненадежность греков и ослабление македонских позиций в Эгейском море после захвата Мемноном ряда островов, Александр послал из Гордия двух командиров, Гегелоха и Амфотера, к Геллеспонту с ответственным заданием – собрать вновь флот и даже принудить к службе экипажи торговых судов, шедших из Понта Эвксинского. Гегелоху было также приказано выбить вражеские гарнизоны с Лесбоса, Хиоса, Коса, для чего он получил от царя 500 талантов (Курций Руф, III, 1, 19). В то же время Антипатр, регент Македонии, располагавший 600 талантами, послал Протея на остров Эвбею и в Пелопоннес для сбора военных кораблей, которые встали бы на защиту греческого побережья от посягательств «варваров» (Арриан, II, 2, 4).

Почти весь остров Лесбос, расположенный на пересечении важнейших торговых коммуникаций, был в руках персов; незанятой оставалась одна Митилена, «город большой, превосходно снабженный, располагавший большим войском» (Диодор, XVII, 29, 2). Мемнон окружил Митилену двойным палисадом, отрезав

МАКЕДОНЦЫ В БОЮ

от моря, поставил пять фортов и «оказался с суши хозяином положения»; части кораблей он приказал караулить гавань, а другой – охранять подходы к грузовым причалам (Арриан, II, 1, 2).

Но неожиданно Мемнон умер у стен осажденной Митилены. Это было страшным ударом для персидского царя (Арриан, II, 1, 3). Как пишет Диодор (XVII, 29, 4), смерть Мемнона погубила все дело Дария. По мнению Курция Руфа (III, 8, 1), Мемнон был единственной надеждой персов. «Великая тревога», не дававшая покоя македонскому царю, несколько улеглась, когда стало известно о кончине Мемнона (Диодор, XVII, 31, 4).

Дело Мемнона продолжили два персидских адмирала – Автофрадат и Фарнабаз, активно поведшие осаду Митилены. Город был блокирован с суши и моря, и осажденным ничего не оставалось, как начать переговоры с персами. Митилена обязалась изгнать всех чужеземцев, пришедших на основании военного соглашения с Александром, вернуть изгнанников с половинной компенсацией за утраченное имущество и расторгнуть все договоры с македонским царем (Арриан, II, 1, 4). Так договор, заключенный митиленцами с Фарнабазом, возвратил их ко временам Анталкидова мира.

Персидские военачальники ввели в город гарнизон под командованием родосца Ликомеда и поставили единовластным правителем олигарха Диогена, одного из возвратившихся изгнанников. Деньги персы частью отняли силой у имущих, а частью взяли из городской казны (Арриан, II, 1, 5).

Установив персидское господство в Митилене и получив нужные средства, Фарнабаз с наемниками отплыл в Ликию, а Автофрадат – к Кикладам. В это время от Дария, занимавшегося набором нового войска, пришел приказ послать всех наемников к нему и передать Фарнабазу полномочия Мемнона (Арриан, II, 2, 1). Отправив чужеземцев в ставку царя, Фарнабаз соединился с Автофрадатом, и на 100 кораблях они устремились к Тенедосу, ранее отослав к острову Сифносу перса Дагама с 10 триерами для разведки на Кикла-

дах (Арриан, II, 2, 4). Но здесь смог себя проявить и македонский флот: под покровом ночи Протей напал на ничего не подозревавшего Датама и захватил 8 кораблей с экипажами; Датам же с двумя триерами ускользнул (Арриан, II, 2, 5).

Основное направление военных действий персов на море было направлено на Тенедос. Стратегическое положение острова, лежащего всего в 12 милях от Гелеспонта, давало им возможность блокировать пролив и держать под контролем торговлю с Понтом Эвксинским.

Персидские адмиралы предложили Тенедосу, подобно Митилене, восстановление Анталкидова мира – все договоры с македонским царем разорвать, а с Дарием жить в дружбе. И хотя тенедосцы были гораздо более расположены к Александру и эллинам, им против своего желания пришлось пойти на заключение союза с персами, так как не было надежд на скорую помощь: Гегелох еще не собрал столько кораблей, чтобы поспорить с вражеским флотом. Арриан заключает, что Фарнабаз заставил тенедосцев признать его власть скорее из-за страха, чем по доброй воле (II, 2, 3).

Однако захват Тенедоса стал наивысшей точкой персидских успехов на море. Стремясь задержать продвижение Александра в Сирии, Дарий отдал приказ о сворачивании военных операций на море, чем разрядил столь напряженную для македонян обстановку в Эгеиде. Гегелоху позже не стоило большого труда освободить Киклады и Тенедос от персидских гарнизонов (Арриан, III, 2,3). Пытаясь улучшить свое положение на суше, Дарий своим решением свел на нет всю морскую мощь персов, на которой строился план контратаки Мемнона.

БИТВА ПРИ ИССЕ

После смерти Мемнона персидские военачальники собрались на совет, чтобы решить, продолжить ли военно-морские операции в Европе или со всей армией выступить против македонцев. Многие представители

персидской знати высказывались за то, чтобы Дарий сам взял на себя командование; в таком случае персы воевали бы с большей охотой (Диодор, XVII, 30, 1–2).

Другое мнение выдвинул советник царя афинянин Харидем, «человек изумительной храбрости и искуснейший стратег» (по словам Курция Руфа), изгнанный из Афин по приказу Александра. Он посоветовал Дарию не делать опрометчиво ставкой свое царство: самому царю необходимо было нести тяжесть управления Азией, а на войну мог отправиться любой полководец испытанной доблести. Харидем говорил о том, что огромная персидская армия, состоящая из многих народов Востока, может поражать лишь богатством одежды и вооружения, тогда как македонская армия компенсирует отсутствие внешнего блеска мощью и дисциплиной (Курций Руф, III, 2, 10–13). Сражаться на равных с такой армией могли только греческие наемники. Харидем считал, что для эффективного противостояния Александру будет достаточно 30-тысячного отряда наемников и 70-тысячного персидского войска. Для того чтобы реализовать собственное предложение на деле, Харидем сам вызвался возглавить эту армию.

Поначалу Дарий согласился со словами Харидема, но близкие царю люди стали решительно возражать и внушили ему подозрение, что Харидем – изменник и, став главнокомандующим, предаст персов македонцам. «Разгневанный Харидем обругал персов за трусость всеми словами, какие только пришли в голову, и тем еще больше задел царя. В раздражении, не думая уже о своей пользе, Дарий схватил Харидема за пояс, тем самым предавая его, по персидскому обычаю, своим прислужникам на казнь. Харидем, идя на смерть, крикнул, что царь скоро раскается в том, что сделал, а скорым наказанием ему за неправую месть будет крушение его царства» (Диодор, XVII, 30, 4–5).

Это решение дорого стоило Дарию. Одержимый страхом перед доблестью македонцев и ясно представляя себе деятельную натуру Александра, он продолжал искать военачальника, достойного принять власть Мемнона, но найти такого не смог и был вынужден сам встать во главе своего войска. Когда войско было пол-

ностью собрано, Дарий отправился с ним из Вавилона в Киликию.

В это время Александр продвигался в глубь Азии. Когда македонское войско дошло до Анкиры, к царю прибыло посольство от пафлагонцев с заявлением, что народ их сдается Александру, вступает с ним в переговоры, но просит не входить в их землю с войском. Александр включил Пафлагонию в состав Фригии, сатрапом которой был поставлен Калат. В Каппадокии большинство городов также сдалось Александру добровольно. Прежний строй сохранили только Синопа и Гераклея Понтийская, лежавшие в северной части провинции. Синопой продолжала управлять партия проперсидских олигархов, а в Гераклее властвовал тиран Клеарх, бывший командир греков-наемников. Александр назначил сатрапом Каппадокии Сибикта (Арриан, II, 4, 2–3).

Сам Александр направился к важному опорному пункту – Киликийским воротам, южному перевалу Аманских гор (Тавра), ведущего к Тарсу. Подойдя к ним, он увидел, что проход занят сильной охраной; он оставил тут Пармениона с тяжеловооруженными воинами; сам же, взяв с собой щитоносцев, лучников и агриан, ночью подошел к воротам, рассчитывая неожиданно напасть на сторожевые отряды. Даже несмотря на то, что маневр Александра был замечен, страх перед ним был так велик, что стража, увидев, что на них идет сам Александр, бежала, бросив свои посты. На следующий день на заре македонский царь прошел со всем войском через Ворота и вторгся в Киликию (Арриан, II, 4, 4).

Там он получил от лазутчиков сведения, что персидский сатрап Арсам намерен разграбить Тарс и лишь потом оставить его. Услышав об этом, Александр поспешил к Тарсу с конницей и самыми быстрыми отрядами легковооруженных; Арсам, узнав о его стремительном приближении, поспешно бежал из Тарса к царю Дарию, не успев нанести никакого ущерба городу (Арриан, II, 4, 6).

В Тарсе Александр сильно простудился, искупавшись в ледяной воде горной реки Кидна. Об этой болезни Александра подробный рассказ оставил Плутарх

МАКЕДОНЦЫ В БОЮ

(Александр, 19): «Никто из врачей не решался лечить Александра, считая, что опасность слишком велика и что ее нельзя одолеть никаким лекарством; в случае неудачи врачи боялись навлечь на себя обвинения и гнев македонян. Один только Филипп, акарнанец, видя тяжелое состояние больного, поставил дружбу превыше всего и счел преступным не разделить опасность с Александром и не исчерпать – пусть даже с риском для себя – все средства. Он приготовил лекарство и убедил царя оставить все сомнения и выпить его, если он желает восстановить свои силы для продолжения войны. В это самое время находившийся в лагере македонян Парменион послал царю письмо, советуя ему остерегаться Филиппа, так как Дарий будто бы посулил врачу большие подарки и руку своей дочери и тем склонил его к убийству Александра. Царь прочитал письмо и, не показав его никому из друзей, положил себе под подушку. В установленный час Филипп в сопровождении друзей царя вошел к нему, неся чашу с лекарством. Александр передал ему письмо, а сам без колебаний, доверчиво взял у него из рук лекарство. Это было удивительное, достойное созерцания зрелище. В то время как Филипп читал письмо, Александр пил лекарство, затем оба одновременно взглянули друг на друга, но несходно было их поведение: на ясном, открытом лице Александра отражалось благоволение и доверие к Филиппу, между тем как врач, возмущенный клеветой, то воздымал руки к небу и призывал богов в свидетели, то, бросаясь к ложу царя, умолял его мужаться и доверять ему. Лекарство сначала очень сильно подействовало на Александра и как бы загнало вглубь его телесные силы: утратив дар речи, больной впал в беспамятство и едва подавал признаки жизни. Вскоре, однако, Александр был приведен Филиппом в чувство, быстро окреп и, наконец, появился перед македонянами, уныние которых не прекращалось, пока они не увидели царя».

Едва оправившись, Александр послал Пармениона на восток к другим Воротам, соединявшим Киликию и Ассирию, велев заранее захватить проход и охранять его. Пармениону была вверена союзническая пехота,

эллины-наемники, фракийцы и фессалийская конница (Арриан, II, 5, 1). Сам же Александр отправился из Тарса покорять Киликию. Прежде всего македонский царь занял города Анхиал и Сола, а оттуда, взяв три полка македонской пехоты, всех лучников и агриан, он устремился на киликийцев, удерживавших горы. В течение целых семи дней он бил одних, договаривался с другими, а затем вернулся в Сола (Арриан, II, 5, 5). Здесь Александр получил известие о том, что Птолемей и Асандр разбили Оронтобата, который охранял галикарнасский кремль и удерживал в своей власти Минд, Кавн, Феру и Каллиполь; подчинили они также Кос и Триопий. Военачальники писали, что нанесли персам поражение в большой битве, в которой было убито до 700 персидских пехотинцев и около 50 всадников; не менее тысячи персидских воинов были взяты в плен. По случаю победы своих соратников Александр устроил в Солах празднество с состязаниями и факельным шествием и даровал городу демократическое правление (Арриан, II, 5, 7–8).

Из Сол Александр повернул к Тарсу, отправив конницу Филоты к реке Пираму, а сам двинулся в Маллы, город с греческим населением, где прекратил междоусобицы, даровал горожанам свободу и упразднил персидскую дань. В Маллах стало известно, что Дарий с несметным войском пришел из Вавилона в Сирию и расположился лагерем в селении Сохи, в двух днях пути от проходов в Аманских горах (Арриан, II, 6, 1). По данным Арриана (II, 8, 8) и Плутарха (Александр, 18), в войске Дария было около 600 тысяч человек; Диодор (XVII, 31, 2) говорит о том, что в войске персов насчитывалось 400 тысяч пехотинцев и 10 тысяч всадников¹.

¹ Современная историческая наука считает, что численность персидских войск, участвовавших в сражении при Иссе, в источниках чрезмерно преувеличена и составляла не более 100 тысяч воинов, а по оценке немецкого военного историка Г. Дельбрюка, в армии Дария могло быть не более 25 тысяч воинов – и, таким образом, армия Дария не превосходила, а уступала македонской в численности. Это маловероятно, так как Дарий едва бы отважился сразиться с превосходящими силами македонцев.

О численности македонских сил в битве при Иссе античные авторы не пишут. Можно предположить, что в ней было около 40 тысяч человек, из которых пятую часть составляла кавалерия.

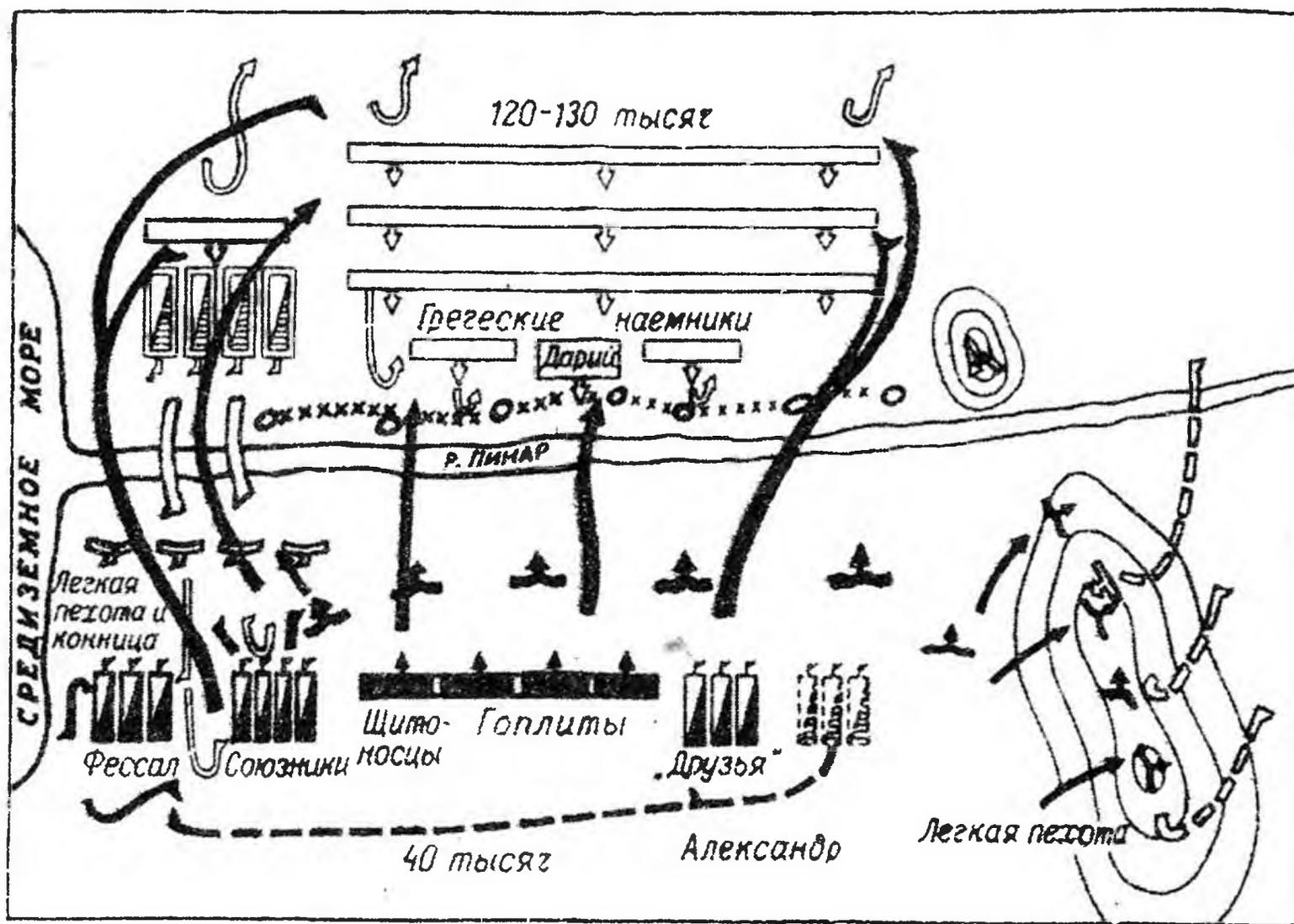
На военном совете Александр сообщил гетайрам данные о численности и расположении персидского войска. Общим решением было постановлено выступить против персов. Александр вдоль морского берега пошел к Иссу, где оставил больных и раненых, а сам, перейдя через южные проходы Аманских гор, спустился к Мириандру, чтобы оттуда двинуться к Сохам на сближение с противником. Однако ночью разразилась сухая гроза, а затем пронесся ураган с ливнем. Из-за этого Александр был вынужден задержаться в Мириандре.

Персидское войско во главе с Дарием расположилось на равнине у Сох, удобной для большого войска и для действий конницы. Аминта, сын Антиоха, перебежавший от Александра к Дарию, советовал персидскому царю не покидать этого места, так как этот простор был выгоден для персов с их большим войском и его снаряжением (Арриан, II, 6, 3–4). Вначале Дарий внял его совету, но, обеспокоенный вынужденной бездеятельностью, стал поддаваться влиянию окружавших его льстецов, уверивших царя, что Александр не придет сам навстречу персидской армии, а полон сомнений и страха (Плутарх, Александр, 19), так как сам Дарий идет против него, и что персидский царь растопчет македонское войско своей конницей (Арриан, II, 6, 5). В конце концов Дарий вывел армию в такое место, где большой пользы ему быть не могло ни от конницы, ни от множества его людей с их стрелами и дротиками. По словам Арриана (II, 6, 6), «он своими руками поднес Александру и его войску легкую победу»¹.

Перейдя Аманские горы на востоке, Дарий пошел к Иссу и очутился, сам того не подозревая, в тылу Алек-

¹ Г. Дельбрюк полагает, что если Дарий не имел численного преимущества над Александром, то расположение персидских войск за Пинаром было, напротив, очень эффективным с тактической точки зрения.

сандра. Овладев Иссом, он захватил македонцев, оставленных там по болезни, и, сперва тяжело изувечив, умертвил их. На следующий день он подошел к реке Пинару. Когда Александр узнал, что Дарий стоит у него в тылу, он принял решение двинуться

Битва при Иссе

обратно через южные перевалы к исской равнине навстречу Дарию. Опасаясь, что эти перевалы уже заняты персами, Александр сперва послал вперед небольшое число всадников и лучников предварительно осмотреть дорогу, а затем ночью выступил со всем войском. Около полуночи Александр закрепил за собой проходы и дал войску отдохнуть остаток ночи тут же, на скалах, правда выставив сильные сторожевые посты.

На рассвете македонская армия спустилась в долину у Иссы. Пока кругом были теснины, македонское войско шло колонной, но, выйдя на равнину, развернулось широким фронтом: впереди пехота, за

МАКЕДОНЦЫ В БОЮ

ней конница, охватив всю долину между горами и морем. На правом фланге у горы Александр поставил агему пехоты и щитоносцев во главе с Никанором, сыном Пармениона; рядом с ним – полк Кена, за ним – таксис Пердикки. Всех их прикрывали конные подразделения гетайров, фессалийцев и союзников. Командование правым крылом взял на себя Александр. На левом фланге первым стоял таксис фаланги Аминты, затем – Птолемея и рядом – Мелеагра. Со стороны моря фалангитов защищали легкая пехота и конница фессалийцев и союзников. Всей пехотой левого фланга командовал Кратер, а общее руководство осуществлял Парменион. Ему был дан строгий приказ не отходить от моря, чтобы не оказаться в окружении «варваров», которые, используя численное превосходство, могли обойти македонцев (Арриан, II, 8, 1–4). Кроме того, для защиты тыла от персидского пехотного резерва, расположенного на холмах, Александр поставил справа под углом к фронту войск небольшое число всадников, лучников и агриан, образовав из них вторую линию обороны (Арриан, II, 9, 2).

Арриан приводит довольно подробную схему построения войска Дария в битве при Иссе. В первой линии персидский царь первыми поставил против македонской пехоты около 30 тысяч эллинских наемников, а по обеим сторонам их около 60 тысяч так называемых кардаков (местные формирования, вооруженные по типу македонских гоплитов). У горы, находившейся слева, он выстроил против правого Александра крыла около 20 тысяч воинов; из них некоторые оказались в тылу македонского войска, так как гора, у подошвы которой они стояли, выдавалась подковой вперед. Остальные легковооруженные и гоплиты, построенные по племенам, располагались за эллинскими наемниками и кардаками.

Основная часть персидской конницы была поставлена против левого крыла Пармениона у моря, поскольку это место было оптимальным для кавалерийских маневров. Дарий также послал всадников на левый фланг к горе, намереваясь во время битвы ударить по македонцам конницей с двух сторон, но это

место оказалось слишком узким для маневрирования (Арриан, II, 8, 10). Сам Дарий на боевой колеснице, в окружении телохранителей и вельмож, по обычаю персидских царей стал в центр расположения войска.

Александр, следивший за передвижением вражеских войск, заметил, что почти вся персидская конница переместилась против его левого крыла, расположенного у моря, где стояли из пехоты критские лучники и фракийцы, а из конницы – только пелопоннесцы и другие союзные всадники, бывшие не лучшими наездниками. Он поспешно отправил на левое крыло фессалийскую конницу, велел ей проехать не перед фронтом всего войска, а, чтобы враг не заметил ее перемещения, пробраться незаметно по тылам пехоты.

На правом крыле он впереди всадников поставил продромов под командой Протомаха и пеонийцев под командой Аристона, а из пехоты – лучников под предводительством Антиоха. Кроме того, на правое крыло Александр приказал незаметно перейти двум конным илам гетайров, а также нескольким отрядам лучников, агриан и греческих наемников. За счет этого правое крыло войска Александра оказалось шире линии войска персов, противостоявших ему.

Чтобы защитить свое войско от внезапной атаки персов, выстроенных у горы почти в тылу македонцев, Александр разместил на предполагаемой линии атаки агриан под предводительством Аттала, а также небольшое число всадников и лучников. Когда построение войска было закончено, Александр увидел, что эти отряды персов еще не спустились с горы, и выслал на них агриан и небольшое количество лучников, которые легко отогнали персов на вершину. Таким образом, Александр смог высвободить лишние силы для основного направления атаки – прикрывать тыл остались только 300 всадников.

Войско, выстроенное таким образом, Александр некоторое время вел вперед с остановками, медленно и спокойно. Дарий решил занять полностью оборонительную позицию – он не шел Александру навстречу, его войска стояли в том порядке, в каком были первоначально выстроены, и он ждал македонцев на обры-

МАКЕДОНЦЫ В БОЮ

вистых берегах реки. В тех местах, где переход был удобнее, Дарий распорядился соорудить частокол (что сразу показало Александру и его воинам, что Дарий боится). «Когда персидский лагерь был уже близко, Александр объехал верхом весь строй, увещевая воинов мужественно держаться; с подобающим уважением называл он имена не только предводителей, но поименно обращался к илархам, лохагам и

*Битва Александра с Дарием.
Мозаика из Помпей с картины Филоксена*

тем из чужеземных наемников, которые были известнее по своему званию и доблести. В ответ ему со всех сторон понеслись крики и требования не медлить и нападать на врага. Он повел воинов в полном порядке и, хотя войско Дария было уже видно, сначала шагом, чтобы строй не разорвался и не образовал волнообразной линии, как это бывает при беге» (Арриан, II, 10, 1–3). Оказавшись на расстоянии полета стрелы, тяжелая конница Александра, во главе с самим царем, устремилась к реке, чтобы своим стремительным напором испугать персов и, как можно быстрее схватившись врукопашную, по возможности избежать

потерь от стрел. План Александра блестяще оправдался. Не выдержав атаки конницы, левое крыло персидского войска обратилось в бегство.

Александр и его воины одержали здесь блестящую победу, но, увлекшись атакой, передовые части македонской кавалерии

*Битва Александра с Дарием.
Фрагмент*

оторвались от идущей сзади фаланги. В этот прорыв, там, где строй был наиболее разорван, устремились греческие наемники Дария. Завязался жаркий бой: «наемники старались столкнуть македонян в реку и вырвать победу для своих, уже бегущих, соратников; македоняне — не отстать от Александра с его явным успехом и не умалить славу фаланги, о непобедимости которой все время кричали» (Арриан, II, 10, 6). Здесь македонцы понесли значительные потери.

На левом фланге македонян, которым ко-

мандовал Парменион, ситуация была еще хуже: персидская конница, выставленная против фессалийской, не ждала у Пинара, пока шло сражение, а, форсировав реку, смело кинулась на отряды фессалийцев. Только когда тяжелая македонская конница правого крыла во главе с Александром, увидев, что персидские войска на левом крыле бегут, направила свой основной удар против эллинских наемников и глубоко вклинилась в их ряды, кавалерия персов дрогнула и была отброшена от реки.

Когда эта опасность была ликвидирована, Александр мог обратиться против Дария. Оксафр, брат Дария, увидев, что Александр неудержимо несется на царя, взяв из своего отряда лучших всадников, пробился с ними к Александру и, считая, что любовь к брату доставит ему громкую славу у персов, завязал бой перед Дариевой колесницей: сражаясь умело и храбро, он убил многих македонцев; сам Александр, окруженный со всех сторон неприятелем, был ранен в бедро. Но Александр и его воины отличились еще большей доблестью, и скоро перед колесницей Дария образовалась гора трупов: в схватке пало много видных персов-военачальников; среди них были Атизий, Реомифр и Стабак, сатрап Египта. Наконец, лошади, впряженные в колесницу Дария, покрытые ранами, в страхе перед грудями наваленных вокруг тел, закусили удила – и сам Дарий оказался в гуще врагов. Пока Дарий пересаживался на другую четверню лошадей, началась свалка; враги теснили Дария, и его охватил страх. Персы, заметившие смятение царя, бросились бежать, а когда то же сделали и всадники, окружавшие царя, то бегство стало всеобщим (Диодор, XVII, 34). Охваченный ужасом, Дарий бросил колесницу и бежал с поля боя верхом. Это и решило исход битвы – персидская конница, действовавшая до этого довольно успешно, обратилась в бегство, как только получила известие о том, что Дарий бежал, а эллинские наемники потерпели поражение. Всадники, толпой отступая по узким дорогам, в страхе и беспорядке, понесли большие потери, просто передавив друг друга (Арриан, II, 11, 3).

Страшась позорного плена, Дарий бросил свою колесницу, лук, щит и царскую мантию. Александр во главе конницы преследовал персидского царя до наступления ночи (Арриан, II, 11, 6), но тот опередил его на 4–5 стадий и бежал к Фапсаку, переправе на Евфрате. В неразберихе и сумятице оставшиеся в живых 8 тысяч эллинских наемников укрылись в горах и пробрались в Триполис в Финикии. Там они захватили вытасченные на берег суда, на которых они раньше переправлялись с Лесбоса. Они их спустили на воду столько,

сколько им было достаточно для бегства, а остальные сожгли тут же на верфи, чтобы обезопасить себя от погони (Арриан, II, 13, 3).

Около 4 тысяч персов и наемников увел с собой Дарий при поспешном бегстве от Исса к Евфрату. Остальные войска персов рассеялись.

Не менее четверти своего войска персы потеряли убитыми. Арриан (II, 11, 8) сообщает, что число убитых персов достигло 100 тысяч, в том числе более 10 тысяч всадников. По Курцию, Диодору и Плутарху, персы потеряли 100 тысяч пехотинцев и 10 тысяч всадников.

Курций Руф (III, 11, 27) пишет, что Александр потерял всего 32 пеших и 150 конных воинов. По Диодору (XVII, 36, 6), македонцы потеряли 300 пехотинцев и 150 всадников.

С хода был взят лагерь Дария: были захвачены его мать и жена, малолетний сын, две дочери и некоторые другие жены знатных персов¹. Большинство персов, впрочем, успели отослать своих жен вместе с имуществом в Дамаск. Сам Дарий отправил в Дамаск значительную часть денег, поэтому в лагере нашли только 3 тысячи талантов. Остальной персидский скарб, отправленный в Дамаск, вскоре был захвачен Парменионом, посланным туда с этой целью. Так закончилось сражение при Иссе (октябрь – ноябрь 333 г. до н. э.), открывшее Александру дорогу ко всей Азии.

¹ Источники единодушно отмечают великодушие и сдержанность Александра в обращении со знатными пленницами. Особенно ярко об этом рассказывает Плутарх (Александр, 21): «Самым царственным и прекрасным благодеянием Александра было то, что этим благородным и целомудренным женщинам, оказавшимся у него в плену, не пришлось ни слышать, ни опасаться, ни ждать ничего такого, что могло бы их опозорить. Никто не имел доступа к ним, не видел их, и они вели такую жизнь, словно находились не во вражеском лагере, а в священном и чистом девичьем покое. А ведь, по рассказам, жена Дария была самой красивой из всех цариц, точно так же как и Дарий был самым красивым и рослым среди мужчин; дочери же их походили на родителей. Александр, который, по-видимому, считал, что способность владеть собой для царя важнее, нежели даже умение побеждать врагов, не тронул пленниц».

ОСАДА ТИРА И ГАЗЫ. ПОКОРЕНИЕ ЕГИПТА

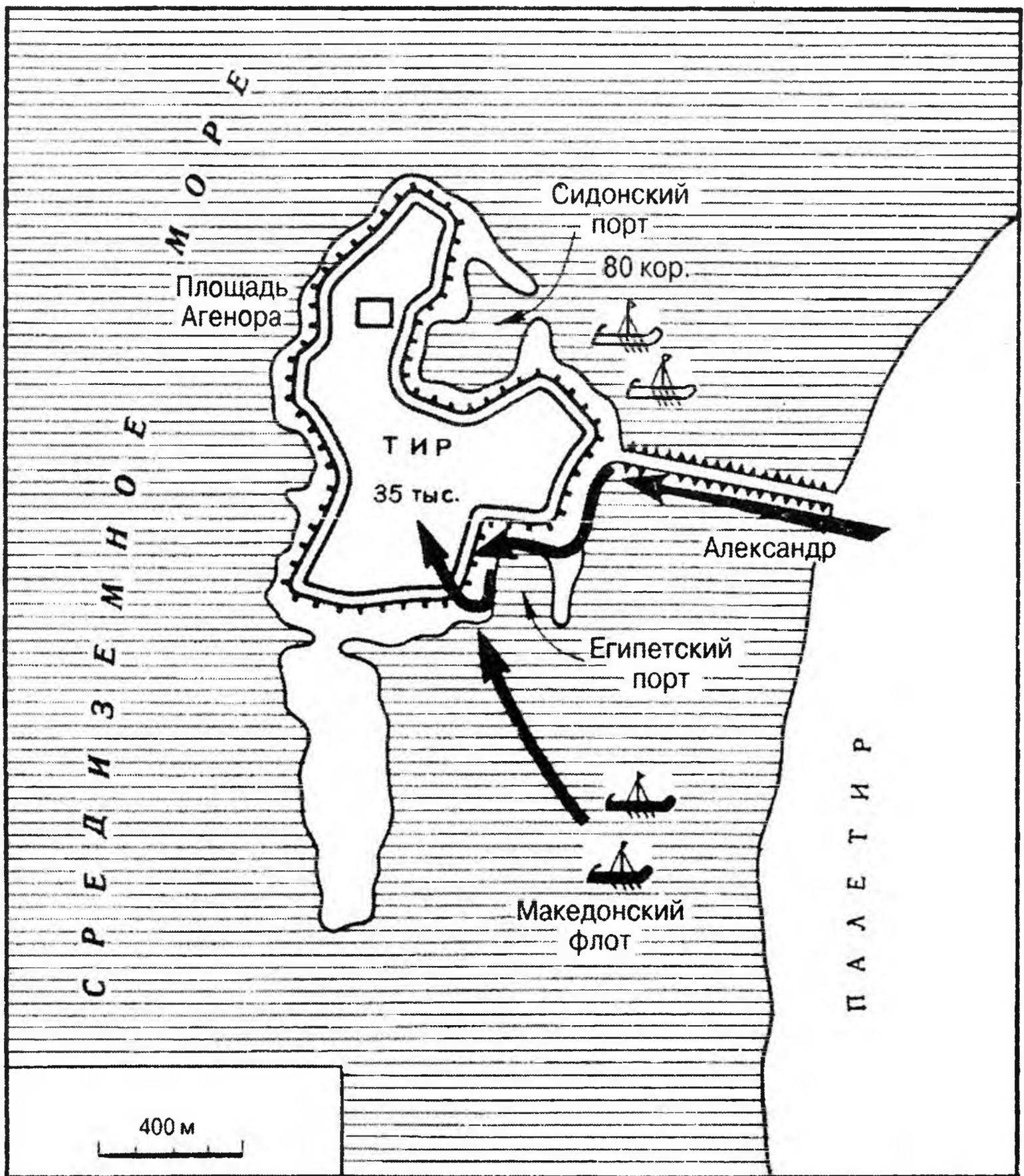
После поражения при Иссе Дарий, бежавший за Евфрат, какое-то время не представлял угрозы для Александра. Македонский царь отправился в Финикию, где на его сторону сразу перешли Библ и Сидон. Гораздо более трудной задачей для Александра стало взятие Тира.

Тир был крупнейшим из финикийских городов и представлял собой сложнейший объект для осады: частью город располагался на суше, а частью на скалистом острове, имел две гавани и собственный флот, состоявший из 80 триер. Для Александра, однако, захват Тира был принципиальной задачей: успех в осаде города означал бы конец персидского владычества на море; кроме всего прочего, это гарантировало бы спокойствие на Кипре и Пелопоннесе.

Подойдя к Тиру, Александр потребовал разрешения войти в город для того, чтобы принести жертвы Гераклу Тирийскому¹. Тирийцы, не желавшие пускать войско македонцев в город, отказали царю. Александр пригрозил, что возьмет город. Тирийцы были уверены в неприступности своих стен, поэтому ответили, что в своем городе они не собираются подчиняться ни персам, ни македонянам, и приготoвились к осаде.

Уверенность тирийцев в неприступности своего города была оправданной. Тир защищали очень высокие стены, с восточной стороны их высота достигала 45 м, а с южной стороны основание стены погружалось в море. Александр, видя, что с моря город не взять, так как он обведен стенами и располагает флотом, а с суши к нему не подобраться, потому что его от материка отделяют 4 стадия, разрушил часть города, находившуюся на суше – так называемый старый Тир, привез множество камня и сделал через пролив насыпь шири-

¹ Так греки называли финикийского бога Мелькарта. Как известно, Александр считался потомком Геракла.

Осада Тира

ной в 60 м. На эту работу взяты были жители всех соседних городов, и благодаря обилию рабочих рук закончена она была быстро (Диодор, XVII, 40, 4–5). Испуганные тирийцы постановили отвезти детей, женщин и стариков в свою колонию Карфаген, а мужчин в цвете сил поставили на защиту стен и быстро подготовили флот.

Тирийцы располагали многочисленными катапультами и другими полезными при обороне машинами; им легко было изготовить еще больше новых, так как в

Тире жило множество разных ремесленников. Эти машины, из которых, как отмечает Диодор (XVII, 41, 4), многие были изобретены специально для обороны Тира, установили вокруг всех городских стен. Основная часть машин располагалась в том месте, где насыпь подходила вплотную к стене.

Тирийцы, встревоженные ростом насыпи, решились провести вылазку. Они собрали множество мелких судов и лодок, нагрузили их катапультами и стрелами и посадили на них лучников и пращников. Незаметно подплыв к работавшим на насыпи, тирийцы сумели убить и ранить многих безоружных работников металлическим оружием. Из-за того что толпа была плотной, люди стояли на виду и ничем прикрыты не были, стрелы и дротики, летевшие в безоружных людей, не пропадали даром. По Диодору (XVII, 42, 2–5), «стрелы ранили не только спереди, но пробивали насквозь тела тех, кто на этой узкой насыпи стоял лицом к врагу: невозможно было отбиться от врага, наседавшего с обеих сторон. Александр, который хотел как можно скорее подать помощь в этом непредвиденном несчастье, снарядил все свои корабли и, сам предводительствуя ими, поспешно отплыл к тирийской гавани, чтобы отрезать финикийцам отступление. Варвары, боясь, как бы он, захватив гавань, не овладел городом, в котором не осталось солдат, поспешно поплыли к Тиру. Обе стороны усердно работали веслами; македонцы уже приближались к гавани, когда финикийцы, едва избежав гибели, бросив задние суда, проскользнули обратно в город. Царь, потерпев неудачу в важном предприятии, опять занялся насыпью и поручил большому числу судов охранять рабочих».

Диодор далее рассказывает, что, когда насыпь уже подошла к городу вплотную и, казалось, взятие города будет только делом времени, сильный северный ветер испортил значительную часть осадных сооружений, которые оказались смытыми разбушевавшимся морем. Эта неожиданная потеря стольких трудов поначалу поставила Александра в большое затруднение и заставила было его раскаиваться в том, что он начал осаду Тира. Однако честолюбие царя заставляло его довес-

ти осаду города до конца. Было принято следующее решение: Александр велел нарубить в горах больших деревьев, привезти их и вместе с ветвями уложить в насыпь: таким образом насыпь была укреплена от непогоды. Восстановив поврежденные части насыпи и с помощью множества рабочих приблизив ее к городу на расстояние полета стрелы, Александр, пока шло наступление с насыпи, обходил город со всем флотом, осматривая стены: единственной возможностью взять город было напасть одновременно и с суши и с моря. Тирийцы не осмеливались сразиться с македонским флотом и делали ставку на оборону на суше. Желая укрепить свою оборонную линию, они поставили новую стену, на расстоянии в 5 локтей (чуть более 2 м) от старой. Шириной она была в 10 локтей; проход между обеими стенами тирийцы завалили камнями и землей. Александр, связав между собой триеры и поставив на них разные машины, разрушил стену почти на один плефр (около 30 м). Воины ворвались через пролом в город, но тирийцы засыпали их стрелами, прогнали и с наступлением ночи восстановили обвалившуюся часть стены.

Между тем насыпь вплотную подошла к стене; город оказался на полуострове, и у стен начались жестокие бои. Тирийцы, ясно представляя себе ужас своего положения и те несчастья, которые обрушатся на них, если город будет взят, шли в бой с полным презрением к смерти. Македонцы возвели башни, равные по высоте стенам, перекинули с них мостки и смело вошли на брустверы, но тирийские мастера придумали средство, чтобы оборонять свои стены. «Выковав большие трезубцы с крючьями на концах, они рукой метали их в солдат, стоявших на башнях. Когда трезубец вонзался в щит, то, ухватившись за веревки, которые были привязаны к трезубцу, тирийцы тащили вражеского воина. Приходилось или бросать щит и подставлять ничем не прикрытое тело под град летящих стрел, или же, не выпуская из чувства чести щита, падать с высокой башни и разбиваться. Другие набрасывали на воинов, бившихся на мостках, рыбачьи сети и, опутав им таким образом руки, притягивали их и сбрасывали с мостков на землю» (Диодор, XVII, 43, 8–10).

МАКЕДОНЦЫ В БОЮ

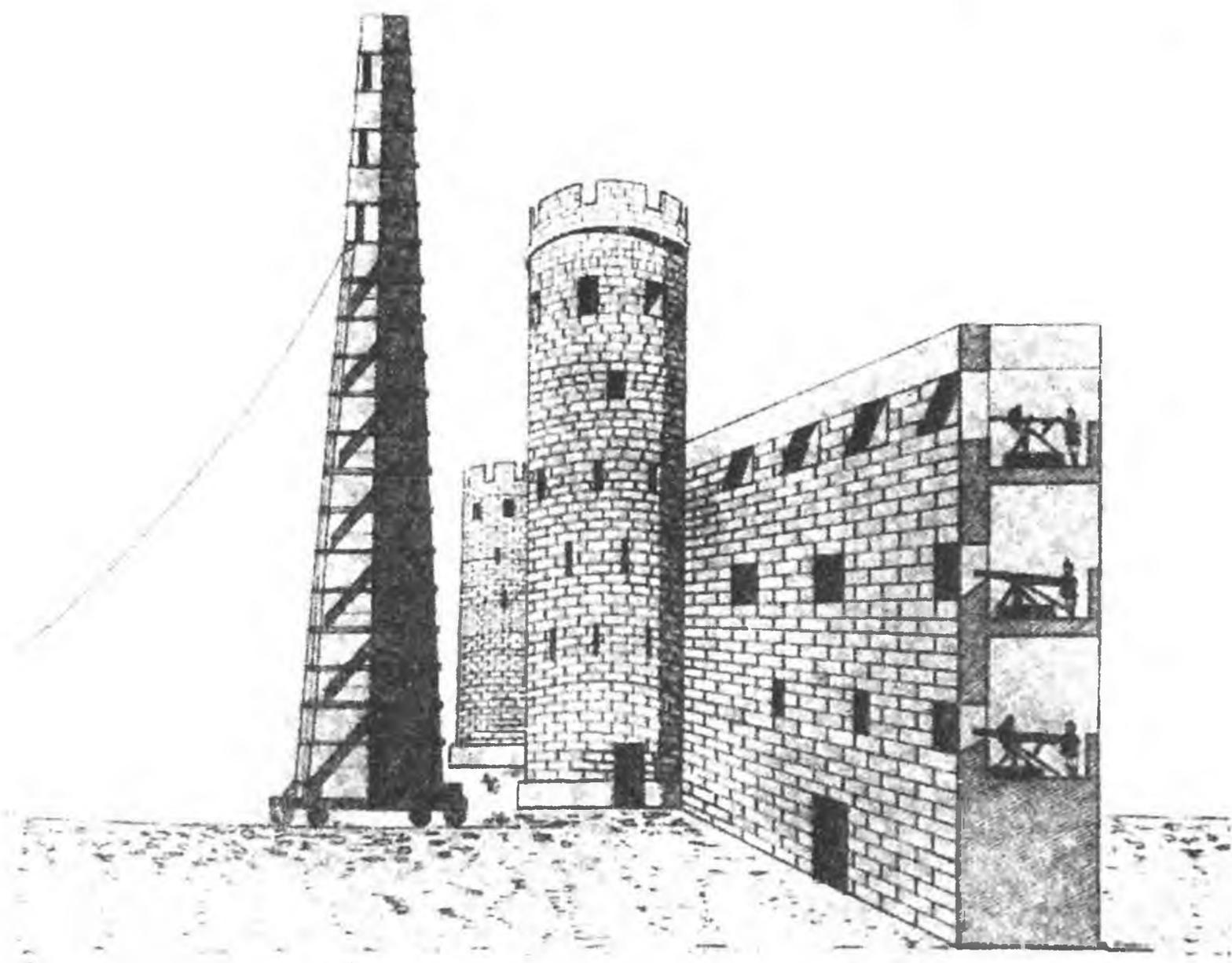
Тирийцы изобрели еще один «хитрый способ сломить мужество македонцев и подвергнуть самых храбрых воинов мучениям, которые нельзя было облегчить. Изготовлены были медные и железные щиты; в них насыпали песку и долго нагревали на сильном огне, так что песок накаливался. С помощью какого-то механизма они бросали этим песком в тех, кто сражался всех мужественнее, и подвергали свои жертвы жесточайшим страданиям. Песок проникал через панцирь и рубаху, жег тело, и помочь тут было нечем. Поэтому возле страдальцев, моливших о помощи, не было никого, чтобы облегчить их муки, и они кончались, впадая в неистовство от страшной боли, в страданиях жалостных и неутолимых. Финикийцы одновременно бросали огонь, дротики и камни; мужество осаждавших ослабевало под градом стрел; серпы на подъемных кранах подрезали канаты таранов и делали их бесполезными; огнеметы швыряли огромными кусками раскаленное железо в противника, попадая без промаха, так как люди стояли густой толпой; «воронами» и железными крючьями стаскивали стоявших на бойницах. Так как людей было много, то все машины сразу пускали в действие и атакующие гибли в большом числе» (Диодор, XVII, 44, 1–5).

Несмотря на тяжелейшие условия осады и то упорство, с которым сопротивлялись тирийцы, македонцы не теряли мужества. Александр приказал поставить на насыпи машины и метать в стены камнями, а стрелами сгонять воинов с брустверов. Совместно с осадными орудиями успешно действовали македонские лучники и пращники, которые ранили многих горожан, помогавших солдатам.

Но и у тирийцев были строители машин, которые придумали искусные средства обороны. По краю стен были поставлены мраморные колеса с частыми спицами, которые, вращаясь с помощью каких-то механизмов, ломали стрелы, пущенные из катапульт, или отбивали их в сторону, лишая пробивной силы. Кроме того, тирийцы сшивали мешки из кожи и меха, набивали их водорослями и подставляли под камни из камнеметов. Мягкий и упругий материал лишал удар его силы. В це-

лом тирийцы защищались всеми возможными способами и, обладая обилием средств обороны, мужественно противостояли врагу. Когда возникала опасность штурма, тирийцы спускались со стен, оставляли свои посты внутри башен и бились с врагом на мостках, схватываясь с ними врукопашную.

Александр, видя, что штурм Тира не удастся, сперва думал снять осаду и пойти по-

Использование катапульт и башни при осаде Тира

ходом на Египет, но затем, сообщает Диодор (XVII, 45, 7), передумал, сочтя позором прославить этой осадой не себя, а тирийцев. Несмотря на то, что из всех гетайров одного мнения с ним был только Аминта, сын Андромена, Александр все же решил продолжать осаду.

Воодушевлив свою армию, царь снарядил все военные корабли и энергично повел

МАКЕДОНЦЫ В БОЮ

осаду и с моря и с суши. Заметив, что около верфи стена менее надежна, он подвел сюда триеры, на палубах которых стояли самые сильные машины. И здесь Александр «отважился на такое дело, видя которое, люди не поверили своим глазам. Перебросив мостки с деревянной башни на городские стены, он – один – взбежал на стену, не убоившись ни завистливой судьбы, ни храбрости тирийцев, взбежал перед зрителями – воинами, победившими персов. Он приказал македонцам следовать за собой; первый, в рукопашной схватке, убил одних копьем, других мечом, некоторых отбросил щитом и заставил врагов несколько присмиреть» (Диодор, XVII, 46, 1–4). Он без труда отбросил тирийцев, как только македонцы перешли мостки и стали твердой ногой на земле. В это же время с другой стороны таран пробил большую брешь. Когда македонцы ворвались через пролом, а воины, бывшие с Александром, заняли стены, то город был взят.

Личная доблесть Александра позволила македонской армии занять город. Оставшиеся в живых тирийцы (более 7 тысяч), ободряя друг друга, перегородили узкие проходы и пали, защищая родной город. Александр приказал обратить в рабство детей и женщин, а всех юношей (около 2 тысяч) велел повесить. Хотя большая часть населения была увезена в Карфаген, пленных оказалось более 13 тысяч. Всего осада Тира продолжалась семь месяцев. В общей сложности при осаде Тира погибло около 400 македонских воинов (Арриан, II, 24, 4).

После взятия Тира Александр отправился по прибрежной дороге в поход на Египет. Пройдя около 250 км, он оказался в Газе, самом южном из древних палестинских городов, расположенном на краю египетской пустыни недалеко от моря. Дорога к Газе шла сыпучими песками; морское дно у города было илистым и вязким. Газа была большим городом, расположенным на высоком валу, который, кроме того, был обведен крепкой стеной (Арриан, II, 26, 1).

«Александр, подойдя к городу, прежде всего расположился лагерем в том месте, где стена казалась ему наиболее доступной, и велел собирать машины. Меха-

ники Александра высказали мысль, что взять стену приступом нельзя по причине высоты вала, но Александр считал, что взять ее тем необходимее, чем это труднее: врагов такое предприятие поразит своей неожиданностью, а для его воинов неудача будет позором на всю Элладу и перед Дарием. Он решил насыпать вокруг города свой вал, чтобы с этой насыпи, равной по высоте валу Газы, и подвести машины к стенам. Вал был насыпан с южной стороны города, где стена казалась наиболее доступной» (Арриан, II, 26, 2–3).

Когда Александр решил, что насыпь поднята на достаточную высоту, воины установили машины и стали подводить их к стене Газы. В это время из города сделана была большая вылазка. Жители Газы стали поджигать машины и, пользуясь тем, что находились на высоте, пытались перебить осаждавших, которые отбивались, стоя внизу. Когда войска македонцев стали теснить, Александр собрал гипаспистов и кинулся на помощь туда, где его солдатам было особенно тяжело. Он удержал своих воинов от позорного бегства с вала, но сам был ранен в плечо из катапульты: стрела насквозь пробила и щит, и панцирь (Арриан, II, 27, 2). По Курцию Руфу (IV, 6, 17–20), враги даже считали, что Александр был убит; так серьезно было ранение: стрела «прошла через панцирь и вонзилась в плечо, ее вынул врач царя Филипп. Потекла обильно кровь, и все испугались; через панцирь не было видно, глубока ли рана. Сам царь, даже не побледнев, приказал остановить кровь и перевязать рану. Долго еще после этого он оставался впереди знамен, скрывая боль или преодолевая ее, как вдруг кровь, перед этим задержанная лекарством, полилась сильнее, и рана, причинявшая мало боли, пока была свежа, распухла, когда кровь стала запекаться. У царя потемнело в глазах и подкосились ноги; ближайшие воины его подхватили и принесли в лагерь». От этой раны Александр отправился с трудом.

Вскоре после этих событий по морю прибыли машины, с помощью которых был взят Тир. Александр велел опоясать город валом шириной в 2 стадия, а высотой в 75 м. Когда машины были готовы и втащены на вал, они расшатали значительную часть стен; кроме

МАКЕДОНЦЫ В БОЮ

того, во многих местах были прорыты подземные ходы. Стена, оседающая в провалы, рухнула во многих местах. Несмотря на повреждение укреплений, жители Газы сумели отразить три атаки, прежде чем была обрушена другая часть стены. К разрушенной стене приставили лестницы. Первым по лестнице вошел Неоптолем, один из гетайров. «Македонцы, оказавшиеся внутри стены, разбили все ворота, кто на какие наткнулся, и впустили в город все войско. Жители Газы, хотя город уже был взят, все равно продолжали сражаться и погибли все, сражаясь каждый на том месте, где он был поставлен. Детей и женщин Александр обратил в рабство. Город он заселил окрестными жителями; он стал для него на военное время крепостью» (Арриан, II, 27, 6–7). Осада Газы длилась два месяца (Диодор, XVII, 46, 6)¹.

После осады Газы Александр двинулся в Египет. Но прежде, как рассказывает Иосиф Флавий (Иудейские древности, XI, 325–329), царь решил отправиться в Иерусалим.

¹ После взятия Газы Александр, по выражению Г. Берве, запятнал себя позорным убийством Бетиса, возглавлявшего оборону города. Курций Руф (II, 6, 26–30) рассказывает об этом так: «Юный царь, упоенный торжеством победы, но все же признавая мужество также и во враге, сказал, обращаясь к Бетису: “Не так ты умрешь, как хотел; тебе придется вынести все виды пыток, какие могут быть придуманы для пленника”. Но Бетис, глядя на царя не только бесстрашным, но и надменным взором, ничего не ответил на его угрозы. Тогда Александр воскликнул: “Видите ли, как он упорно молчит? Склонил ли он колена, просит ли пощады? Но я заставлю его прервать молчание, и если не слова, то исторгну из него хотя бы стоны!” Затем он от раздражения впал в ярость; уже тогда он стал перенимать чужие нравы. Через пятки еле дышавшего Бетиса были продеты ремни, его привязали к колеснице, и кони потащили его вокруг города, а Александр хвалился тем, что, придумав такую казнь врагу, он подражает Ахиллу, от которого сам вел свой род». Впрочем, не нужно забывать о том, что Курций Руф, пересказывая более подробное сообщение Гегесия из Магнесии, не упомянул ряд деталей, которые приводит его источник. По Гегесию, Бетис был огромным, тучным чернокожим евнухом. По меткому предположению А. Берна, именно это могло сделать Бетиса отвратительным Александру. На угрозы же Александра Бетис ничего не отвечал, скорее всего потому, что не знал греческого, как о том говорит Гегесий. Однако У. Тарн считает, что слово «черный» в описании внешности Бетиса означает, что он был всего лишь загорелым, а не чернокожим; на основании молчания Арриана об этом эпизоде Тарн заключает, что ситуация с Бетисом вовсе не имела места.

Еще во время осады Тира Александр потребовал от иудейского первосвященника Йадды прислать военную помощь, доставить для продажи его воинам продовольствие и другие необходимые товары, а также приносить ему те дары, которые прежде полагались персидскому царю (там же, XI, 327). Вероятно, с аналогичными требованиями македонский царь обратился и к другим правителям Палестины. Очевидно, в ответ на подобное требование уже в первые недели осады Тира самаритянский правитель Санбаллат привел к Александру 8 тысяч воинов и признал его своим верховным владыкой (там же, XI, 321–324). Однако поскольку иудейское правительство еще не было уверено в победе Александра, то Йадда ответил, что пока Дарий жив, иудеи не могут нарушить данной персидскому царю клятвы не поднимать против него оружия (там же, XI, 38). Так как Александр, взяв Тир, пригрозил Йадде на примере иудеев научить всех, по отношению к кому должно соблюдать клятвы, можно думать, что не только иудейский первосвященник уклонился от выполнения требований македонского царя.

Когда Александр подошел к стенам Иерусалима, навстречу ему во главе жрецов вышел сам первосвященник, перед которым Александр преклонил колени, воздавая честь богу иудеев. Пораженному этим поступком царя Пармениону Александр объяснил, что именно этот бог ранее являлся ему во сне, ведет его против персов и дарует победу.

Войдя в Иерусалим, македонский царь принес жертву Иегове. После этого он позволил иудеям продолжать пользоваться «отеческими законами» и даровал налоговые льготы. По предложению Александра многие иудеи примкнули к греко-македонскому войску.

Этот явно претендующий на объяснение поразительных успехов Александра и, очевидно, восходящий к иудейской жреческой традиции рассказ И. Ш. Шифман комментирует так: «В том виде, как об этом событии повествует Иосиф Флавий, оно не могло произойти. Александра трудно представить коленопреклоненным перед иудейским первосвященником или объясняющим грекам либо македонянам, что победу ему дарует именно

МАКЕДОНЦЫ В БОЮ

иудейский бог... Тем не менее, отправляясь в Египет, Александр был заинтересован в том, чтобы иметь в своем тылу умиротворенную страну; он должен был, следовательно, обеспечить свой контроль также и над иудеями. Не исключено, что встреча Александра и первосвященника Йадды действительно состоялась, причем Александр сохранил политическое устройство Иудеи и дал ей налоговые иммунитеты, учитывая местные обычаи. Возможно, что какие-то иудеи участвовали в дальнейших походах Александра».

Еще более насущной задачей для македонского царя было овладение Египтом, который, кроме своей стратегической важности, имел еще немалое экономическое значение, прежде всего как один из основных поставщиков хлеба. Александру удалось без боя занять Египет, так как персы во время оккупации Египта оскорбляли египетские святыни (например, зажарили и съели священного быка Аписа) и управляли с помощью насилия, и македонский царь, таким образом, выступал в роли освободителя. Кроме того, персидский сатрап Мазак, не располагавший достаточными силами для оказания сопротивления, явился в приграничную крепость Пелусий, где собралось множество египтян для встречи Александра, и передал ему 800 талантов и все царское имущество (Курций Руф, IV, 2, 4; Арриан, III, 1, 2).

Оставив в Пелусии гарнизон, Александр отправился в древнюю столицу фараонов – Мемфис. Вступив в этот город, царь формально завершил завоевание Египта. Здесь он принес жертвы египетским богам. Затем Александр пошел вниз по Нилу к морю, взяв с собой щитоносцев, лучников, агриан и царскую илу всадников. В низовьях Нила, на побережье близ Канопы, царь основал город Александрию, который вскоре стал крупнейшим духовным центром античного мира.

Пройдя около 320 км вдоль пустынного морского побережья, Александр достиг г. Паретония, где его ждало посольство из греческой колонии Кирены. Приняв от киренцев дары, в числе прочего состоявшие из 300 боевых коней и 20 лошадей для колесниц, царь заключил с киренцами союз, после чего отправил-

ся на юг, чтобы спросить оракул египетского бога Аммона¹, находившийся в Ливийской пустыне (оазис Сива). Здесь жрецы встретили Александра, называя его сыном Аммона, – это было традиционным приветствием, обращенным к новому фараону. О чем царь вопрошал оракул, доподлинно неизвестно (Арриан, III, 4, 5)². Но в письме к матери Александр сообщал, что получил какие-то таинственные предсказания, которые сможет сообщить только ей, когда вернется на родину (Плутарх, Александр, 27). Получив оракул, Александр вернулся в Мемфис. Здесь его ждали послы из Греции, около 400 греческих наемников и около 500 всадников из Фракии, присланных Антипатром.

Поскольку Египет представлял собой естественную крепость, Александр считал опасным вручать управление страной одному человеку, разделив власть между несколькими египтянами, македонянами и греками (Арриан, III, 5).

Ранней весной 331 г. до н. э. Александр выступил к Тиру, где уже находился его флот. В Финикии Александру пришлось посылать войска на подавление антимакедонских выступлений, центром которых стала община самаритян, которые заживо сожгли македонского наместника Сирии Андромаха (Курций Руф, IV, 8, 9–11).

После подавления восстания Александр основал на севере Палестины ряд городов, население которых составили его ветераны, а также колонисты из Греции и Македонии. Основанные в необжитых районах (чтобы не вступать в конфликты с местным населением), эти города у края пустыни должны были оборонять Северную Палестину от кочевников.

Узнав о волнениях на Пелопоннесе, Александр отправил туда на помощь своим сторонникам флот под командованием Амфотера, поручив ему также очис-

¹ Греки почитали этого бога под именем Зевса-Аммона. По преданию, оракул Аммона некогда посетили мифические предки Александра – Персей и Геракл.

² Прочие источники (Диодор, Курций Руф, Юстин, Плутарх) сообщают, что Александр интересовался двумя вопросами: признает ли Аммон его своим сыном и дано ли ему стать владыкой всех людей; в обоих случаях ответы были утвердительны.

тить море от пиратов (Арриан, III, 6, 3; Курций Руф, IV, 8, 15).

Во время пребывания Александра в Финикии¹ Дарий прислал своих друзей с письмом к македонскому царю, предлагая Александру 10 тысяч талантов выкупа за пленных, все земли по эту сторону Евфрата, одну из дочерей в жены, а также свою дружбу и союз. Когда Александр сообщил об этом предложении приближенным, Парменион сказал: «Будь я Александром, я принял бы эти условия». «Клянусь Зевсом, я сделал бы также, – воскликнул Александр, – будь я Парменионом!» После этого Александр ответил послам: как при двух солнцах вселенная не может сохранить своего строя и порядка, так и при двух самодержцах мир не может пребывать в спокойствии. На предложение части царства Александр ответил, что Дарий дает ему то, чем он, Александр, уже владеет, и приказал Дарию явиться к нему лично в качестве просителя и предоставить победителю решать, что будет с Персидским царством (Юстин, XI, 12, 4). Дарий, потеряв всякую надежду на заключение мира, стал собирать армию и готовиться к решающей битве.

БИТВА ПРИ ГАВГАМЕЛАХ

В то время, пока армия Александра двигалась из Сирии по направлению к Месопотамии, попытку поднять антимакедонское восстание в Греции предпринял спартанский царь Агис III. Спарта, лишенная Филиппом II ряда своих территорий, отчасти сумела восстановить свою былую военную мощь.

Вскоре после битвы при Иссе Агис получил от персов значительную денежную помощь, а к его войску присоединились 8 тысяч греческих наемников, воевавших на стороне персов. Агис заключил союз с Тегеей,

¹ По Плутарху (Александр, 29), Арриан (II, 25) сообщает, что этот эпизод имел место во время осады Тира, а Диодор (XVII, 54) помещает его непосредственно перед битвой при Гавгамелах. Сообразно с персидскими методами ведения дипломатии Дарий явно неоднократно обращался к Александру с подобными предложениями.

Ахайей и Элидой и выставил против наместника Македонии Антипатра армию в 20 тысяч пехотинцев и 2 тысячи конницы. Весной 331 г. до н. э. Агис разбил македонское войско под командованием Коррага и осадил Мегалополь. Антипатр, заключив спешный мир с восставшими фракийцами, с 40-тысячным войском отправился на Пелопоннес и в кровопролитной битве при Мегалополе добился победы. Агис III был убит, а сопротивление Спарты было подавлено. Успешные действия Антипатра позволили Александру продолжить свой персидский поход.

Александр подошел к Евфрату у города Фапсак. Переправу охраняли 3 тысячи всадников и несколько тысяч пехотинцев под руководством знатного перса Мазея. Передовые отряды македонской армии, пытавшиеся навести мосты через Евфрат, не смогли этого сделать из-за присутствия войска Мазея. Однако стоило армии Александра приблизиться к переправе, как Мазей бежал со всем своим войском. Немедленно на другой берег Евфрата были переброшены мосты, и македонцы без помех перешли по ним (Арриан, III, 7, 1–2).

К этому времени Дарий успел собрать войска и приготовить все нужное для решающего сражения. Он заказал гораздо больше мечей и копий, чем у него было раньше, думая, что Александр выиграл битву при Иссе благодаря обилию оружия. Хорошо вооружив войско и поставив опытных военачальников, Дарий выступил из Вавилона по направлению к Ниневии (Диодор, XVII, 53).

В пути по Месопотамии Александром было захвачено несколько воинов Дария, которые сообщили, что персидский царь с огромным войском стоит у реки Тигр. Услышав об этом, Александр поспешно двинулся к Тигру, но, придя к реке, не застал ни Дария, ни охраны, им оставленной. Македонский царь переправился через реку с трудом вследствие стремительного течения, но никто ему при этой переправе не препятствовал (Арриан, III, 7, 5).

На четвертый день после переправы через Тигр, когда войско македонцев проходило через Ассирию, разведчики-продромы сообщили Александру, что на рав-

нине виден тысячный кавалерийский отряд персов. Александр, лично возглавив царскую илу, отряд гетайров и пеонийцев, устремился на противника. Увидев надвигающееся войско Александра, персидские всадники начали спешно отступать. Большинству удалось спастись, но несколько человек удалось убить или захватить в плен. От плененных персов македонцы узнали, что Дарий с войском встал лагерем на совершенно ровном месте у Гавгамел¹, в 600 стадиях от города Арбелы. Александр приказал войску отдохнуть в течение четырех дней, а по их прошествии выступил навстречу Дарию. Когда македоняне оказались в 30 стадиях от расположения Дария и стали спускаться с холмов на равнину, Александр созвал военный совет, который должен был определить, нападать ли на врага немедленно или стать лагерем и осмотреть местность. Победила вторая точка зрения, которой придерживался Парменион. Войско македонцев стало лагерем в том самом порядке, в каком воины должны были идти в сражение.

Курций Руф рассказывает, что перед битвой Дарий с вождями и приближенными обходил отряды воинов, стоявших под оружием, взывая к Солнцу, Митре² и к священному вечному огню, чтобы эти божества внушили персам мужество, достойное их древней славы и памяти предков. Дарий был уверен в превосходстве своих сил и в том, что Александр попался в его ловушку. «Конечно, – говорил он, – если только ум человеческий может понять предсказания божества, боги на нашей стороне. Они недавно навели внезапный страх на македонцев: до сих пор они носятся как безумные, бросая оружие: так карают боги, покровители персидского царства, врагов, лишив их разума. Да и вождь их не более здрав разумом: он словно дикий зверь, видя до-

¹ Плутарх объясняет происхождение название «Гавгамелы» так: «Название это на местном наречии означает «Верблюжий дом», так как один из древних царей, спасшись от врагов на одногорбом верблюде, поместил его здесь и назначил на его содержание доходы с нескольких деревень» (Александр, 31).

² Митра – один из главных персидских богов; считался приносящим победу.

бычу, бросается прямо в капкан, поставленный перед ней» (Курций Руф, IV, 13, 12–14). В то же время Александр, взяв с собой гетайров, объехал кругом, осмотрел место будущего сражения, а вернувшись, опять созвал своих военачальников и сказал им, что ему нечего воодушевлять их перед сражением: они давно уже воодушевлены собственной доблестью и многократно совершенными блестящими подвигами, а только просит их всех ободрить своих подчиненных. Каждый начальник должен был сказать своим солдатам, что в этой битве они будут сражаться за всю Азию, поскольку именно здесь решится, кто должен ею править (Арриан, III, 9, 5–7).

Плутарх (Александр, 31) передает, что «старейшие из приближенных Александра, и в особенности Парменион, были поражены многочисленностью врага и говорили друг другу, что одолеть такое войско в открытом бою было бы слишком трудным делом. Подойдя к царю, только что закончившему жертвоприношения, они посоветовали Александру напасть на врагов ночью, чтобы темнотою было скрыто то, что в предстоящей битве может внушить наибольший страх македонянам». Александр на это ответил, что ему стыдно красть победу: надлежит победить в открытую, без хитростей. Несмотря на то что эти слова могли показаться легкомысленными, речь скорее шла о кодексе чести македонского царя. Кроме того, как справедливо замечает Арриан (III, 10, 2), в таком решении мог быть и правильный расчет. «Ночью может случиться много неожиданного и для тех, кто хорошо приготовился к бою, и для тех, кто к нему не готов; ночь может погубить сильных и, вопреки ожиданиям обеих сторон, дать победу слабым... Если бы Дарий был побежден, то тайное ночное нападение избавляло бы его от признания, что он и сам плохой воин, и командует плохим войском; если же на долю македонцев выпало бы неожиданное поражение, то для врага кругом все было свое, родное, и он знал местность; они ее не знали и были окружены только врагами, немалое число которых находилось у них в плену: пленные вместе с солдатами Дария нападут на них ночью и не только, если они потерпят поражение,

МАКЕДОНЦЫ В БОЮ

но и в том случае, если победа их окажется неполной». Кроме того, нужно отметить, что Дарий был готов к ночной атаке македонской армии, из-за чего его войско всю ночь простояло в полном вооружении, и к утру, когда началась битва, было морально и физически истощено.

Александр, напротив, так крепко проспал остаток ночи, что, против обыкновения, не проснулся на рассвете. По яркому рассказу Плутарха (Александр, 32), полководцам, удивленным этим, самим пришлось отдавать первый приказ воинам – приступать к завтраку. «Время не позволяло медлить долее, и Парменион, войдя в палатку и встав рядом с ложем Александра, два или три раза окликнул его. Когда Александр проснулся, Парменион спросил, почему он спит сном победителя, хотя впереди у него величайшее сражение. Александр, улыбнувшись, сказал: “А что? Разве ты не считаешь, что мы уже одержали победу, хотя бы потому, что не должны более бродить по этой огромной и пустынной стране, преследуя уклоняющегося от битвы Дария?”».

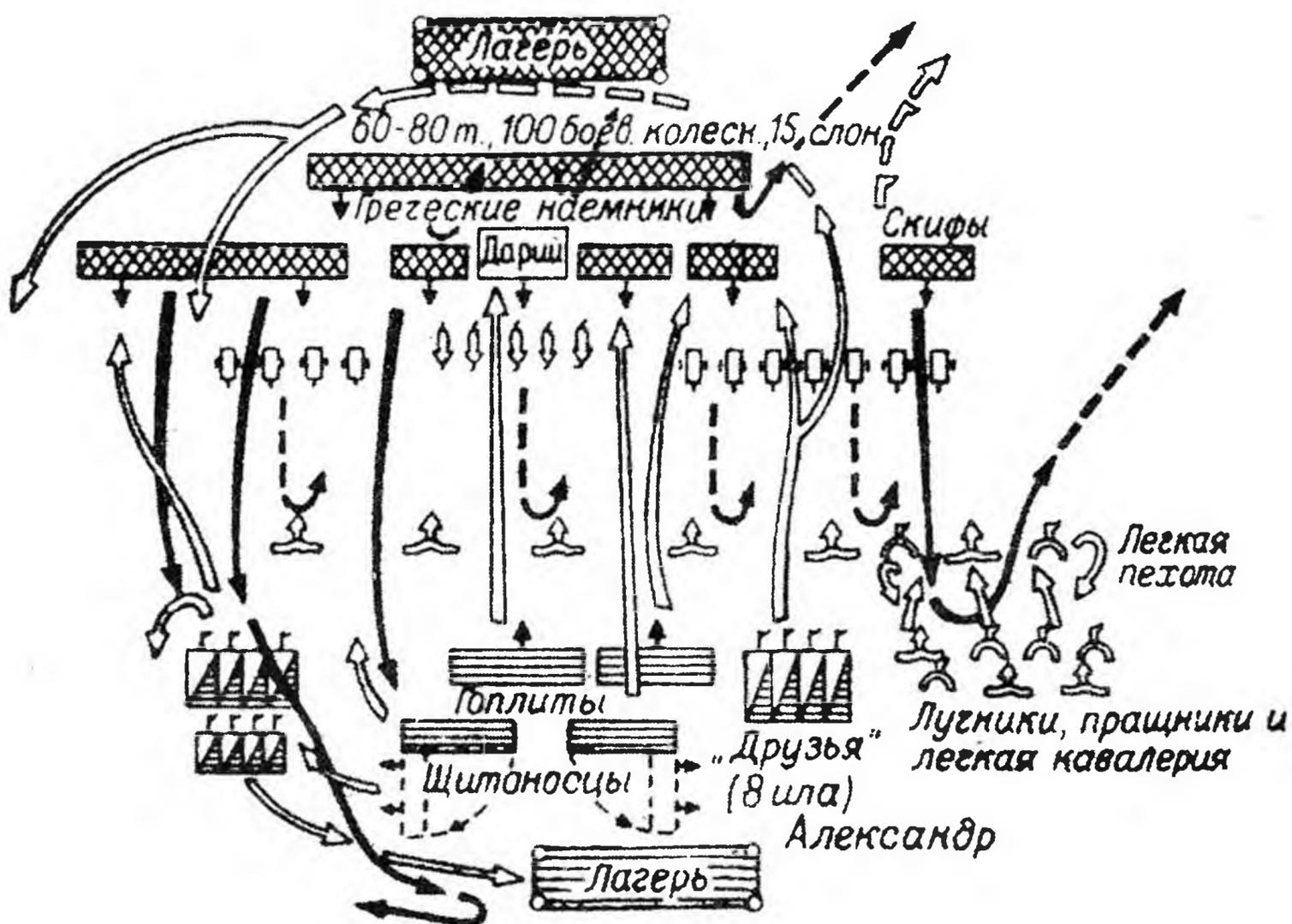
Благодаря тому, что план расположения войска Дария (составленный лично персидским царем) в битве при Гавгамелах попал в руки македонян, и был впоследствии переписан сперва Аристобулом, а затем Аррианом, известны детали построения персов в этом сражении.

На левом крыле Дарий поставил скифскую конницу, около тысячи бактрийцев и 100 колесниц с косами. За ними располагались бактрийские всадники, даи и арахоты, рядом – персидские конные и пешие подразделения вперемежку, за ними – сусии и кадусии. Это крыло занимало пространство до середины всего войска.

В центре боевой линии, как и в битве при Иссе, находился сам Дарий в окружении своих родственников и гвардии, за которыми стояли индийцы, карийцы и марды-лучники, уксии, вавилоняне, люди с Красного моря и ситтакены. Двухтысячный отряд греческих наемников стоял возле Дария, по обе стороны от него. Они, по замыслу персидского царя, должны были про-

тивостоят македонской фаланге. Сзади центр персидской гвардии прикрывали слоны и 50 серпоносных колесниц.

На правом крыле впереди находились армянские и каппадокийские конники и 50 боевых колесниц, за ними стояли солда-

Битва при Гавгамелах

ты из Келесирии и Месопотамии, а также мидяне, парфяне, саки, тапуры, гирканы, албаны, сакесины – также до середины строя персов. Всего в армии Дария, по свидетельству Курция Руфа, было 45 тысяч конницы, 200 тысяч пехоты и 200 колесниц. Другие авторы приводят еще более крупные цифры, которые являются явно фантастическими.

Александр же расположил на правом крыле войска конницу гетайров; впереди стояла царская ила со своим илархом Кли- том, сыном Дропида, за ней шли илы под командованием Главкия, Аристона, Сопо-

МАКЕДОНЦЫ В БОЮ

лида, Гераклида, Деметрия, Мелеагра и Гегелоха, Стратегическое руководство конницей осуществлял Филота. В центре находились шесть таксисов фаланги. Левое крыло македонского войска занимал полк Кратера под прикрытием союзной и фессалийской конницы. Общее руководство левым крылом осуществлял Парменион.

За этой линией войска Александр приказал поставить вторую линию – так, чтобы иметь два фронта. Начальникам этих стоявших сзади отрядов было приказано, в том случае, если они увидят, что персидское войско окружает македонцев, совершить полный оборот и принять удар варваров. На правом крыле подковой была выстроена половина агриан под командой Аттала, за ними македонцы-лучники под начальством Брисона, рядом с лучниками так называемые «чужестранцы-ветераны» со своим начальником Клеандром. Впереди агриан и лучников стояли всадники – продромы и пеонийцы, предводительствуемые Аретой и Аристом. Впереди же всех находилась конница наемников под командой Менида. Впереди царской илы и гетайров находилась другая половина агриан и лучников, а также метатели дротиков под командованием Балакра. Они были выставлены против колесниц с косами. Коннице наемников было предписано, чтобы, если вражеская кавалерия начнет объезжать их крыло, они повернули и напали на тех сбоку.

Всего армия Александра насчитывала 7 тысяч всадников и 40 тысяч пехотинцев.

Чтобы противостоять атаке персидских колесниц, Александр придумал следующее: сомкнуть щиты и ударять в них сариссами, чтобы лошади, испугавшись шума, понесли назад; если же это не поможет, то раступиться и тем избежать урона в войске (Диодор, XVII, 57, 6).

По сигналу труб войска обеих сторон устремились друг на друга. Александр двинул вправо вытянутый правый фланг, чтобы персы не могли его обойти. Дарий бросил против Александра левое крыло своего войска, на котором стояли скифские всадники. Те уже подъезжали вплотную к передовым отрядам Александра, но

Александр продолжал идти вправо и уже почти выходил за пределы того пространства, которое расчистили для атаки колесниц персы. Дарий испугался, как бы македонцы не вышли на пересеченную местность, где его колесницы окажутся бесполезными, и приказал всадникам, выстроенным перед левым крылом, окружить неприятельское правое, которое вел Александр, и не дать ему возможности вести свое крыло дальше. Скифские и бактрийские всадники уже почти приблизились к передовым македонским частям, когда Александр приказал наемной коннице Менида начать встречную атаку. Однако персы без труда отогнали их назад, так как значительно превосходили числом маленький отряд Менида. Александр приказал бросить на скифов отряд Ареты, пеонийцев и греческих наемников, который заставил противника дрогнуть. В то же время другой отряд бактрийцев, подойдя ближе, заставил своих беглецов повернуть обратно; завязалась упорная конная схватка. В ней воинов Александра пало больше, так как варвары и их кони имели защитные доспехи. Тем не менее македонцам удалось расстроить вражеские ряды.

В это время Дарий ввел в бой серпоносные колесницы, и они понеслись на стоявших на правом фланге македонян. Но персы обманулись в своих ожиданиях. Метатели дротиков под командованием Балакра и стрелки-агриане перебили многих возниц, пока они доскакали до македонского войска. Лишь некоторым удалось пронестись сквозь ряды: солдаты расступались, как им и было приказано, перед мчавшимися колесницами. В этом случае чаще всего и сами колесницы оставались целы, и неприятелю, на которого неслись, вреда не причиняли. (Арриан, III, 13, 5–6).

Основной удар персидского войска принял на себя левый фланг македонской армии, находившийся под командованием Пармениона. Бактрийская конница «с шумом и криком» (Плутарх, Александр, 32) ударила на македонян, а всадники Мазея прорвали линию фаланги и дошли до македонского обоза, чью невооруженную охрану персы перебили. Кавалерия Мазея освободила пленных, которые вместе с ней и напали на македон-

цев. Парменион через гонцов сообщил Александру, что лагерь и обоз будут потеряны, если царь немедленно не пришлет тыловым отрядам сильное подкрепление, сняв для этого часть войск с передней боевой линии. По Плутарху, как раз в это время Александр подавал окружающим его воинам сигнал к наступлению. «Услышав просьбу о помощи, он воскликнул, что Парменион, наверное, не в своем уме, если в расстройстве и волнении забыл, что победителям достанется все имущество врагов, а побежденным следует заботиться не об имуществе и рабах, а о том, чтобы, храбро сражаясь, со славой принять смерть» (Александр, 32).

Дождавшись, когда Дарий введет в дело всю свою пехоту, Александр велел легкой кавалерии атаковать конницу персов, пытавшуюся охватить правое крыло македонян. Конница Александра расстроила передние ряды варваров, и в образовавшуюся брешь македонский царь двинул построенную клином фалангу и кавалерию, с боевым кличем устремившись на самого Дария (Арриан, III, 14, 2). Пехота персов не сумела оказать македонцам серьезного сопротивления, бежав даже раньше, чем передние ряды успели завязать бой.

По свидетельству Диодора (XVII, 60, 2), Дарий смело встретил македонскую атаку, сражаясь с колесницы, он сам метал дротики в несшихся на него врагов. Однако чем ближе был Александр, тем больше приходили в смятение телохранители Дария. «Только самые смелые и благородные бились за своего царя до последнего вздоха; падая друг на друга, они затрудняли преследование, судорожно вцепляясь во вражеских всадников и их коней. Это страшное зрелище развертывалось на глазах у Дария, и окружавшие царя персидские воины уже гибли у самых его ног», – пишет Плутарх (Александр, 33). Цари бросились друг на друга. По Диодору (XVII, 60, 2–3), Александр метнул дротик в Дария, но промахнулся и попал в возницу, стоявшего рядом с царем. Воины, окружавшие Дария, громко вскрикнули; те, кто стоял поодаль, решили, что убит царь; они положили начало бегству, и за ними устремилась целая толпа. Видя, что у него не осталось защитников, и сам царь в ужасе обратился в бегство. Скорее

всего, Дарий действительно был вынужден бежать только после того, как он был оставлен своими войсками. Несмотря на то что Арриан (III, 14, 3) рассказывает, что в результате атаки Александра «Дария, которому давно уже было страшно, обуял ужас, и он первый повернул и обратился в бегство», Диодор и Плутарх единодушны в том, что бегство Дария было вынужденным¹. Кроме того, в вавилонской клинописной хронике, хранящейся в собрании Британского музея (BM 36761, BM 36390), написанной через несколько дней после сражения при Гавгамелах, определенно говорится: «Воины царя (Дария) потерпели тяжелое поражение. Воины покинули своего царя и бежали в свои города на восток».

По-видимому, пишет Плутарх, Дарию не удалось бы скрыться, «если бы снова не прискакали гонцы от Пармениона, призывая Александра на помощь, ибо на их фланге значительные силы врагов еще не были сломлены и оказывали сопротивление» (Александр, 33). Пока персидская конница грабила лагерь македонцев, воины второй линии успели зайти в тыл персам и многих убили на месте. Но все оставшиеся силы персидской конницы, еще не знавшие о начавшемся отступлении, окружили воинов Пармениона. Тот послал Александру донесение, что он находится в тисках и нуждается в помощи. О завершающей фазе битвы красочно рассказывает Арриан (III, 15): «Александр, получив его донесение, прекратил преследование и, повернув с конницей гетайров, вскачь понесся к правому крылу варваров. Сначала он напал на бегущую вражескую конницу, на парфиев, часть индов и на самые многочисленные и сильные отряды персов. Начался конный бой, самое жаркое дело во всей этой битве. Варвары, построены в глубину отрядами, повернулись и напали на воинов Александра, стоя против них лицом к лицу; они не брались за дротики, не кружились, как это обычно в конном бою; каждый поражал того, кто был перед ним, видя в этом един-

¹ По Плутарху (Александр, 33), Дарий попытался отступить, вскочив на недавно ожеребившуюся кобылу, а та понесла его туда, где находился ее жеребенок.

МАКЕДОНЦЫ В БОЮ

ственное для себя спасение. Второпях поражали они и падали сами; жалости не было ни у тех, ни у других: сражались уже не ради чужой победы, а ради собственного спасения. Около 60 гетайров пало здесь; ранены были сам Гефестион, Кен и Менид; но и тут одолел Александр. Те, кто пробился сквозь ряды Александровых воинов, обратились в неудержимое бегство. Александр готов был напасть на правое крыло неприятеля, но фессалийская конница сражалась так блистательно, что Александру нечего было тут делать: варвары с правого крыла уже обратились в бегство».

Александр, дав передохнуть своим всадникам, спешно двинулся к Арбелам, надеясь захватить там Дария, деньги и все царское имущество. Однако, прибыв в Арбелы на следующий день, Дария он там уже не нашел: ни минуты здесь не задерживаясь, персидский царь бежал в Мидию; деньги и все имущество были захвачены победителями. Как и после битвы при Иссе, была захвачена колесница Дария, его щит и лук. Битва при Гавгамелах окончательно поставила персидского царя в положение беглеца, а Александру принесла фактическую власть над Азией.

В битве македонцы потеряли около ста человек. От ран и оттого, что они надорвались при преследовании, пало больше тысячи лошадей. У персов погибло около 30 тысяч человек; значительно больше было взято в плен.

Вместе с Дарием бежала бактрийская конница и царские родственники. Вскоре к беглецам присоединились около двух тысяч наемников, которыми командовали греки. Поскольку дорога в Мидию была трудна для большого войска, Дарий правильно рассчитал, что Александр после окончания сражения не бросится немедленно в погоню за ним, а отправится в Вавилон и Сузы (Арриан, III, 16, 1–3). Вавилон без боя сдал командовавший правым флангом персов при Гавгамелах Мазей (Курций Руф, V, 1, 17–18). Вступление македонян в Вавилон превратилось в триумфальное шествие (Курций Руф, V, 1, 19–23). Вавилоняне радушно встретили Александра и его воинов (Диодор, XVII, 64, 4). Царь распорядился выдать каждому всаднику-македонянину шесть

мин¹ серебра, пехотинцам-македонянам – по две мины, всадникам-союзникам – по пять мин, а наемникам – жалованье за два месяца (Диодор, XVII, 64, 6). Тридцать четыре дня, проведенных македонянами в пирах и утехах с веселыми женщинами, которыми преизбыточествовал Вавилон, были сплошным праздником. Пока его воины отдыхали, сам царь, который, как известно (например, Плутарх, Александр, 22–23), весьма сдержанно относился к телесным наслаждениям, полагая, что они порождены только слабостью человеческой природы, с успехом демонстрировал, насколько его отношение к вавилонянам отличается от политики персов: он приносил жертвы местным богам, занимался восстановлением разрушенных храмов и т. п. (см., напр., Арриан, III, 16, 4–5). Вероятно, именно в Вавилоне Александр был провозглашен царем Азии (Плутарх, Александр, 34), т. е. Персии.

Поставив сатрапом Вавилонии Мазея (управление гарнизоном и финансами было поручено македонянам), Александр отправился в Сузы, где также не встретил сопротивления. Здесь он принял казну Ахеменидов – «пятьдесят тысяч талантов (1310 т) серебра и прочее царское имущество» (Арриан, III, 16, 7). Сатрапом Сузианы царь оставил перса, назначив македонян военным губернатором и командиром гарнизона (Арриан, III, 16, 9). Кроме того, Александр реорганизовал армию, получив очередное подкрепление из Македонии. Прибывших всадников Александр назначил в конницу гетайров, а пехотинцев распределил между полками по племенам. «Каждую илу он разделил на два лоха – раньше конных лохов не было, а лохагами поставил тех “друзей”, которые заслужили это предпочтение своей доблестью» (Арриан, III, 16, 11).

Недолго пробыв в Сузах, Александр отправился в Персеполь². Форсировав реку Паситигр, царь вступил в землю уксиев. «Те из уксиев, которые жили на равнинах и были подчинены персидскому сатрапу, сразу же

¹ Мина – 600 г.

² Этот богатый и многолюдный город был столицей собственно Персии, ее династическим и религиозным центром.

МАКЕДОНЦЫ В БОЮ

покорились Александру, но так называемые горные уксины, не подчиненные персам, прислали Александру сказать, что они пропустят его с войском в Персию, только если получат от него плату, какую они получали за проход от персидского царя. Александр отослал их, велел идти к теснинам, господство над которыми позволяет им думать, что проход в Персию находится в их власти: там они от него получают установленную плату. Он взял царских телохранителей, гипаспистов, и около 8000 остальных солдат и ночью пошел, но не по известной дороге: проводниками ему были люди из Суз. Пройдя по каменистой тяжелой дороге, он на рассвете напал на деревни уксиев, взял большую добычу и перебил много людей, захватив их еще в постелях. Другие бежали в горы. Сам он спешно пошел к теснинам, где уксины рассчитывали встретить его всем народом, чтобы получить установленную плату; Кратера же еще раньше он отправил занять те высоты, куда, как он думал, отступят теснимые уксины. Сам он шел с великой поспешностью, занял проходы первым и с высот повел свое выстроенное войско на варваров. Перепуганные стремительным появлением Александра, лишённые позиций, на которые они больше всего полагались, уксины бежали раньше, чем дело дошло до рукопашной. Одни во время бегства пали от руки Александровых воинов; многие убились, срываясь с обрывистой дороги. Большинство же, убежав в горы, наткнулось на солдат Кратера, и было перебито» (Арриан, III, 17, 1–5).

Отсюда он отправил обоз, фессалийскую конницу, союзников, наемников-чужеземцев и вообще все тяжелооруженное войско под начальством Пармениона по широкой проезжей дороге на персов. Сам он с македонской пехотой, конницей гетайров, всадниками-продромами, агрианами и лучниками спешно двинулся через горы. Придя к Воротам Персии¹, он застал там Ариобарзана, персидского сатрапа, с войском, в котором было до 40 тысяч пехоты и до 700 всадников. Ари-

¹ Ворота Персии – ущелье, через которое шла стратегически важная дорога в Персеполь.

обарзан перегородил Ворота стеной и расположился перед ней лагерем, чтобы не пропустить через Ворота Александра (Арриан, III, 18, 1–2).

Когда Александр выстроил войско и повел его к укреплениям персов, ему пришлось вернуться обратно в лагерь, увидев, что штурмом взять их нельзя. «Место было неприступным; к тому же многие солдаты были ранены, так как враг поражал их сверху из машин. Пленные, однако, рассказали ему, что есть другая дорога, по которой можно обойти Ворота и оказаться по ту сторону их, но что она трудна и узка. Александр оставил в лагере Кратера с его полком, полком Мелеагра, небольшим числом лучников и 500 всадников и велел ему штурмовать стену, как только он узнает, что Александр уже обошел кругом и подходит к персидскому лагерю (узнать это будет нетрудно, так как сигнал подадут ему трубы). Сам он выступил ночью и прошел стадий 100; отсюда, следуя за пленными, он повернул к Воротам, взяв с собой щитоносцев, полк Пердикки, совсем легко вооруженных лучников, агриан, царскую илу “друзей” и еще одну конную тетрархию. Аминте, Филоте и Кену он велел вести остальное войско на равнину и сделать мост через реку, которую надлежало перейти на пути в Персию. Сам он пошел по трудной, неровной дороге, причем большую часть ее вел войско бегом. Первый сторожевой пост варваров он перебил, напав на него до рассвета; убита была и большая часть воинов на втором посту. Большинство людей с третьего поста разбежалось, и побежали они не в лагерь к Ариобарзану, а с перепугу, как были, прямо в горы, так что на заре Александр напал на вражеский лагерь совершенно неожиданно. Одновременно с его переходом через ров трубы подали знак войску Кратера, и Кратер повел людей на штурм стены. Персы попали между двух линий противника и обратились в бегство, не вступив даже в бой. Отовсюду, однако, путь им был прегражден: с одной стороны нажимал Александр, с другой наседали солдаты Кратера, так что многие вынуждены были повернуть обратно за лагерные стены, но и лагерь был уже в руках македонцев. Александр, предвидя, как все произойдет, оставил

здесь Птолемея с трехтысячным отрядом пехоты, так что большинство варваров попало прямо в руки македонцев и было перебито; другие погибли, срываясь в паническом бегстве с крутых обрывов. Сам Ариобарзан с немногими всадниками бежал в горы» (Арриан, III, 18, 3–10).

«Александр опять с такой же поспешностью повел войско к реке, застал уже готовый мост и легко перешел с войском на другую сторону, Оттуда он спешно двинулся на Персеполь, так что успел прийти туда раньше, чем охрана расхитила казну¹. Также Александр сжег дворец персидских царей. Парменион советовал царю сохранить его, на что Александр ответил, что он желает наказать персов за то, что, вторгшись в Элладу, они разрушили Афины и сожгли храмы; за всякое зло, причиненное грекам, они и несут теперь ответ²» (Арриан, III, 18, 10–12).

Узнав, что Дарий находится в мидийской столице Экбатанах (совр. Хамадан), Александр направился туда. В город македонский царь вошел, не встретив сопротивления. «Здесь, в Экбатанах, Александр совершил акт большого политического значения, – отмечает И. Ш. Шифман, – отправил на родину фессалийских всадников и прочих союзников, полностью выплатив условленное жалованье и добавив сверх этого для раздачи воинам 2 тысячи талантов. Этим своим поступком Александр подчеркнул, что война, которую он вел в качестве стратега-автократора Панэллинского союза, окончена и теперь все дальнейшие походы и завоевания он будет предпринимать уже только как

¹ Сокровищница персидских царей в Персеполе, доставшаяся Александру, по оценке источника, использованного Диодором (XVII, 71, 1–2), содержала в пересчете на серебро 120 тысяч талантов (3150 т серебра).

² Существует красочный рассказ о том, что инициатором сожжения Персеполя была афинская гетера Фаида (Таис; см., напр., Диодор, XVII, 72), однако эта история весьма неправдоподобна. Гораздо более вероятно, что в печальной участи Персеполя (о его разграблении см.: Диодор, XVII, 70) немаловажную роль сыграл гнев Александра на персов, страшно изувечивших греков, толпу которых (численностью около 800 человек) царь встретил неподалеку от персидской столицы (Диодор, XVII, 69).

царь Македонии, царь Азии. Было объявлено, что греки, желающие и дальше участвовать в его предприятиях, могут частным образом пойти к нему в наемники; таких набралось довольно много». Далее преследование Дария было столь стремительным, что отборный отряд Александра, состоявший из гетайров, продромов, наемных всадников, которыми командовал Эригий, македонской пехоты (кроме солдат, оставленных для охраны денег), лучников и агриан (Арриан, III, 20, 1), за 11 дней¹ преодолел около 600 км и около 74 км за последнюю ночь, но оказалось, что Дарий, ранее арестованный заговорщиками во главе с сатрапом Бактрии и Согдианы Бессом, был ими смертельно ранен и скончался еще до подхода македонского царя (см. Арриан, III, 20–21). Александр, как повелитель Персии, устроил своему предшественнику царские похороны (Арриан, III, 22). Эти события происходили в конце июня–июле 330 г. до н. э.

¹ Во время этого преследования произошел знаменательный случай, прекрасно характеризующий как Александра-полководца и человека, так и его воинов: «...многие воины были изнурены до предела, главным образом из-за отсутствия воды. В этих местах Александр однажды встретил каких-то македонян, возивших на мулах меха с водой из реки. Увидев Александра, страдавшего от жажды — был уже полдень, — они быстро наполнили водой шлем и поднесли его царю. Александр спросил их, кому везут они воду, и македоняне ответили: «Нашим сыновьям; но если ты будешь жить, мы родим других детей, пусть даже и потеряем этих». Услышав это, Александр взял в руки шлем, но, оглянувшись и увидев, что все окружавшие его всадники обернулись и смотрят на воду, он возвратил шлем, не отхлебнув ни глотка. Похвалив тех, кто принес ему воду, он сказал: «Если я буду пить один, они падут духом». Видя самообладание и великодушие царя, всадники, хлестнув коней, воскликнули, чтобы он не колеблясь вел их дальше, ибо они не могут чувствовать усталости, не могут испытывать жажду и даже смертными считать себя не могут, пока имеют такого царя» (Плутарх, Александр, 42).

СРЕДНЕАЗИАТСКИЙ ПОХОД АЛЕКСАНДРА

Весной 329 г. до н. э., проведя зиму в стране паропамисадов и основав там город, Александр за 15–17 дней преодолел труднодоступные заснеженные перевалы и привел свое войско в равнинные земли Южной Бактрии (современный Северный Афганистан). Перед македонянами лежала покрытая снегом пустыня, лишённая по приказу Бесса всего живого, чтобы затруднить продвижение противника вглубь территории. Но Александр, несмотря на глубокий снег и нехватку самого необходимого, пусть и с трудом, шел вперед (Арриан, III, 28,8–9).

Бактрия занимала значительную часть современной территории Северного Афганистана и южных районов современных Узбекистана и Таджикистана. Плодородные равнины перемежались здесь с песчаными пустынями. В оазисах жило много людей и имелось большое поголовье лошадей. Бактрия поставляла до 30 тысяч отборных всадников в персидское войско (Курций Руф, VII, 26–31). Наряду с кочевниками, которых античная традиция именует «скифами», в долинах среднеазиатских рек имелось оседлое земледельческое население: в Хорезме (по течению Окс-Амударьи), в Бактрии и Согдиане. Социальные отношения и культура здесь были выше, чем у кочевых племен: в сложившихся классовых отношениях главную роль играла родовая аристократия. Об уровне здешней государственности свидетельствовало наличие многочисленных городов с мощными крепостными стенами.

Персидское господство в Средней Азии не было ни прочным, ни стабильным. В своей политике персидские цари опирались на местных вождей и аристократов, осуществлявших контроль над населением. Территориальное деление племен сохранялось и в персидском войске.

Описывая греко-персидские войны и приход персидского войска Ксеркса в Элладу, Геродот называет бак-

трийских и сакских¹ всадников, сражавшихся своим традиционным оружием (VII, 86). Но если при первых Ахеменидах среднеазиатские правители были довольны своим полузависимым положением, то в дальнейшем они стали тяготиться этой ролью. Пользуясь внутренними трудностями правящего дома Ахеменидов, они не раз поднимали масштабные восстания с целью отпадения от персидской державы. Так, по одной из версий, Кир погиб в борьбе с массагетами², а саки и хорасмии считались союзниками, но не подданными персов (Арриан, III, 8, 3; IV, 15, 4).

К началу восточного похода Александра Бактрия, управлявшаяся сатрапом Бессом, уже была готова отпасть от персов. Внешне она сохраняла лояльность и посылала значительные конные отряды в персидское войско. Даже после рокового сражения у Гавгамел бактрийские всадники Бесса как будто сохранили верность Дарию и вместе с ним бежали к Каспийским воротам, держа путь на Бактрию. Однако именно Бесс встал во главе заговора с целью устранения Дария. Вероятно, этот план возник еще в Экбатанах, а стремительная погоня Александра ускорила его исполнение. После убийства Дария место персидского царя занял сам Бесс, принявший тронное имя Ахеменидов – Артаксеркс.

Бесс стал призывать народ к защите свободы, говоря, что страна недоступна для чужеземцев и имеет достаточно населения, дабы отстоять независимость. Заявив, что он будет предводителем на войне, Бесс «набирал солдат, заготовил много вооружения и ревностно занялся тем, что насущно требовалось в данный момент» (Диодор, XVII, 74, 1–2). Невзирая на то что Бесс был персом и ставленником Дария, он сумел заручиться поддержкой народов Средней Азии, горячо откликнувшихся на призыв к борьбе с чужеземцами (Диодор, XVII, 74, 1). Бывший сатрап намеревался противопоставить воинам Александра прежде всего сакских и бактрийских всадников, снискавших извест-

¹ Так назывались среднеазиатские скифы.

² Массагеты – одно из племён среднеазиатских скифов.

ность своими боевыми качествами ещё во время похода Ксеркса на Элладу¹.

Геродот (VII, 61–99), перечисляя все племена, принявшие участие в походе персидского царя Ксеркса на Грецию, вкратце рассказал и о вооружении среднеазиатских народов, которое, вероятно, не претерпело значительных изменений ко времени среднеазиатского похода Александра. Бактрийцы были вооружены тростниковыми луками и короткими копьями, саки – кинжалами, а также обоюдоострыми боевыми секирами – сагариссами. Судя по источникам, существовало несколько разновидностей луков, а также стрел: бактрийских и парфянских (из тростника), каспийских и индийских (из камыша); они имели металлические (железные или, чаще, медные) наконечники. О массагетах античная традиция отзывается как о воинах искусных владевших тактикой конного и пешего боя. Их вооружение состояло из лука, меча, панциря, медной боевой секиры (Геродот, I, 215) и легкого щита. Конский боевой доспех, неизвестный грекам, включал защитный панцирь и нагрудник (Геродот, I, 215). Видимо, среднеазиатским народам была известна и праща, так как античные авторы пишут, что Александр при осаде Кирополя (Ура-Тюбе) был «тяжело поражен в голову и шею камнем» (Арриан, IV, 3, 3; Курций Руф, VII, 6, 2). На вооружении племен Восточных сатрапий были боевые колесницы (вероятно, серпоносные). Была у них и верблюжья кавалерия (Геродот, VII, 86–87).

Интересно замечание Геродота об иранском кочевом племени сагартиев, воинов-наездников, вооруженных кинжалами и ременными арканами (VII, 85). Подобного оружия совсем не знало греко-македонское войско. В источниках есть сведения о том, что сакские женщины наравне с мужчинами принимали участие в сражениях, «притворно обращаясь в бегство, стреляли

¹ В войске варваров, как пишет Геродот, наиболее отличались сакские конники (IX, 71). В битве при Гавгамелах бактрийские и сакские всадники успешно действовали против авангарда Александра и в завязавшемся конном сражении чуть не одолели греков и македонян (Арриан, III, 13, 3–4).

*Воины персидской армии
(реконструкция М. В. Горелика)*

с коней, оборотясь назад» (Климент Александрийский, Строматы, IV, 8, 62). Конницу саков Геродот считал самой лучшей (XI, 71). Такого же мнения спустя многие века придерживался и Дионисий Перизэгит, географ II в. н. э., утверждавший, что «саки – искуснейшие стрелки, не пускающие стрелы на-

удачу». Все эти боевые качества племен Средней Азии хорошо были известны персидским царям, придававшим исключительное значение сакским, бактрийским, каспийским конным подразделениям, ни в чем не уступавшим лидийской коннице (Геродот, VII, 84–87).

В рукопашном бою среднеазиатские воины пользовались акинаками – короткими кинжалами (Геродот, VII, 54; 64), и длинными мечами (до 1 м и более). Наличие такого оружия подтверждается раскопками сакских могильников на Восточном Памире и изображениями сакских воинов на рельефах Персеполя и на золотых пластинах из знаменитого амударьинского клада. Сагариссы, которые Геродот считал типично сакским вооружением, были распространены среди согдийцев (по рельефам Персеполя) и парфян. Копья были на вооружении не только у массагетов (Геродот, I, 215), но, вероятно, широко применялись и другими среднеазиатскими народами.

Для дальнего боя служили лук и стрелы. Сложный «скифский» лук обладал наилучшими боевыми качествами. Колчаны для стрел изготовлялись из кожи и бересты. Археологи неоднократно находили на городищах запасы увесистых ядер из обожженной глины и крупных гладких камней для пращи. Неотъемлемой частью доспеха среднеазиатского воина являлись щит, панцирь и бронзовый шлем. О наличии щитов и панцирей сообщают античные авторы (Арриан, III, 13, 4; Курций Руф, IV, 9, 3). Шлемы были обнаружены при раскопках среднеазиатских погребений IV в. до н. э. Конский защитный доспех, использовавшийся народами Средней Азии, не был известен ранее другим народам и, вполне возможно, был заимствован индийцами и китайцами. Среднеазиатская кавалерия делилась на легкую и тяжелую.

«Вообще, диапазон действий воина из Средней Азии был гораздо шире греко-македонского, – резюмируют Б. Г. Гафуров и Д. И. Цибукидис. – Саки и массагеты с одинаковой ловкостью сражались в конном и пешем строю, чего нельзя было сказать о греках, особенно о фалангитах, имевших одно-единственное назначение – лобовая атака сомкнутым строем на открытом ровном пространстве.

Достижением античного военного искусства считается умение различных подразделений (например, конницы и фаланги) выступать во взаимодействии. Этот прием был уже известен среднеазиатским народам, выработавшим свой вариант совместной атаки конницы и легкой пехоты: всадники-даи, по двое сидевшие на лошади, при сближении с противником действовали как конники и пехотинцы: одни из них оставались на лошадях, а другие соскакивали с них (Курций Руф, VII, 7, 32–33). Этому приему конно-пешей атаки не знали македоняне».

Античные авторы отметили существование укрепленных городов на территории Средней Азии (Бактры, Кирополь, Мараканда). Особое внимание они обратили на бактрийскую крепость Аорн и неприступные стены Бактр. «Наличие у народов Средней Азии определенных навыков в области фортификации» служит Б. Г. Гафурову и Д. И. Цибукидису основанием для предположения о существовании у них стенобитных орудий. «В целом к моменту появления греко-македонского войска в Бактрии и Согдиане, – продолжают авторы, – среднеазиатские племена обладали довольно высоким уровнем развития военного дела. К этому надо добавить тактические приемы, применявшиеся ими: конная атака лавой (характерная для народов-степняков), притворное отступление, нападение конницы, а затем рукопашный бой в пешем строю, наскоки малыми группами с последующим введением резервов, стремительное преследование противника при отступлении. Таким образом, военная техника среднеазиатских народов имела ряд специфических преимуществ по сравнению с греко-македонской, благодаря чему бактрийцы, согдийцы, “скифы” в течение двух лет оказывали упорное сопротивление чужеземной агрессии, несмотря на расплывенность сил и несогласованность действий племенных вождей, а также измену части местной аристократии».

В Бактрии войско Александра встретилось с нехваткой пшеницы, так как местные жители спрятали ее. Воинам пришлось питаться травами и речной рыбой, а когда и этого не стало, начали резать вьючных жи-

МАКЕДОНЦЫ В БОЮ

вотных (Курций Руф, VII, 4, 22–25). Но стойко перенеся все лишения, войско Александра вышло к первому бактрийскому городу – Драпсаке (Арриан, III, 29, 1), или Адрапсе (Страбон, XV, 725), местоположение которого современной науке неизвестно. Курций Руф рассказывает, что, встревоженный быстрым продвижением Александра, Бесс созвал военачальников на пир для обсуждения сложившейся ситуации. Изрядно выпив, командиры начали хвастаться своей силой и насмехаться над малочисленностью врагов. Больше всех разошелся сам Бесс, упрекнувший Дария в тупости и возложивший на него полную ответственность за поражение у Исса, где непроходимые ущелья и стремительные горные реки могли не только задержать врага, но и способствовать его гибели. Бесс уверял, что не повторит подобной ошибки и укроется за Оксом, в Согдиане, как за неприступной стеной, пока не придут сильные подкрепления хорезмийцев, саков, даев, индийцев и скифов из-за Танаиса (Сырдарьи), причем эти воины столь высокого роста, что макушки македонян едва достигают им до плеч (Курций Руф, VII, 4, 1–7). Так хвастался Бесс, и собутыльники в пьяном угаре признали предложенный им план ухода за Окс единственно правильным решением. Один только лидиец Кобар (Гобарен), человек скромный и честный, посоветовал Бессу более полагаться на рассудительность, чем на стремительность, приведя при этом известные пословицы: «Трусливая собака сильнее лает, чем кусает», «Самые глубокие реки текут бесшумно», «Для хорошей лошади достаточно тени от прута, для ленивой мало и шпор». Их иносказательный смысл был хорошо понят присутствующими, и, как только Кобар произнес, что лучше было бы отдаться во власть более сильного врага, Бесс, от природы жестокий человек, схватился за акинак. Другие удержали его от преступления, а Кобар бежал к Александру (Курций Руф, VII, 4, 12–19). Этот рассказ схематично присутствует у Диодора, отмечающего, что в тот момент у многих военачальников возникла мысль схватить Бесса, выдать македонянам и получить от Александра богатые дары (XVII, 83, 8).

За Бессом шли 7–8 тысяч южных бактрийцев. Они охотно подчинялись ему, пока думали, что Александр пойдет в Индию, а не в их земли. Но когда бактрийские всадники узнали, что македонское войско миновало заснеженные перевалы Кавказа, они покинули Бесса и разошлись по домам. Оставшись с немногими друзьями, в числе которых были согдиец Спитамен и бактриец Оксиарт, и сохранив лишь отряды согдийской конницы и даев (Арриан, III, 28, 10), Бесс бежал за Окс в Наутаку Согдианы, сжег за собой все средства переправы и стал собирать новое войско (Арриан, III, 28, 9; Курций Руф, VII, 4, 20–21).

Александр же, дав войску непродолжительный отдых в Драпсаке, повел его на крупнейшие бактрийские города – Аорн и Бактры, которые взял с ходу. В Аорне он оставил гарнизон под начальством Архелая, одного из гетайров, а над остальными бактрийцами, которые, как пишет Арриан (III, 29, 1), сдались почти без сопротивления, он поставил перса Артабаза. Так весной 330 г. до н. э. были захвачены южнобактрийские земли – важный плацдарм для вторжения в Среднюю Азию. Бесс укрылся в Наутаке, и Александр принял решение не мешкая переправиться через Окс, чтобы поскорее сразиться с войском бактрийского сатрапа.

Путь из Бактр к Оксу лежал через безводную пустыню. Войско двигалось преимущественно по ночам, когда спадал зной. На протяжении 400 стадий (около 70 км) не было воды, поэтому многие воины обессилели и пали духом. Только те, кто по совету местных жителей запасся водой, смогли поначалу легче переносить переход через пески. В страшных муках и лишениях войско Александра достигло Окса (Курций Руф, VII, 5, 1–12). Но еще более тяжкие испытания ожидали солдат, когда они добрались до реки: истомленные жаждой, они пили так много, что умирали. Число погибших превзошло потери греков и македонян в любом из выигранных сражений (Курций Руф, VII, 5, 13–15)¹. Ширина Окса там, где к нему

¹ Нужно отметить, что некоторые исследователи не без основания отрицают достоверность полного драматизма повествования Курция о трудностях, встретившихся на пути греко-

МАКЕДОНЦЫ В БОЮ

вышли греки и македоняне, достигала 6 стадий, к тому же река была глубока и обладала стремительным течением (Арриан, III, 29, 3). Быстро соорудить мост было невозможно из-за отсутствия леса. Александр принял решение организовать переправу через своенравный Окс на шкурах от палаток и бурдюках, набитых соломой (Арриан, III, 29, 4; Курций Руф, VII, 5, 17–18). Перед форсированием реки Александр отобрал старых и уже непригодных к дальнейшей службе македонян, а также оставшихся у него добровольно фессалийцев, и отправил их на родину. За пять-шесть дней войско благополучно переправилось через Окс. Бесс, скрывшийся за Оксом, не сумел выставить против македонян заслон, так как в результате заговора уже был низложен и взят под стражу.

Не успел Александр углубиться в согдийские земли, как к нему прибыли от Спитамена и бактрийца Датаферна послы с предложением передать македонскому царю содержащегося под стражей Бесса, если он выделит для этого необходимое войско (Арриан, III, 29, 6). Инициатором устранения Бесса источники называют Спитамена, который в качестве предлога для этого использовал месть за убийство Дария, подбив на заговор ближайших единомышленников бактрийского сатрапа Датаферна и Катана (из Паретакены). По свидетельству Курция (VII, 5, 21–26), восемь человек осуществили эту операцию: они связали Бесса, сорвали с него корону и разорвали одежду, снятую с убитого Дария, сказав людям, что действуют по приказу царя Александра.

Для захвата Бесса македонский царь выделил большой отряд – три гиппархии гетайров, всех конных дротикометателей, агриан, половину лучников, хилиархию щитоносцев и полк пехоты – всеми ими командовал Птолемей Лаг (Арриан, III, 29, 7). Птолемей по приказу царя устремился к ставке Бесса и, преодолев за четыре дня расстояние, которое обычно проходят за десять дней, прибыл в лагерь, где накануне останав-

македонского войска при подходе к Амударье.

ливался Спитамен. Здесь он узнал, что Спитамен и Датаферн раздумали выдавать Бесса. Бросив бактрийского сатрапа с небольшим числом воинов в каком-то укрепленном селении, главари мятежников бежали в глубь Согдианы. Птолемей окружил селение (оно имело крепостную стену) и потребовал выдачи Бесса, дав обещание не причинять вреда жителям. Население впустило воинов Птолемея, и они, забрав Бесса, вернулись в македонский лагерь. Бактрийского сатрапа выгнали голым и в ошейнике на дорогу, по которой проходило македонское войско. Потом Александр приказал бичевать Бесса и отдать его на расправу родственникам Дария, которые его четвертовали и казнили в Бактрах (Арриан, III, 30, 1–5).

После пленения Бесса Александр, реквизировав у местных жителей лошадей (взамен павших при переходе через Гиндукуш), отправился в центральные области Средней Азии. На четвертый день перехода от Наутаки он достиг Мараканды, столицы Согдианы. Город, имевший двойную крепостную стену протяженностью 70 стадий, сдался без сопротивления (Курций Руф, VII, 6, 10). В захваченном городе македонский царь поставил гарнизон.

Арриан сообщает, что на небольшой отряд македонян, посланный за фуражом, напали какие-то местные племена, убили многих воинов, а затем бежали на неприступную гору; всего там было около 30 тысяч человек. Александр во главе самых легких и подвижных отрядов осадил мятежников. Взобраться на гору было невозможно: варвары осыпали македонян градом стрел. Многие получили ранения, в том числе и царь, пораженный в бедро. И все же гора была взята. Большинство ее защитников были уничтожены на месте, так что из 30 тысяч осталось в живых не более 8 тысяч (Арриан, III, 30, 10–11). После жестокой расправы с согдийцами Александр двинулся к Танаису (Сырдарье).

Источники не приводят никаких сведений о том, как Александр добрался до Танаиса, только сообщают о прибытии посольств от европейских и азиатских скифов (Арриан, IV, 1, 1–2; Курций Руф, VII, 6, 12). Географические представления древних допускали это, так

как европейских и азиатских скифов разделял Танаис (Дон), от которого было недалеко до Меотийского озера (Азовское море), Боспора Киммерийского (Керченский пролив) и Понта Эвксинского. События, происходившие между взятием Мараканды и основанием Александрии-Эсхаты (на Сырдарье), изложены в источниках довольно путано. Арриан рассказывает (IV, 1, 3), что Александр решил основать город на Танаисе как македонский форпост и вместе с тем как защитный вал против набегов заречных варваров. Но строительство пришлось отложить, так как началось восстание согдийцев и бактрийцев. Население покоренных областей перебило македонские гарнизоны и стало укреплять свои города. Видимо, сигналом к мятежу послужил приказ Александра о прибытии всех командиров бактрийских всадников на совещание в Зариаспу, в чем местные вельможи заподозрили недоброе (Арриан, IV, 1, 5). Инициаторами выступления источники называют 7 тысяч бактрийских всадников, за которыми последовали согдийцы (Курций Руф, VII, 6, 14).

По Арриану (IV, 1, 5), первыми поднялись те, «кто захватил Бесса», то есть Спитамен и Датаферн. Курций (VII, 6, 14–15) дает иное развитие событий: Александр призвал к себе Спитамена и Катана, чтобы с их помощью прекратить восстание. Но они, будучи его инициаторами, сами подбивали народ к неповиновению, распространяя слухи, что македонский царь призвал к себе бактрийских всадников, чтобы всех перебить. А так как они не могли перенести свирепости Александра, то стали во главе восставших. И. Дройзен справедливо полагал, что мятеж вспыхнул на территории средневековой Уструшаны в районе Туркестанского хребта, где горный рельеф давал возможность мятежникам с небольшими силами оказывать сопротивление македонянам.

В то время как Александр находился в Фергане, началось восстание жителей городов Уструшаны, уничтоживших македонские гарнизоны. На подавление мятежа Александр бросил всю свою армию, рассредоточив её по различным очагам восстания. Пехотинцам было приказано изготовить лестницы для штурма городских стен. Арриан (IV, 2, 2) сообщает об одновре-

менном восстании семи городов. Самым крупным из них был Кирополь, где «варваров собралось больше всего». Туда Александр послал Кратера, приказав ему окопать город рвом, сделать насыпной вал, изготовить осадные машины и держать в цепкой осаде жителей, чтобы они не могли оказать помощь другим восставшим.

Александр двинулся к ближайшему от македонского лагеря городу, Газе, имевшему невысокие глинобитные стены. Приставив к ним заготовленные лестницы, пехотинцы пошли на приступ, а пращники, стрелки из лука и метатели дротиков повели обстрел городских стен, сбивая вражеских бойцов. Стрелы летели в неприятеля и с машин. Когда македоняне овладели городом, Александр отдал приказ все мужское население уничтожить, а женщин, детей и прочую добычу отдать солдатам (Арриан, IV, 2–4). Газу он велел разрушить, чтобы этим устрашить других (Курций Руф, VII, 6, 16). Второй восставший город был взят в тот же день таким же образом; побежденные разделили участь защитников Газы. Еще через день Александр захватил третий мятежный город.

Пока пехотинцы брали штурмом одни согдийские города, всадники блокировали другие, никого оттуда не выпускали, а бежавших беспощадно уничтожали. «Когда варварское население двух еще не взятых городов увидело дым, поднимавшийся над соседними подожженными городами, и к ним прибежало несколько очевидцев штурма, спасшихся среди общего разгрома, — тогда все как были толпой кинулись бежать из этих городов, наткнулись на стройные ряды всадников и были в большинстве своем изрублены» (Арриан, IV, 2, 6). Так за два дня Александр овладел пятью согдийскими городами. Затем он направился на подмогу к Кратеру, блокировавшему Кирополь.

Античные авторы считали, что Кирополь (Кирь) был основан персидским царем Киром, отметившим этим городом предел распространения державы на северо-восток (Страбон, XI, 517). Источники сообщают, что Александр вначале не хотел разрушать город, питая уважение к его основателю, но вынужден был это сделать из-за частых восстаний его жителей или из-за их не-

желания подчиниться (Страбон, XI, 517; Курций Руф, VII, 6, 21). Кирополь имел мощные крепостные стены, а его защитники были «самые воинственные» (Арриан, IV, 3, 1). Пока машины таранили стены, отвлекая внимание осажденных, царь налегке, с небольшим отрядом телохранителей, лучников, щитоносцев и агриан проник в город по высохшему руслу реки и разбил изнутри ворота, так что войско проникло в город. Даже видя, что враг уже в городе, защитники Кирополя атаковали воинов Александра. Завязалась жестокая схватка, в которой царь был тяжело ранен камнем, а Кратер и многие другие военачальники – стрелами. Вскоре македоняне овладели городскими стенами и оттеснили защитников (их было около 15 тысяч) к цитадели. Те продержались там сутки, а затем сдались, так как не имели воды. Арриан не пишет, как Александр расправился со сдавшимися ему согдийцами; он только указывает, что при штурме города погибло около 8 тысяч мятежников (IV, 3, 3–4). Другие авторы сообщают, что Кирополь был разграблен и стерт с лица земли (Страбон, XI, 517; Курций Руф, VII, 6, 21).

Седьмой по счету согдийский город был взят с ходу. В рассказе Птолемея его жители сдались македонянам сами, и царь приказал держать их в цепях до тех пор, пока он не уйдет из этой страны. По Аристубулу, Александр перебил всех мятежников (Арриан, IV, 3, 5).

Пока Александр усмирять восставшие поселения и города на левом берегу Танаиса, заволновались кочевые племена саков на правобережье. Видя, что восстание разрастается, скифы приготовились перейти реку и оказать помощь согдийцам. Пришло также известие о том, что Спитамен осадил македонский гарнизон в цитадели Мараканды. На помощь осажденным Александр послал стратегов Андромена, Менедема и Карана с отрядом всадников в 860 человек (60 македонян и 800 наемников) и 1500 наемных пехотинцев; с войском был отправлен ликиец Фарнух, знавший язык местных жителей и умевший с ними обращаться (Арриан, IV, 3, 6–7).

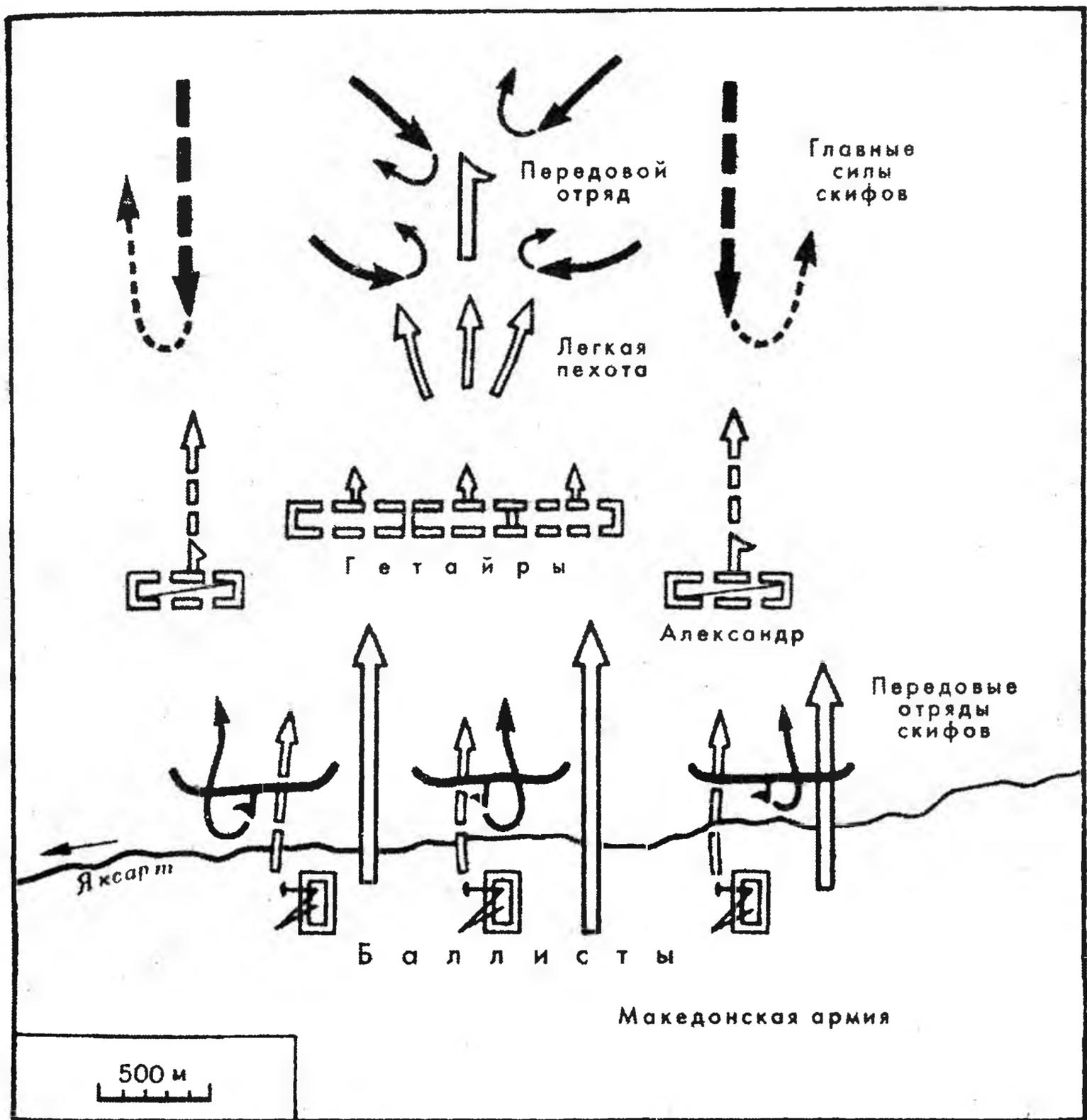
Тем временем Александр с основным войском начал постройку города на Танаисе. Арриан очень кратко

пишет о строительстве Александрии-Эсхаты («Окраинной»). Он лишь сообщает, что за 20 дней город был обнесен стеной и заселен элинскими наемниками, пожелавшими жить там¹, соседями-варварами и непригодными к службе македонскими солдатами. Основание города было отмечено гимнастическими и конными состязаниями (Арриан, IV, 4, 1). Подробности строительства Александрии-на-Танаисе приводят второстепенные источники. Город был основан на месте македонского лагеря и обнесен стеной протяженностью 60 стадий. На семнадцатый день после возведения укреплений были построены дома; воины соревновались друг с другом, кто скорее закончит работу. В новом городе царь поселил пленных, выкупленных у их хозяев (Курций Руф, VII, 6, 25–27).

Строительство македонского города на Танаисе заречные саки восприняли как угрозу своей независимости, и скифский царь повелел своему брату Картасису перейти реку, разрушить Александрию-Эсхату и отогнать греков и македонян подальше от Танаиса (Курций Руф, VII, 7, 1). Скифы сосредоточили свое войско на берегу и начали метать стрелы во врага, похваляясь тем, что македоняне не рискнули проникнуть в их владения. Александр не мог стерпеть такого пренебрежения и отдал приказ о подготовке кожаных мешков для переправы (Арриан, IV, 4, 2). Предсказатель Аристандр, ссылаясь на плохое предзнаменование, отсоветовал царю переходить реку, но скифы не оставляли македонян в покое, и в конце концов царь решился на форсирование Танаиса, чтобы не быть посмешищем для кочевников. Перед переправой войска на скифский берег македоняне выпустили из метательных машин стрелы в сакских воинов, ранив некоторых из них; одна стрела, пробив щит и панцирь, убила скифского всадника. Напуганные саки отступили от реки, и македонское войско под звуки труб начало переправляться через Танаис.

¹ Существует мнение, что Александр намеренно оставил в Александрии-Эсхате греческих наемников, то есть тех, кто «в войске обнаружил беспокойный дух» (Юстин, XII, 5, 8).

МАКЕДОНЦЫ В БОЮ

Битва на Танаисе (Яксарте)

Первыми ступили на скифский берег лучники и пращники. Они держали под огнем саков, чтобы те не имели возможности приблизиться к берегу и помешать переправе пехотинцев. Сариссофоры и тяжелые греческие всадники, число которых достигало 1200, после переправы начали атаку на скифов. Но их маневр не удался: саки, атаковав лавой, а затем использовав прием ложного отступления, окружили греко-македонскую тяжелую конницу, забросали ее стрелами и беспрепятственно скрылись. Тогда Александр ввел в бой легковооруженных лучников, агриан и пехоту. После этого в атаку пошла тяжелая конница, поддер-

жанная легковооруженными всадниками, не дававшими скифам возможности развернуться и напасть снова. Так греки и македоняне вышли из окружения и добились преимущества.

Скифы начали отступать по всем направлениям. Македоняне, разгоряченные битвой, бросились преследовать их, невзирая на палящий зной и мучительную жажду. Скифы умчались в солончаковые степи, и македоняне гнались за ними на расстояние 80–100 стадий (15–18 км). Лишь с наступлением ночи они прекратили погоню (Курций Руф, VII, 9, 13). Об ожесточенности битвы можно судить по потерям, значительным с обеих сторон. Саков пало до тысячи, в плен было взято 150 воинов, в том числе их предводитель Сатрак (Арриан, IV, 4, 8); у македонян потери составили 160 убитыми и 1 тысяча ранеными (Курций Руф, VII, 9, 16).

По сообщению Арриана (IV, 5, 1), «в скором времени к Александру явились послы от скифского царя с извинениями в том, что произошло: действовал ведь не скифский народ в целом, а шайки разбойников и грабителей; царь же готов исполнить все, что прикажет Александр». Закончив таким образом победоносно «скифскую» войну и отпустив всех пленных саков без выкупа (Курций Руф, VII, 9, 18), Александр вынужден был опять замирать Согдиану, поскольку Спитамен осадил македонский гарнизон в Мараканде.

Отряд Менедема в 2360 человек торопился поскорее достичь столицы Согдианы, где македонский гарнизон яростно отбивался от наседавших отрядов Спитамена. Но предводитель восставших согдийцев не стал дожидаться подхода македонских сил: при известии о приближении Менедема он отошел на север Согдианы (Арриан, III, 5, 2–3). «Можно допустить, что мятежники еще располагали достаточными силами для того, чтобы вступить в открытый бой с македонянами, но, скорее всего, бегство Спитамена было лишь тактическим приемом заманивания противника в глубь страны, с тем чтобы, измотав его длительными переходами, нанести решающий удар там, где его менее всего ждали» (Б. Г. Гафуров, Д. И. Цибукидис).

Македонские стратеги и поставленный Александром над ними ликийец-переводчик Фарнух приняли необдуманное решение: преследовать мятежников до границ Согдианы и, таким образом, покончить с восставшими. Увлечшись стремительной погоней, македоняне оказались на краю скифской пустыни и «вопреки здравому смыслу» напали на саков-кочевников (Арриан, IV, 5, 3).

Это было непростительной ошибкой, сыгравшей роковую роль в судьбе отряда македонян. Только что замиренные саки вновь стали врагами. Спитамен тотчас воспользовался этим промахом. Заключив союз со скифами, он привлек в свой отряд 600 сакских всадников. После этого Спитамен остановился на краю скифской пустыни, считая, что достаточно далеко завел греков и пора начинать их разгром.

Скифские всадники на свежих лошадях осыпали македонян стрелами и стремительно исчезали. Войско Менедема не знало ни минуты покоя: вражеская конница насадала и на отступавших, и на тех, кто еще удерживал позиции. А македонские всадники, измотанные долгими переходами, не могли противостоять скифам. Среди македонян было много убитых и раненых, когда стратеги приняли решение отступить к реке Политимету (Зеравшан) под защиту леса, куда не могла проникнуть вражеская конница и где от пехотинцев было бы больше пользы (Арриан, IV, 5, 5–6).

Арриан приводит две версии событий на Политимете, указывая, что растерянность командиров была причиной гибели македонского отряда. В первом варианте Каран, предводитель конницы, по собственной инициативе переправил кавалерию на другой берег, чтобы между ним и противником пролегал водный рубеж. Тогда пехота (около 1,5 тысяч воинов), беззащитная с флангов и тыла, без приказа устремилась вброд через реку, торопясь встать под защиту конницы. Этим тактическим промахом воспользовались согдийские всадники, начавшие теснить пехотинцев сзади и с фронта, засыпая солдат стрелами и сбрасывая выбравшихся на противоположный берег опять в воду. Видя противника сзади и спереди, македоняне укры-

лись на небольшом островке, где воины Спитамена и скифы часть их перестреляли из луков, а остальных взяли в плен и затем умертвили (Арриан, IV, 5, 8).

Во втором рассказе Арриана (по Аристобулу) отряд Менедема погиб в схватке с засевшими в приречных зарослях скифами, уничтожившими почти всех македонян во время сражения, где каждый из командиров действовал произвольно, не сообразуясь с общим ходом битвы. Три командира, Андромах, Каран, Менедем, и переводчик Фарнух никак не могли договориться о том, кто должен возглавить войско; все боялись ответственности перед царем, а поэтому сложили головы сами и погубили почти весь отряд. Спаслось не более 40 всадников и 300 пехотинцев (Арриан, IV, 6, 1–2).

Так погиб более чем двухтысячный отряд македонян. Столь огромных потерь в войске Александра не было за всю историю восточного похода. Вот почему Курций пишет, что это поражение Александр ловко скрыл от остальных воинов, пригрозив тем, кто уцелел после битвы, казнью за распространение сведений о случившемся (VII, 7, 39). Арриан сообщает, что гибель македонян на Политимете очень опечалила Александра и «он решил стремительно идти на Спитамена и его варваров» (IV, 6, 3). Царь, понимавший, что с гибелью большого отряда в долине Политимета его военный престиж потерпел значительный урон, решил жестоко покарать отпавших согдийцев и тем самым предостеречь другие племена от неповиновения.

Тем временем ободренный проведением удачной операции на Политимете Спитамен вновь осадил Мараканду. Македонский царь, выйдя из Александрии-Эсхаты на Танаисе и двигаясь днем и ночью, преодолел за три дня расстояние в 1500 стадий и на рассвете четвертого дня подошел к Мараканде. Этот стремительный марш-бросок Александр проделал с наиболее маневренными соединениями – половиной конницы гетайров, щитоносцами, агрианами, лучниками и самыми выносливыми пехотинцами (Арриан, IV, 6, 3). Остальное войско под командованием Кратера продвигалось медленнее и короткими переходами (Курций Руф, VII, 9, 20).

МАКЕДОНЦЫ В БОЮ

Еще до начала карательных экспедиций в Согдиане и Бактрии к Александру, по свидетельству Курция, прибыло большое пополнение из западных областей – 19 тысяч наемников (16,5 тыс. пехотинцев и 2,5 тыс. всадников) (VII, 10, 11–12). Может быть, Арриан имел в виду именно это пополнение, когда сообщал о зимовке в Зариаспе (Бактрах) в 329/28 г. до н. э. после усмирения восставшей Согдианы. Он писал, что Асандр и Неарх привели эллинских наемников, а сирийский сатрап Бесс и гиппарх Асклепиодор прибыли с побережья с на вербованными солдатами (Арриан, IV, 7, 2).

Разведка своевременно предупредила Спитамена о подходе македонского войска к Мараканде, и он бежал, видимо, за Политимет, к границам Согдианы и скифской пустыни. Александр, не найдя Спитамена в Мараканде, бросился преследовать согдийцев вплоть до самой пустыни, но дальше не пошел, помня о гибели отряда Менедема. Повернув обратно и соединившись с пехотинцами Кратера, македонский царь опустошил всю Согдиану, а варваров, скрывшихся в укрепленных местах, перебил, так как ему сообщили, что все они участвовали в нападении на македонский отряд на Политимете (Арриан, IV, 6, 4–5).

Отмечая жестокость, проявленную Александром при замирении восставшей Согдианы, Курций вместе с тем сообщает, что 30 знатных согдийских юношей, приведенных на суд македонского царя, поразили его своей отвагой и пренебрежением к смерти и что Александр, восхищенный их духовной силой, милостиво всех простил (VII, 10, 4–9).

После бегства Спитамена в земли массагетов Александр оставил в Согдиане трехтысячный отряд пехоты под командованием Певколая, а сам отправился с войском на зимние квартиры в Бактрию (Арриан, IV, 7, 1; Курций Руф, VII, 10, 10). По преданию, к Александру в Бактру, где он остался с войском на зиму, прибыло посольство от «европейских скифов» (т. е. заяксартских саков, которых в древности принимали за кочевников Причерноморья, поскольку считалось, что Танаис отделяет Европу от Азии).

Скифские послы сообщили Александру, что их царь умер и что ему наследовал его брат. Они предложили македонскому царю мир и дружбу, в знак которых поднесли ему богатые дары и которые, кроме того, хотели скрепить брачными узами знатных скифских женщин и македонских военачальников. Александр дал скифам обнадеживающий ответ, «так как ему на то время было выгодно», но отказался от браков (Арриан, IV, 15, 1–5). Курций почти в тех же выражениях повествует о посольстве скифов, но смещает его во времени, перенося к моменту после вторичного покорения согдийцев и пребывания Александра в Мараканде. В рассказе Курция (VIII, 1, 7–9) «европейские скифы» представлены как «живущие за Боспором».

Источники сообщают также о прибытии к Александру правителя Хорезма Фарасмана с 1,5 тысячами всадников. Хорезмский правитель предложил македонскому царю содействие в организации похода на колхов и амазонок, ближайших его соседей, а затем в завоевании племен, живущих у Понта Эвксинского (Черного моря). Во всем этом Фарасман обещал предоставить македонянам помощь и быть им проводником (Арриан, IV, 15, 4). Но Александр просил Фарасмана отложить поход, так как его мысли были заняты Индией. Покопив ее и овладев, таким образом, всей Азией, он возвратился бы на родину и только потом организовал бы экспедицию на Понт (Арриан, IV, 15, 6).

Весной 328 г. до н. э. стало известно, что множество согдийцев собралось по укреплениям и отказалось повиноваться поставленному над ними сатрапу (Арриан, IV, 15, 7). Находившийся в Согдиане Певколай с трехтысячным отрядом пехоты не смог справиться с поднявшимися на борьбу согдийцами и вынужден был просить помощи. Александр в спешном порядке оставил Бактры и вскоре достиг Окса, где стал лагерем. Затем, оставив в Бактрии Полисперхонта, Атгала, Горгия и Мелеагра с частью войска, чтобы «следить за страной», царь с остальными войсками перешел Окс и вторгся в Согдиану (Арриан, IV, 16, 1).

Поделив свои силы на пять отрядов (не считая отряда, находившегося под его собственным командова-

нием), во главе которых стали Гефестион, Птолемей, Пердикка, Кен и Артабаз, Александр направился к Мараканде, а его военачальники, действуя по собственному усмотрению, стали захватывать укрепления согдийцев (Арриан, IV, 16, 3).

Узнав, что Александр находится в районе Мараканды, Спитамен набрал конный отряд массагетов (600 человек) и объявился на границе Бактрии. Удачно атаковав один из македонских сторожевых постов, перебив его стражу и взяв в плен командира, Спитамен достиг Зариаспы. Правда, брать город он не решился, но ушел с большой добычей (Арриан, IV, 16, 4–5). Двое оставленных в Зариаспе из-за болезни «друзей» Александра во главе небольшого отряда наемников (80 человек) бросились преследовать массагетов. Неожиданно наткнувшись на скифов, они многих уничтожили и отняли добычу, но, когда возвращались к городу, попали в засаду и погибли (Арриан, IV, 16, 6–7).

Узнав о случившемся, Кратер, находившийся в Бактрии, во главе основных греко-македонских сил двинул войско на массагетов. Но они, не приняв боя, бежали в пустыню. Кратер гнался почти по пятам за отрядом Спитамена и настиг его только на краю пустыни. К имевшимся у Спитамена 600 массагетским всадникам присоединилась еще тысяча, и все они приняли участие в жаркой схватке с македонянами. Кратер выиграл битву, у скифов пало 150 всадников; остальные ускакали в пустыню, и македоняне не решились их преследовать (Арриан, IV, 17, 1–2).

Очередную зиму Александр провёл в Наутаке, чтобы быть поближе к театру военных действий. Перед уходом из Мараканды македонский царь вместо престарелого Артабаза сатрапом Бактрии назначил Аминту. Кен во главе македонских частей и бактрийско-согдийских формирований Аминты остался зимовать в Согдиане, чтобы «следить за страной и охранять ее» (Арриан, IV, 17, 3), а также чтобы захватить Спитамена, если он окажется в этих местах.

Спитамен же, узнав, что Александр ушел в Наутаку, занял пограничную согдийскую крепость Габы, куда вместе с ним пришли еще 3 тысячи скифских всадников. Кен

двинулся навстречу войску бывшего сатрапа. В жестокое сражении победили македоняне, уничтожившие до 800 вражеских всадников. Часть согдийцев и бактрийцев изменила Спитамену и перебежала к Кену. Тогда массагеты разграбили обозы своих бывших союзников и бежали вместе со Спитаменом в скифские владения. Причина ухода бактрийцев и согдийцев из войска мятежников объясняется тем, что «среди варваров не было единодушия» (Курций Руф, VIII, 1, 2). Какая-то часть варварских соединений перешла на сторону македонян, так как, судя по источникам, в войске Александра в это время появляются конные подразделения согдийцев и бактрийцев (Арриан, IV, 17, 3).

Вполне логично предположение, что некоторые представители местной знати решили прекратить сопротивление и примириться с Александром. В этом свете и следует, очевидно, рассматривать загадочное убийство Спитамена массагетами и посылку его головы македонскому царю, чтобы отвлечь его от вторжения в скифские владения (Арриан, IV, 17, 7)¹.

После гибели Спитамена в скифских землях Кен отправился в Наутаку, где в это время находился царь с остальным войском, пережидая зимние холода. Туда же прибыли Кратер из Бактрии, Фратаферн из Парфии, Стасанор из Арии. Фратаферн получил новое задание – пойти к мардам и тапурам и привести их сатрапа Автофрадата, который, несмотря на неоднократные вызовы царя, до сих пор не явился в его ставку. Сатрапа Арии Стасанора Александр направил в Дрангиану, а к индийцам послал Атропата, так как прежний сатрап Оксидат замышлял недоброе. Несколько офицеров царь послал в Македонию для вербовки новых наемников. По мнению Б. Г. Гафурова, «постоянные перемещения оставленных в покоренных областях сатрапов и гиппархов свидетельствуют о том, что Александр многим не доверял и вместе с тем не надеялся на прочность завоеванного».

¹ В рассказе Курция Руфа (VIII, 3, 2–11) жена Спитамена сама убила его, а голову принесла Александру, так как ей надоела полная опасностей и лишений походная жизнь.

С наступлением весны 327 г. до н. э. Александр продолжил подавление очагов сопротивления на территории Средней Азии, на сей раз сконцентрированных в южных горных, труднодоступных районах. Первой на пути греков и македонян встала «Согдийская скала» – горная крепость, от неприступности которой зависела дальнейшая судьба готовых вновь восстать согдийцев. О взятии этой крепости рассказывают и Арриан и Курций («Скала Аримаза»). В общих чертах их версии схожи, но расходятся в описании деталей и конца этой операции.

По рассказу Арриана, Александр с войском подошел к «Согдийской скале» весной, но в горах еще лежал снег, что затрудняло ведение военных действий для греков и македонян, а варварам давало возможность иметь в необходимом количестве воду. После того как мятежники отвергли предложение Александра о добровольной сдаче, посоветовав ему найти «крылатых воинов», способных одолеть горную твердыню (Арриан, IV, 18, 4–7), царь решил брать крепость штурмом.

Он отобрал 300 самых лучших воинов, опытных в скалолазании, и предложил устроить соревнование – кто первый одолеет скалу. Победителю он обещал 12 талантов, последнему – 300 дариков. Воины-скалолазы, запасшись железными костылями от палаток и льняными веревками, дождались ночи и в самом недоступном месте, не охраняемом «варварами», начали восхождение. Взбираться было очень трудно, люди вязли в глубоком снегу, срывались с отвесных склонов. 30 воинов упали в пропасть, их трупов так и не нашли. Остальные смельчаки на рассвете добрались до вершины (оказавшись выше мятежных согдийцев) и начали размахивать платками, чтобы их заметили в македонском лагере. И тогда Александр велел глашатаю прокричать, что среди македонян нашлись «крылатые люди», занявшие вершину горы.

Согдийцы, не ожидавшие такого оборота дела, не поняли, что это была лишь горстка храбрецов, и сдались. В плен было взято много женщин и детей, в том числе семья бактрийского вельможи Оксиарта, руководившего защитой «скалы». Александр, увидев дочь Оксиарта,

красавицу Роксану, влюбился в нее с первого взгляда и пожелал назвать своей женой. Оксиарт, как гласит предание, услышав, что македонский царь увлечен его дочерью, явился к нему сам и был принят с подобающим почетом (Арриан, IV, 19, 4–6; 20,4).

Рассказ Курция о взятии «Скалы Аримаза» строится на идентичном материале. Но сам эпизод овладения «скалой» у римского историка представлен с большими подробностями и более драматичен. Согдиец Аримаз (а не бактриец Оксиарт, как у Арриана) укрылся с 30 тысячами воинов в пещере на неприступной скале, сделав запас провианта на целых два года. Подняться на скалу, имевшую в высоту 30 стадиев, а в окружности у основания – 150, можно было только по очень узкой тропе, охраняемой согдийцами. Оценив естественную недоступность крепости, Александр попытался вести переговоры с Аримазом через Кофа, сына Артабаза, который убеждал мятежников сдаться. Но Аримаз, не испытывавший недостатка ни в чем, дерзко ответил македонскому царю, что он сможет овладеть крепостью, если найдет «крылатых людей», способных подняться на горные кручи. Царь отобрал 300 самых ловких, выносливых воинов (привыкших дома гонять стада по горным тропам и непроходимым скалам) и отдал им приказ взобраться на скалу в том месте, где согдийцы этого не ожидали. Первому, кто поднимется на вершину скалы, была обещана награда в 10 талантов, а еще девяти – по 9 талантов каждому. Вооружившись копьями и мечами, взяв продовольствия на два дня, а также захватив крепкие веревки и железные клинья, 300 смельчаков около второй ночной стражи приступили к восхождению. Подъем был настолько тяжел, что 32 человека сорвались в пропасть. Остальные же достигли вершины и, пренебрегая опасностью, заснули крепким сном. Проснувшись на рассвете, они поняли, что взобрались выше согдийцев. Царь очень волновался за своих воинов и не сомкнул глаз до тех пор, пока ночной мрак не окутал горы. Но едва стало светать, как Александр вновь стал наблюдать за вершиной скалы. Наконец он увидел храбрецов, размахивавших укрепленными на копьях полотнищами. Тогда

Александр еще раз послал Кофа на переговоры с Аримазом, и снова согдиец отказался сдаться. А когда сын Артабаза вывел его из пещеры и показал на «крылатых» македонских воинов, сидящих на вершине, он в испуге послал к Александру с Кофом 30 вождей для ведения переговоров о сдаче. Но теперь македонский царь потребовал капитуляции, и Аримаз согласился, хотя его положение и не было безнадежным. Всех мятежных вождей согдийцев Александр приказал бичевать и распять на крестах у подножия скалы, а пленников с имуществом раздал в дар населению новых городов.

Артабаз остался охранять захваченную крепость и окрестную область (Курций Руф, VII, 11, 1–29). Овладев «Согдийской скалой» (или «Скалой Аримаза»), Александр с войском направился в Паретакену для взятия другой мятежной крепости – «Скалы Хориена».

«Скала Хориена», как донесли царю, была еще более неприступной. Она была окружена глубокой пропастью, которую войско не могло перейти. В крепости собралось множество «варваров» во главе с Хориеном и другими вельможами.

Область паретакенов (паретаков) помещалась по соседству с персами и сусиями (Страбон, XI, 524). Эти горцы, жившие в суровой стране, занимались земледелием, но не отказывались и от разбоя, надеясь на неприступность своих горных крепостей (Страбон, XV, 732; XVI, 744)¹.

Глубокая пропасть не давала возможности подвести к «скале» войско, поэтому Александр отдал приказ рубить растущие на склонах гор могучие ели и делать из них лестницы, с тем чтобы спуститься по ним на дно пропасти. Работа не прекращалась ни днем ни ночью; солдаты и командиры по очереди работали

¹ Исходя из этих сообщений, историки делали разные предположения относительно локализации Паретакены и «Скалы Хориена». Указание Страбона о горцах-разбойниках давало основание многим исследователям помещать паретаков на юге современного Таджикистана, в отрогах Гиссарского хребта. По мнению Б. Г. Гафурова, древняя Паретакена занимала всю территорию правобережной Бактрии.

круглые сутки, сооружая на вбитых в отвесную стену костылях сплетенные из ивовых ветвей настилы, по которым войско могло бы подойти к «скале» (Арриан, IV, 21, 1–5).

Поначалу, как пишет Арриан, варвары отнеслись пренебрежительно к этим работам, но, когда вражеские стрелы стали достигать их укрытия, они испугались и пошли на переговоры с македонянами. Хориен через глашатая попросил царя прислать к нему Оксиарта. Тот долго убеждал защитников крепости сдаться на милость такого справедливого царя, как Александр. Хориен послушался совета бактрийского вельможи и сам пришел к царю в сопровождении нескольких родственников и друзей.

Македонский царь принял всех ласково, а Хориена оставил управлять этой крепостью и прилегающей областью. Измученная зимней непогодой и обильными снегами армия Александра терпела недостаток в съестных припасах, и тут на выручку грекам и македонянам пришел Хориен, доставивший из крепости провиант для всего войска на два месяца; при этом он сказал, что израсходовано не более десятой части сделанных на «скале» запасов. После этого, сообщает Арриан, Александр еще больше стал уважать Хориена (IV, 21, 10).

Рассказ Арриана о взятии «Скалы Хориена» очень напоминает эпизод с захватом «Скалы Сисимитра» в области Наутаке, описанный Курцием (VIII, 2, 19–20). Финал у Курция полностью совпадает с арриановским: Сисимитр при посредничестве Оксиарта сдался Александру, получил его прощение и остался на посту сатрапа. Расхождение имеется только в деталях: у Арриана македоняне строят из ветвей настил, а у Курция – засыпают бурную реку на подступах к крепости. В рассказе греческого историка Хориен сразу же поддался на уговоры Оксиарта и принял сторону Александра, в изложении Курция Сисимитр еще некоторое время колебался, пристыженный своей матерью и готовый к дальнейшему сопротивлению. Но, сравнив свои силы и силы врага, он принял решение о сдаче.

Желание Александра примириться со среднеазиатской знатью нашло отклик у ее представителей (Окси-

арт, Аримаз, Хориен, Сисимитр), готовых прекратить борьбу и сотрудничать с новой властью. Судя по источникам, Оксиарт, Хориен и другие представители местной аристократии стали лучшими друзьями македонского царя и проводниками его власти во вверенных им провинциях.

Итак, античные историографы называют четыре горные крепости – «скалы» (Согдийская, Аримаза, Хориена и Сисимитра), взятые македонским царем в Согдиане и Бактрии. При этом каждый из древних авторов говорит только о захвате двух горных крепостей: Арриан – о «Согдийской скале» и «Скале Хориена», Курций – о «Скале Аримаза» и укреплении Сисимитра, Страбон – о «Скале Сисимитра» и «Скале Окса» («Скале Аримаза»). Явные совпадения рассказов Арриана и Курция позволяют считать, что Александр в Согдиане и Бактрии овладел двумя укрепленными местами, фигурирующими у античных авторов под различными названиями. Подобное мнение признано современной историографией; высказывается также предположение, что упоминаемая римским историком область Габаза (находящаяся неподалеку от «Скалы Сисимитра», где македонян застал снежный буран, погубивший 2 тысячи солдат) находилась в Паретакене. Не поддается локализации предпринятый Александром поход на саков, в результате которого он опустошил всю их страну, а из добычи дал Сисимитру 30 тысяч голов скота (Курций Руф, VIII, 4, 20).

Основные очаги повстанческого движения в Согдиане и Бактрии прекратили сопротивление, и Александр во главе главных сил ушел в Бактры. Кратер с 600 всадниками и пехотинцами, отрядами Полисперхонта, Аттала, Алкетты остался в Паретакене, где мятежники во главе с Австаном и Катаном не прекратили борьбу. Сражение бактрийцев с отрядами Кратера закончилось победой македонян. Катан погиб на поле боя, Австан попал в плен, 120 бактрийцев-всадников сложили головы в этой битве, 1500 пехотинцев стали пленниками македонян (Арриан, IV, 22, 1–2; Курций Руф, VIII, 5, 2). Стремительный рейд Полисперхонта в страну Бубацену (скорее всего область западного Припамирья) закончился ее покорением.

С подавлением последнего очага сопротивления в Паретакене закончилось покорение земель Средней Азии.

Когда наступило лето 328 г. до н. э., македонская армия, вынужденная вторично замирать восставших согдийцев, находилась на постое в столице Согдианы Мараканде. В это время на пиру гетайров Александр убил своего лучшего друга Клита, брата его кормилицы македонянки Ланики. Клит был одним из самых преданных царю друзей его юности (возможно, даже учившийся вместе с ним в Миезе), отчаянно храбрым воином, спасшим жизнь Александру в битве при Гранике (Арриан, I, 15, 8). Он занимал пост командира царской илы, а после казни Филоты совместно с Гефестионом принял командование всей македонской кавалерией гетайров (Арриан, III, 27, 4). Убийство Клита порицается античными историками как поступок, противоречащий характеру Александра, действовавшего по воле разгневанного бога Диониса. Канва событий, связанных с убийством Клита, у всех античных авторов идентична: заносчивый и невоздержанный на язык командир конницы так умалил славу царя, что Александр, не владея собой и под влиянием опьянения, заколол его сариссой, выхваченной у одного из телохранителей.

Убийство Клита произошло следующим образом. Наступил праздник бога Диониса (почитаемого всем греческим миром), и Александр в честь этого устроил пир. Но на сей раз он принес жертву не Дионису (как было заведено у македонян), а Диоскурам. В этом поступке царя Арриан видит отход от традиционных верований в сторону принятия чуждых обычаев, так как царь «пировал по-новому, по-варварски» (IV, 8, 2). Льстецы из царского окружения стали наперебой восхвалять подвиги Александра, превознося его деяния выше Геракловых. И тогда разгоряченный вином Клит, «явно и уже давно» огорченный возмущавшей склонностью Александра к «варварским» обычаям и расточаемой ему лестию (Арриан, IV, 8, 4), сказал то, чего никогда от него не слышал царь. Он заявил, что он не позволит кощунствовать над делами древних героев и таким недостойным образом возвеличивать славу

Александра, не совершившего ничего великого, но присвоившего себе то, что сделали македоняне. Царь обиделся на эти слова. Мирный вначале спор перешел в перебранку сторонников царя и разгневанного Клитта, который тем резче выступал против дел Александра, чем больше превозносили его льстецы. Когда же «некоторые» (те, кто всячески восхвалял царя) стали ругать Филиппа, называя его дела совершенно ничтожными по сравнению с деяниями его сына, Клит в крайнем раздражении оскорбил царя, припомнив, что спас его от верной гибели при Гранике.

Царь в гневе вскочил, но его удержали товарищи по пиру, а Клит все не унимался. Александр призвал на помощь щитносцев, но никто не явился. Тогда он выхватил копье у одного из телохранителей и пронзил им Клитта. По «словам других», пишет Арриан. Клит был убит сариссой (Арриан, IV, 8, 8). Царь сразу раскаялся в содеянном. По одной версии, Александр хотел заколоть себя этой же сариссой, по другой – он удалился в свои покои и бурно переживал гибель Клитта, называя себя «убийцей друзей».

Плутарх подходит к оценке событий с морально-этической меркой. Александра он оправдывает, обвинив во всем Клитта, гневом и опьянением которого воспользовался злой демон (Александр, 50). За Клитом, прибывшим на зов царя, вбежали три овцы, предназначенные для заклания; это был плохой признак, так же как и увиденный накануне царем сон, в котором его друг сидел в окружении одетых в черное погибших сыновей Пармениона.

Клит вошел в пиршественный зал, когда Александр уже принес жертву Диоскурам и молодежь запела сатирическую песенку о полководцах, потерпевших поражение от «варваров». Отношение к певцам было двойное – гости постарше стали бранить поющих и сочинителя. Александр с «друзьями» поощрял глумление. Клит, «уже пьяный, дерзкий и чванливый по характеру», сказал при всех то, что думал о царе: нехорошо перед варварами и врагами оскорблять македонян, которые и в несчастье выше своих победителей; македоняне своей кровью и ранами подняли Александра так

высоко, что он забыл своего отца Филиппа и выдает себя за сына бога Аммона (Плутарх, Александр, 50). Это была неслыханная дерзость.

Александр вспыхнул: «Негодник! Ты думаешь, мне приятно, что ты постоянно говоришь об этом и мутишь македонцев?» – пишет Плутарх о начале ссоры царя с Клитом (Александр, 51)¹. Александр не мог вынести этих обвинений и, бросив в Клита яблоко, стал искать меч. Присутствующие, окружив его, умоляли одуматься. Александр в бешенстве велел трубачу играть тревогу, но тот медлил, а Клита в это время друзья увели с пира. Казалось, инцидент был исчерпан. Но Клит возвратился через другие двери и с презрением произнес стих из «Андромахи» Эврипида:

«...Как ложен суд толпы!»

Тогда Александр, выхватив у ближайшего стражника копьё, пронзил им друга, и тот со стоном рухнул на землю. Все безмолвно застыли при виде преступления. Царь хотел этим же копьём пронзить себе горло, но телохранители его удержали и отвели в спальню (Плутарх, Александр, 51).

Ярче всего конфликт царя и Клита, молчаливо поддерживаемого старыми македонянами, проступает в повествовании Курция Руфа. Курций намекает на несовпадение интересов Александра и группы молодежи, поддерживающей царя, с настроениями старых воинов-ветеранов и Клита, которым тяжело слышать лесть и чрезмерную хвалу в адрес царя и принижение дел Филиппа и македонян, принесших своими победами славу Александру.

¹ «Эта реплика царя очень существенна, ибо за ней угадывается не протест одиночки (к чему свел весь конфликт Плутарх), а широкое недовольство политикой царя, выразителем которого стал Клит, не побоявшийся сказать открыто то, о чем другие молчали. Что же больше всего огорчало македонян? Сближение с персами и отдаление соотечественников, которым запрещалось свободно высказываться, но разрешалось жить рядом с «варварами» и рабами и падать ниц перед царем в мидийском одеянии. Пожалуй, это место у Плутарха – самое важное, потому что вопреки собственному желанию он показал пропасть, разверзшуюся между царем-деспотом и «свободными» македонянами», – комментируют повествование Плутарха Б. Г. Гафуров и Д. И. Цибукидис.

Македонский царь у римского историка сам превозносит свое величие, а Клит добивается обратного – признания заслуг Филиппа, македонян и даже Пармениона с Филотой (Курций Руф, VIII, 1, 31–33). Клит защищает не себя, а престиж старых македонян, оплативших кровью все победы Александра, награду за которые получили не они, а хулители славы Филиппа. Даже свое назначение на пост сатрапа Согдианы Клит расценил как желание царя отделаться от преданных македонским порядкам друзей (Курций Руф, VIII, 1, 35). Царь бурно переживал смерть друга, испытывая угрызения совести и чувствуя отчужденность окружающих. Но, вспомнив, что не принес жертву богу Дионису и этим разгневал его, Александр все случившееся приписал гневу божества. После этого раскаявшийся в преступлении царь (совершивший его не по злему умыслу) был оправдан македонянами, постановившими, что Клит убит законно (Курций Руф, VIII, 2, 12).

Вскоре в Бактрии был раскрыт заговор знатной македонской молодежи – «пажей», несших службу в личной охране царя. Непосредственным вдохновителем и инициатором заговора источники называют философа-перипатетика Каллисфена из Олинфа, историографа похода и племянника Аристотеля. Каллисфен, как и старые македоняне «гвардии Филиппа», не одобрял восточных нововведений царя, считая их ненужной и пустой затеей, поскольку он не мог даже представить себе возможность сближения «рабов»-варваров с образованными и свободными эллинами¹.

Еще со времен Филиппа было заведено, что сыновья знатных македонян шли в услужение к царю, исполняя обязанности телохранителей и прислужников при его особе. В числе этих юношей находился и Гермолай, сын Сополида (Арриан, IV, 13, 2).

Однажды на охоте кабан кинулся на царя, и телохранитель Гермолай метнул в зверя копье раньше, чем это сделал царь. Александр рассердился на Гермолая и

¹ Этот взгляд на восточные народы как на неполноценные был в целом характерен для античных историков.

приказал его высечь. С этого момента оскорбленный юноша начал сколачивать группу недовольных с намерением убить царя (Арриан, IV, 13, 3–4). Заговорщиков набралось человек восемь-десять. Они решили устранить царя ночью во время сна. Подготовка велась больше месяца, но по стечению обстоятельств намерение «пажей» не осуществилось: царь пропьянствовал всю ночь и ночной караул, который должен был совершить убийство, утром был сменен. Один из молодых людей рассказал о неудавшейся попытке покушения своему другу, и слух быстро достиг Птолемея Лага, обо всем доложившего Александру. Молодые люди были схвачены, уличены во всем и казнены. Вскоре был арестован и умер в заточении Каллисфен. Своеобразной мстью за его смерть явилась враждебная Александру традиция, рисующая македонского царя как жестокого тирана, которая была создана представителями философской школы перипатетиков.

ИНДИЙСКИЙ ПОХОД АЛЕКСАНДРА

Завершив завоевание Бактрии и Согдианы, Александр отправился в Индию. В речи перед войском царь сказал: «Скоро мы пойдем к восходу солнца и океана¹, а оттуда, завоевав край света, мы вернемся на родину победителями» (Курций Руф, IX, 2, 26). Индией, по мнению греческих ученых, заканчивалась Азия и, следовательно, обладание этой страной давало право на владычество над миром. Современные историки спорят, когда у Александра могла возникнуть идея мирового господства: еще в юношеские годы, в начале похода или в Индии. Скорее всего, эта мечта зародилась у Александра еще в Македонии, так как с самого детства будущего царя вдохновляли деяния его мифического предка – Геракла, а также совершившего мифический поход в Индию бога Диониса, с которым Александр всегда ощущал тесную мистическую связь.

¹ По представлениям современников Александра, Земля со всех сторон была окружена Океаном.

Отважившись на продолжение похода в Индию, Александр шел в неизвестность, так как греческие представления об этой стране были весьма фантастичны (правда, в какой-то мере реальную информацию о северо-западной Индии Александр мог получить от царя одного из индийских племен Таксила, который во время пребывания македонского царя в Согдиане советовал ему предпринять поход против непокорных племен Индии, обещая при этом свою помощь: Диодор, XVII, 86, 4; ср. Арриан, IV, 22, 6).

Отправляясь в индийский поход, царь оставил в Бактрии Аминту с 10-тысячным отрядом пехоты и 3500 всадниками (Арриан, IV, 22, 3), а в Согдиане – Певколая с 3 тысячами пехотинцев (Курций Руф, VII, 10, 10). По свидетельству Курция, перед походом в Индию к Александру прибыло пополнение, состоявшее из наемников: «Птолемей и Менид привели 30 тысяч пехотинцев и 1 тысячу всадников. Из Ликии пришел также Александр с таким же числом пехотинцев и 1 тысяча всадников. Столько же пришло из Сирии с Асклепиодором; Антипатр прислал 8 тыс. греков, среди них 500 всадников» (VII, 10, 11–12). Арриан сообщает, что греко-македонское войско пополнилось, кроме того, всадниками из Арахозии, Паропамиса, Бактрии, Согдианы, Скифии и страны саков (V, 11, 3; 12, 2), а во флоте на Гидаспе появились кипрские, финикийские и египетские мореходы (Индия, 18).

Все древние авторы указывают, что Александр повел в Индию 120-тысячное войско (Арриан, Индия, 19; Курций Руф, VIII, 5, 4; Плутарх, Александр, 66). Но, несмотря на совпадение свидетельств античных писателей, некоторые современные исследователи высказывают обоснованное сомнение по поводу численности войска Александра, отправившегося в индийский поход. Характерно, что в «Анабасисе» Арриан ничего не пишет о численности греко-македонской армии. И только в более позднем труде, «Индия», основанном на свидетельствах Мегасфена, он мимоходом говорит о 120-тысячном войске македонского царя в Индии, не ручаясь за полную достоверность приводимых данных. Видимо, войско Александра перед индийским по-

ходом не было столь многочисленным, если царь отправил нескольких командиров в Македонию для вербовки наемников, которые прибыли уже к Акесину, когда армия завоевателя возвращалась из Индии.

Не отрицая качественных изменений состава войска Александра, ряд исследователей делают вывод о преднамеренном желании царя пополнить армию «варварскими» народами якобы для эллинизации их и приучения к греко-македонским обычаям. Здесь опять присутствует преднамеренное подчеркивание культурных задач при завоевании Востока, что далеко не соответствовало действительности. По мере продвижения в Азию таяли регулярные греко-македонские силы, заменяемые греческими и восточными наемниками. Ясно, что, невзирая на личные настроения Александра, он вынужден был включать в свое войско варварские соединения, которые к началу индийского похода составляли основу его армии.

Исходя из сведений, содержащихся в трудах античных авторов, можно сделать суммарный подсчет пополнений, прибывших к Александру в разное время на Восток.

О подходе первого пополнения в Гордий пишут Арриан (I, 29, 4) и Курций (III, 1, 24). Затем Арриан сообщает о прибытии наемников в Финикию (II, 20, 5). Позже в Мемфис прибыло около 1 тысячи наемников (Арриан, III, 5, 1). Курций (V, 1, 40) и Диодор (XVII, 65, 1) пишут о подкреплениях, которые по заданию царя привел в Вавилон Аминта. Арриан указывает на новое пополнение в Сузах (III, 16, 10–11), а Курций – в Лидии (V, 7, 12). В Среднюю Азию из западных областей пришли 19 тысяч наемников (Курций Руф, VII, 10, 11–12). Последнее пополнение, по Диодору – в 33 тысячи союзников и наемников, прибыло на обратном пути из Индии (XVII, 95, 4), но, видимо, речь идет только о наемных контингентах.

Общее число прибывшего на Восток к Александру войска равнялось примерно 80 тысячам воинов; при этом македонян было около 10 тысяч, а основную массу составляли наемники и варвары (наемников – 44 тысячи, варваров – 28 тысяч). Изменение состава войска

Александра на Востоке было вызвано не его желанием эллинизировать варваров, а необходимостью оставлять значительные гарнизоны в городах и поэтому привлекать в армию местные контингенты. Это было связано также с тем, что начиная с 331 г. до н. э. не поступало регулярного войска из Македонии: все прибывавшие отряды состояли из наемников. В Индию отправилось качественно иное войско по составу и тактике. Преобладание в армии Александра эллинских наемников и «варваров» привело к большему использованию греческого оружия и местных форм ведения войны: атаки лавой, рассыпного строя, атаки с одновременным использованием различных родов войск.

Перед походом в Индию Александр создал легковооруженные отряды кавалерии (гиппоконтистов и гиппотоксотов), вероятно набранные из числа варваров (Арриан, III, 24, 1). Арриан сообщает и о включении местных конников в отряды гетайров, а некоторых (самых родовитых) даже в царскую гвардию – агему (VII, 6, 3).

После гибели Филоты Александр реорганизовал тяжелую конницу гетайров, поручив командование ею Гефестиону и Клиту (Арриан, V, 12, 2; VI, 6, 4), наряду с которыми выдвинулись новые гиппархи: Пердикка, Деметрий, Кратер, Леоннат (Арриан, VII, 12, 4). Агему возглавил Кен (Арриан, V, 16, 3).

В конце весны 327 г. до н. э. войско Александра из Бактрии двинулось в Индию через Паропамис и Александрию Кавказскую, где снова были оставлены непригодные к военной службе солдаты (Арриан, IV, 22, 3–5). Первое (безымянное) племя было покорено на подходе к городу Нисе (Курций Руф, VIII, 10, 7), где глашатаю был отдан приказ известить Таксила и прочих дружественных вождей индийских племен о том, чтобы греки и македоняне были подобающим образом встречены (Арриан IV, 22, 6). Нисейцы якобы были племенем не индийского происхождения, а скорее эллинского, пришедшего в Индию вместе с богом Дионисом из Малой Азии (Арриан, Индия, I, 4).

В V книге «Анабасиса» Арриан передает содержание легенды о походе либо фиванского, либо ликийского Диониса в Индию. Там, между реками Кофеном и Ин-

дом, он основал город Нису. Посол нисейцев Акуфис был назначен гиппархом Нисы за почтение к Александру и готовность послать в его войско 300 всадников (Арриан, V, 2, 3–4). Далее Арриан, так же как и Курций Руф, приводит сцену празднества в честь бога Диониса, организованного солдатами; они увенчали себя священным плющом, не виденным ими с того дня, когда они покинули родину (Арриан, V, 2, 5–7; Курций Руф, VIII, 10, 15–18).

Отдохнув после перехода через Паропамис в благодатной Нисе десять дней (Курций Руф, VIII, 10, 17), Александр приступил к планомерному завоеванию Индии. Он разделил войско на две части: одну возглавили Гефестион и Пердикка; под их началом находились полки Горгия, Клита и Мелеагра, половина конницы «друзей» и вся наемная конница; они должны были пройти через землю певкелаотов к Инду, захватить области аспасиев и ассакинов и навести переправу (Арриан, IV, 22, 7); вторую часть возглавил сам Александр.

Войско двинулось вниз по течению Кофена к Инду; Пердикка и Гефестион повели свои части правым берегом, а Александр с остальными силами избрал северный берег (Страбон, XV, 697). Выбор пути диктовался не столько характером местности (северный, гористый берег Кофена плодороден и обитаем, а южный – дик и пустынен), сколько соображениями военно-стратегического характера: не дать возможности племенам объединиться для совместной борьбы.

Гефестион и Пердикка довольно быстро справились со своей задачей: без особых препятствий прошли правым берегом Кофена до впадения его в Инд и только у Певкелаотиды (Пушкалавати) встретили сопротивление местного вождя Астиса, «который погиб сам и погубил город, в который бежал» (Арриан, IV, 22, 8). Город был хорошо укреплен, так что Гефестион смог овладеть им только после месячной осады. После гибели Астиса управлять городом стал Сангай, ранее переметнувшийся на сторону Таксила, чем снискал доверие македонян (Арриан, IV, 22, 8).

Продвижение колонн, следовавших с Александром, затруднялось горным рельефом местности, но еще бо-

лее – сопротивлением племен аспасиев и ассакиенов, «бежавших в окрестные горы и свои города, откуда с успехом можно было отражать врага» (Арриан, IV, 23, 2).

Верный тактике внезапного нападения, Александр во главе всей конницы и 800 македонских пехотинцев, посаженных на коней, стремительно атаковал варваров у первого на его пути города, загнал их внутрь, но сам был ранен в плечо (Арриан, IV, 23, 3). Город был окружен двойной стеной. Греко-македонское войско расположилось лагерем и только на следующий день перед рассветом начало штурм первой стены. Солдаты Александра одолели ее без труда, затем овладели второй стеной, после чего аспасии через городские ворота бросились бежать в горы. Царь отдал приказ никого не щадить, и многие индийцы погибли во время бегства. Город был срыт до основания (Арриан, IV, 23, 4–5). Расправа македонян с жителями столицы аспасиев возымела свое действие: вскоре без боя сдалась Андака. Там был оставлен Кратер во главе тяжелой пехоты для подчинения соседних городов или их уничтожения в случае сопротивления. После окончания этой операции Кратер должен был идти на подмогу царю к Аригею (Арриан, IV, 23, 5).

В это время Александр со своей группой войск двинулся на северо-восток, к реке Эваспле, где укрылся аспасийский правитель. Преодолев значительное расстояние, греки и македоняне на следующий день подошли к городу, покинутому и подожженному жителями, бежавшими в горы. Царь отдал приказ уничтожать беглецов, и множество индийцев погибло при преследовании (Арриан, IV, 24, 2). На одном из холмов Птолемей Лаг увидел предводителя аспасиев, и, хотя воинов у него было меньше, чем у противника, он смело бросился на индийца и нанес ему смертельную рану. Птолемей, раненный копьем в грудь, продолжал наседавать на варваров, которых подоспевший на подмогу Александр с трудом отогнал в ближайшие горы (Арриан, IV, 24, 3–5).

Город Аригей, занимавший важное стратегическое положение, также был сожжен и покинут жителями. Царь приказал Кратеру вновь отстроить город, обнести его стеной и поселить в нем окрестных жителей и

непригодных к службе солдат-ветеранов. Затем Александр поспешил с войском в горы, где, по полученным им сведениям, собралось много индийцев. Посланный за фуражом и одновременно для разведки, Птолемей доложил царю, что видел множество вражеских костров, гораздо больше, чем в лагере Александра (Арриан, IV, 24, 6–8). Несмотря на это, царь принял решение атаковать индийцев, так как дальнейшее промедление могло быть на руку только аспасиям, хорошо подготовившимся к обороне. Царь поделил свое войско на три части: одну он возглавил сам, а командование над остальными двумя передал Леоннату и Птолемею.

Отнесшись с пренебрежением к немногочисленному войску македонян, индийцы спустились с гор в долину и вступили в бой с противником. Александр легко одержал победу, точно так же как Птолемей и Леоннат, сражавшиеся с индийцами на холмах. Так закончилась военная экспедиция в горы против аспасиев. В плен было взято более 40 тысяч человек. Кроме того, в руки македонян попало 230 тысяч голов рогатого скота – основное богатство индийских горцев (Арриан, IV, 25, 1–4). Александр демонстрировал силу своего оружия одновременно во многих местах; жители были разгромлены там, где не ожидали встретить врага, и после такого поражения покорились.

Покорив аспасиев, Александр устремился на борьбу с ассакаенами, которые, по сведениям лазутчиков, собрали 30 тысяч пехоты, 2 тысячи всадников и 30 слонов (Арриан, IV, 25, 5). Македонский царь с наиболее подвижной частью войска предпринял марш-бросок через земли гуреев, перешел бурную реку Гурей и вторгся во владения ассакаенов, которые при известии о его приближении разошлись по своим городам, чтобы защищать их.

Сначала Александр направился к самому крупному городу, Массаге. Индийцы не проявили никакого страха даже тогда, когда македоняне разбили лагерь вблизи их города. Кроме собственных значительных сил защитники Массаги очень рассчитывали на помощь наемников-соплеменников из дальних мест, а потому стремились навязать противнику сражение вблизи го-

рода. Но это не устраивало Александра, так как враг легко мог в случае необходимости укрыться за неприступными стенами. Поэтому македоняне решили несколько отойти от города и разбить лагерь на новом месте. Индийцы, думая, что противник отступает, стали беспорядочно атаковать македонян. Александр отдал приказ повернуть фалангу, и солдаты бегом устремились на ассакинов. Те не выдержали ближнего боя и бежали в город под прикрытие мощных стен (Арриан, IV, 26, 1–4).

Началась упорная осада Массаги. Ее жители раз за разом отбивали атаки македонян, пытавшихся через пролом, пробитый в стене осадными машинами, проникнуть в город. Трижды Александр водил на приступ фалангитов и трижды был отброшен назад. Только на четвертый день, потеряв предводителя и множество бойцов, индийские наемники решили вступить с Александром в переговоры. Весть об этом обрадовала македонского царя, и он поспешил договориться с ними о переходе их к нему на службу. Воины-индийцы в полном вооружении вышли из города и разбили свой лагерь напротив македонского. Но уже к ночи они раскались в своем намерении и решили бежать, чтобы не сражаться против соплеменников. Александр не мог допустить этого и, взяв индийцев в клещи, перебил всех. После этого Массага была взята без труда: защищать город было некому (Арриан, IV, 27, 4). «Арриан подчеркивает упорство защитников города, говорит о значительных потерях с обеих сторон, пишет об истреблении всех индийских наемников, но вместе с тем указывает, что македоняне недосчитались только 25 воинов. Причина может быть двоякой: или источники, на которых основывается труд Арриана, умолчали об этом, или же сам греческий историк преднамеренно скрыл урон греко-македонского войска, чтобы не омрачать славы Александра», — отмечают Б. Г. Гафуров и Д. И. Цибукидис.

Массага была не единственным городом, оказавшим стойкое сопротивление грекам и македонянам. Другие города ассакинов также упорно защищались. Арриан называет еще два города — Оры и Базиры, куда царь в спешном порядке отправил Алкету и Кена в надежде на добровольную сдачу после падения Массаги. Но случи-

лось обратное: жители городов приготовились к продолжительной осаде. Алкета и Аттал стояли под стенами Ор, а Кен – у Базир, дожидаясь возможных переговоров о сдаче. Как только до царя дошло известие, что Абисар Кашмирский, предводитель соседней страны, намерен оказать помощь Орам, Александр срочно повернул от Базир к этому городу, взял его штурмом и забрал всех слонов, оставленных там. Расчет македонского царя оказался верным: жители Базир, точно так же как и других поселений ассакинов, бежали в горную крепость Аорн в стране Сват.

В рассказах о подвигах Геракла упоминается, что он в своих странствиях доходил до восточных пределов Земли – Индии, где не смог взять горную крепость Аорн. Видимо, это название собирательное, так как цитадель Аорн греки и македоняне уже брали в Бактрии (Арриан, III, 29, 1). Александр знал, что Геракл не взял Аорн из-за землетрясения и других знамений. Поэтому он отдал приказ осадить твердыню, чтобы померяться с божеством в славе (Арриан, IV, 28, 4; Диодор, XVII, 85, 2; Курций Руф, VIII, 11, 2).

Аорн представлял собой мощную цитадель, к которой вела только одна узкая дорога. По одним источникам, окружность крепости составляла 200 стадий, а высота в самом узком месте – 11 (Арриан, IV, 28, 3); по другим – крепость имела окружность в 100 стадий, и высоту в 16 (Диодор, XVII, 85, 3). Сведения источников о том, как быстро македонский царь взял Аорн, противоречивы: Страбон (XV, 688) пишет, что Александр с первого приступа овладел крепостью; Арриан (IV, 30, 1–2) сообщает, что в течение пяти дней солдаты делали насыпь, где поставили на уровне стен метательные механизмы; Курций Руф (VIII, 11, 9) и Диодор (XVII, 85, 6) говорят, что македонянам только на седьмой день удалось засыпать пропасть перед скалой.

Само же взятие Аорна произошло так: местные жители указали македонскому царю единственный проход к крепости, и Александр послал туда Птолемея с легковооруженными воинами. Птолемей, преодолев крутой подъем, закрепился на склоне холма, разбив лагерь и окружив его частоколом. Индийцы первыми с высоты

МАКЕДОНЦЫ В БОЮ

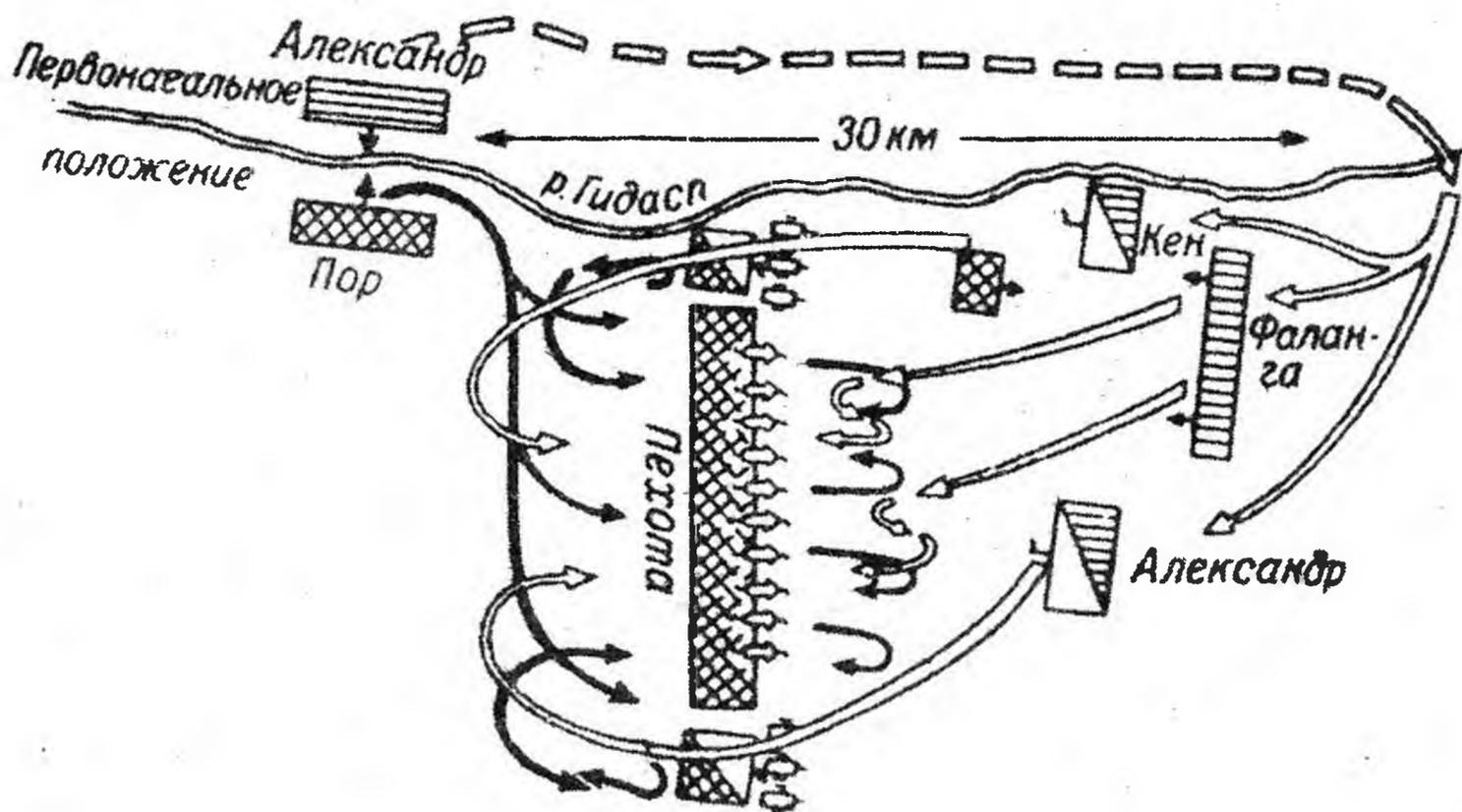
напали на македонян, но потеснить их не смогли и к ночи отступили (Арриан, IV, 29, 1–3). Пока Птолемей удерживал захваченный рубеж, ему на подмогу шел Александр. Ведомый местным проводником, которому были обещаны богатые дары (Диодор, XVII, 85, 6), Александр с большими трудностями добрался до места стоянки Птолемея, и они совместными силами вступили в сражение с индийцами. До полудня македоняне бились в жестокой схватке, но взять крепость не сумели. После этого царь отдал приказ засыпать пропасть перед Аорном, чтобы использовать метательные механизмы. Пять дней воины сооружали насыпь, а когда стрелы, пущенные с нее, достигли осажденных, индийцы согласились на мирные переговоры. На самом же деле они и не думали сдаваться, а просто хотели выиграть время и под покровом ночи бежать в оставленные ранее поселения (Арриан, IV, 30, 2).

Узнав об этом от разведчиков Балакра, Александр приказал снять сторожевые посты, чтобы индийцы могли беспрепятственно уйти из крепости. После этого царь с отрядом телохранителей и щитоносцев в 700 человек взобрался на скалу и занял крепость. Затем он отдал приказ преследовать беглецов; многие индийцы упали в страхе с крутых скал, а иные были убиты (Арриан, IV, 30, 4). Курций (VIII, 11, 24) по этому поводу замечает, что царь оказался скорее победителем природы, чем врагов, так как варвары сами ушли из цитадели. Щедро наградив проводника, царь оставил в крепости гарнизон, начальником ее он сделал местного правителя Сизикотта, еще в Бактрии перешедшего на сторону Александра (Арриан, IV, 30, 4).

Так захватом горной крепости Аорн, господствовавшей над долиной Кофена, закончилось завоевание земель до Инда. Александр уже намеревался идти за Инд, когда разведка донесла, что брат Ассакена, одного из индийских вождей, погибшего при штурме Массаги, со слонами и множеством варваров бежал в окрестные горы. Царь поспешил к городу Дирте, но никого из жителей там не застал. Он поручил Неарху и Антиоху прочесать местность, навести порядок и разузнать относительно слонов (Арриан, IV, 30, 6).

Александр не стал дожидаться вторичного замирения ассакиенов, а направился к Инду. Посланные туда ранее Гепестион и Пердикка уже навели переправу через реку (Арриан, IV, 28, 5; IV, 30, 9). Войско продвигалось медленно, так как в любой момент можно было ожидать нападения воинственных племен. На переход от Аорна к месту переправы на Инде ушло 16 дней (Курций Руф, VIII, 12, 4), из которых часть была использована на сооружение кораблей из леса, росшего по берегам, и на плавание к месту наведения переправы (Арриан, IV, 30, 9).

Подойдя к Инду, Александр увидел, что Гепестион и Пердикка выполнили его приказ: мост был готов, были построены два

Битва при Гидаспе

тридцативесельных корабля и множество мелких судов (Арриан, V, 3, 5). В источниках место переправы определяется поблизости от взятого Гепестионом после месячной осады города Певкелаотиды, где погиб Астис, его правитель (Арриан, IV, 22, 8; Стра-

бон, XV, 698). Сюда прибыли послы Таксила с дарами (в том числе 30 слонами) от своего царя. Явились также 700 всадников-индийцев. Таксил велел сказать македонскому царю, что добровольно сдает ему свой город, самый большой между Индом и Гидаспом (Арриан, V, 3, 5). Видимо, Таксил надеялся на помощь греков и македонян в борьбе с соседними индийскими царями – Пором и Абисаром Кашмирским.

На рассвете македонская армия перешла Инд и вступила во владения Таксила (между Индом и Гидаспом). Видимо, для переправы были использованы поставленные борт о борт суда, ибо вряд ли можно было выстроить настоящий мост в столь короткий срок при значительной глубине реки (Арриан, V, 7, 1). Таксил и жители его страны радушно встретили Александра, за что получили больше даров, чем ранее послали македонскому царю.

Некоторое время македонское войско отдыхало, принимая участие в конных и гимнастических состязаниях. В Таксилу прибыл с посольством от горных индов брат Абисара, желавший заключить союз с македонским царем. Сатрапом Таксилы Александр поставил Филиппа, сына Махаты, дав ему гарнизон и воинов-ветеранов, непригодных к дальнейшей службе (Арриан, V, 8, 3). После непродолжительного отдыха в Таксиле Александр поспешил к Гидаспу, на противоположном берегу которого царь Пор, по данным разведки, сосредоточил все войско, решив напасть на Александра во время переправы.

Александр подошел к Гидаспу со всем войском, усиленным 5 тысячами индийских солдат, присланных Таксилем и другими союзниками. Естественным рубежом, разделявшим два вражеских войска, была река Гидасп. Курций Руф (VIII, 13, 8–11) рассказывает о страхе, который охватил македонскую армию, когда те увидели величину этой реки: «разлившись в ширину на 4 стадии, будучи очень глубокой и не имея нигде брода, она показалась им огромным морем. Но ее течение не было медленным, как это обычно бывает у широко разлившимся вод; река неслась быстро и бурно, как будто текла в узких берегах: перекатывавшиеся волны во многих мес-

тах обнажали скрытые на дне камни. А еще страшнее был вид берега, полного людей и лошадей. Там стояли чудовищные по своей величине слоны; нарочно разъяренные, они оглушали своим ужасным ревом. И река и враг сразу привели македонцев в ужас, хотя их сердца, обычно полные уверенности, выдержали много испытаний».

О численности войска Пора источники сообщают различные сведения. Арриан (V, 15, 4) называет цифру в 34 тысячи человек (4 тыс. конницы и 30 тыс. пехоты), 300 колесниц и 200 слонов. Курций Руф (VIII, 13, 6) приводит такие же данные о пешем войске и колесницах, но сокращает количество слонов до 85 и вовсе не упоминает о коннице. Наименьшую численность войска Пора приводит Плутарх (Александр, 62): по его сведениям, индийский царь возглавлял 22 тысячи воинов (2 тыс. конницы и 20 тыс. пехоты); количество колесниц, и слонов в армии Пора Плутарх вообще не приводит. По Диодору (XVII, 87,2), Пор имел армию в 53 тысячи человек (50 тыс. пехоты и 3 тыс. конницы), 1 тысячу колесниц и 130 слонов.

Особые надежды Пор возлагал на слонов, зная, что у Александра их нет. Сам Александр также понимал, что берег реки, на котором расположились слоны, может стать непреодолимым препятствием для конницы. Как рассказывает Арриан (V, 10, 2), Александр прекрасно отдавал себе отчет в том, что лошади не захотят подняться на тот берег, потому что на них сразу же, пугая видом и ревом, устремятся слоны; больше того, они не останутся при переправе на своих мехах, а спрыгнут в воду, обезумев от одного вида слонов.

Для того чтобы преодолеть водную преграду и выйти на противоположный берег, Александр предпринял следующее: приказал сколотить плоты из леса, растущего на берегу реки¹ и разбить лагерь на западном берегу Гидаспа у места переправы. Пор, выстроивший свое войско на восточном берегу, занял идеальную обо-

¹ Об этом говорят Плутарх (Александр, 60) и Курций Руф (VIII, 13, 26). По Арриану (V, 8, 4), македонский царь послал Кена обратно к Инду с приказом разобрать построенные там суда, погрузить их на повозки и доставить к Гидаспу.

МАКЕДОНЦЫ В БОЮ

ронительную позицию, предусмотрительно расставив в первой линии слонов вперемежку с пехотинцами, вооруженными тяжелыми копьями. Александр же был вынужден действовать, а не ждать: Диодор (XVII, 87, 2) передает, что в 40 стадиях от войска Пора находилось войско его союзника Эмбисара (Абисара Кашмирского), которое было не меньше, чем сама армия Пора.

В этой ситуации Александр решил прибегнуть к отвлекающим внимание противника маневрам. Пока небольшие отряды воинов вели разведку близлежащей местности, Александр, разделив свою армию на колонны, разослал их вверх и вниз по течению Гидаспа, приказав им обследовать течение реки, попутно опустошая все на своем пути. Один из отрядов возглавил он сам. Кроме того, македоняне по ночам устраивали в разных местах ложные тревоги, чтобы показать противнику, что они не оставили мысли о переходе Гидаспа. Так повторялось много раз, и Пор уже настолько привык к ночным вылазкам македонян, что перестал реагировать на их действия, а приказал сосредоточить слонов у своего лагеря, а вдоль берега оставить патрули. В этот момент Александр и решился на то, чтобы форсировать реку.

Взяв наиболее мобильные конные отряды Гефестиона, Пердикки, Деметрия, бактрийцев, согдийцев, скифов, даев, лучников и агриан, щитоносцев из фаланги, подразделения Клита и Кена, он отошел от лагеря на некоторое расстояние вверх по течению и остановился в лесистой местности напротив острова, где намеревался перейти Гидасп. К месту переправы македоняне заранее подвезли разобранные корабли и собрали их; кроме того, они набили сеном мехи и тщательно зашили их. Все приготовления происходили под проливным дождем при грозных раскатах грома. К утру дождь прекратился, и Александр отдал приказ форсировать реку. Конница должна была переправляться на мехах, пехота – на судах.

В лагере Александра был оставлен Кратер со своей гиппархией, с конными арахотами и парапамисадами, пехотным македонским отрядом Алкета и Полисперхонта, номархами индов, живших по эту сторону реки, и отрядами их численностью в 5 тысяч человек. Крате-

ру было приказано не приступать к переправе, пока Пор не снимется со своим войском и не пойдет на Александра или же пока Кратер не узнает, что Пор бежит и македонцы победили. Арриан (V, 11, 4) приводит речь Александра, обращенную к Кратеру: «Если же Пор пойдет на меня только с какой-то частью своего войска, а какая-то часть и слоны останутся в лагере, то ты и в этом случае все равно жди на месте. Если же Пор поведет на меня всех своих слонов, оставь часть войска в лагере и быстро переправляйся с остальными; слоны не дадут выйти на берег только лошадям; остальному войску они не помешают».

Индийские сторожевые посты заметили противника почти у самого берега и немедленно направили гонцов к Пору. Александр начал высадку и только потом заметил, что пристал не к берегу, а к небольшому островку, отделенному от суши протокой, неширокой, но достаточно глубокой: пехотинцам вода доходила до груди, а у лошадей только головы торчали над поверхностью.

Когда македонская кавалерия начала высаживаться на берег, Александр выставил впереди своих конных лучников в качестве охранения и под их прикрытием развернул свою армию в боевые порядки. В центре он поставил царских щитоносцев под командой Селевка; за ними находилась царская агема. Рядом с ними выстроились прочие щитоносцы, соблюдая первое место за теми, кому оно выпало на тот день. По краям на правом и левом крыле фаланги стояли лучники и агриане и по обеим сторонам метатели дротиков. Пешее войско (около 6 тыс. человек) неспешно двинулось навстречу противнику, а конница (5 тыс. всадников) поскакала вперед; лучникам был отдан приказ быстро следовать за кавалерией (Арриан, V, 13, 4; 14, 1).

План Александра был достаточно прост: если бы Пор послал небольшие силы, то конница Александра должна была победить, а в случае панического бегства противника начать преследование и уничтожить как можно больше врагов. Если же Пор двинул бы против Александра основную часть войска, то задача македонцев состояла в том, чтобы дождаться подхода фалан-

ги, которая с отходом основной части войска противника могла беспрепятственно переправиться через Гидасп.

В описании первой фазы битвы при Гидаспе в источниках фигурируют разные свидетельства. Так, Аристокбул рассказывает (Арриан, V, 14, 3), что сын Пора с 60 колесницами прибыл к переправе еще до того, как Александр успел перебраться с острова на берег. Но индийские колесницы проехали мимо и не воспрепятствовали македонянам высаживаться на сушу. Александр не преминул воспользоваться этой оплошностью и в погоню за колесницами отправил конных лучников, которые без труда обратили их в бегство. Неназванные Аррианом источники сообщают, что войско сына Пора вступило в сражение с Александром и его всадниками на месте высадки, что сын Пора прибыл с войском большим, чем говорил Аристокбул, что сам Александр был ранен сыном Пора и что здесь погиб любимый конь македонского царя Буцефал.

Птолемей, сообщение которого Арриан (V, 15, 2) считает самым достоверным, передает события иначе: сын Пора привел к месту переправы 2 тысячи всадников и 120 колесниц, вначале атакованных конными лучниками, а затем – кавалерией Александра. В бою погиб сын Пора и еще 400 индийцев. Македонцам удалось захватить все колесницы: они были тяжелы и вязли в грязи после ночного ливня. По сообщению Плутарха (Александр, 60), при переправе Александра атаковали 1 тысяча конных индов и 60 колесниц; 400 всадников погибли, а все колесницы достались македонянам.

Наконец, Курций Руф (VIII, 14, 1–5) рассказывает, что Пор выслал к месту переправы колесницы во главе со своим братом. На каждой из них находилось по шесть воинов: двое стрелков по бокам и четверо возниц, вооруженных дротиками. Но колесницы, пущенные по бездорожью, вязли в грязи и только мешали своим же воинам. Первыми атаковали индийцев скифы и даи, затем подоспел полк Пердикки, действовавший на правом фланге; противник беспорядочно отступил.

Известие о гибели сына и о высадке македонян на восточном берегу Гидаспа повергло Пора в замеша-

тельство. Царь индийцев не знал, что делать. Кратер с частью войска не отходил от места переправы и намеревался перейти реку, как только Пор перебросит свою армию к месту высадки македонян.

Тем не менее Пор решился на атаку. Оставив в лагере несколько слонов и некоторое количество воинов для отпугивания всадников Кратера, он взял с собой всю конницу: около 4 тысяч человек, все колесницы – их было 300, 200 слонов и цвет своей пехоты – около 30 тысяч человек – и устремился на Александра. Свое войско индийский царь построил на ровном песчаном месте, удобном для маневрирования конницы. В центре по фронту на расстоянии около 15 м друг от друга стояли слоны, прикрывавшие пехотинцев. Между слонами расположились тяжеловооруженные воины. Полиэн (4,3, 22) красочно описывает расположение армии Пора: «...все построение напоминало огромную стену, в которой слоны были башнями, а пехота – перегородками между ними». На флангах также располагалась пехота, усиленная конницей и продвинутыми вперед колесницами. Сам индийский царь восседал на слоне на левом крыле своей армии.

Построение армии было выполнено Пором по всем правилам военного искусства. Курций Руф (VIII, 14, 14) даже рассказывает, что, рассмотрев построение индийского войска, Александр сказал: «Наконец-то я вижу достойную меня опасность».

Оценив по достоинству хорошо продуманное расположение войск индийцев, Александр принял единственно правильное решение – ударить с флангов отрядами кавалерии, выстроенными под углом. Фалангиты, отведенные во вторую линию обороны, получили приказ вступить в сражение только тогда, когда конница расстроит ряды индийской пехоты.

Против левого крыла армии Пора Александр бросил конных лучников Кена, а сам во главе гетайров ударил по правому флангу. В завязавшемся конном сражении индийцам пришлось отбивать атаки с двух сторон. Александр, видя, что сейчас как раз удобный момент повернуть свою конницу в другую сторону, напал на центр вражеского войска. Инды, не дожидаясь удара

Александровых конников, бросились врассыпную под защиту слонов. В это время погонщики направили животных на македонскую конницу, и тогда в сражение вступили фалангиты.

Поражая слонов и погонщиков дротиками, фаланга теснила индийцев. Между тем обезумевшие от ран и грохота боя животные причинили много бед македонской пехоте, топча и расшвыривая солдат во все стороны. Александр с трудом отбил конную атаку индийцев и, собрав воедино всю кавалерию, загнал слонов, пехоту и всадников противника в узкое место, где многие погибли, охваченные кольцом македонских конников и сомкнутыми рядами фаланги. Конница индоев в этом сражении была практически вся перебита. Когда наконец конница Александра раздвинулась, образовав проход, все обратились в бегство.

Тем временем Кратер, дождавшись победы македонян, переправился через Гидасп и со свежими силами бросился на отступавшего противника. Но даже в столь трудную и опасную минуту Пор не покинул поля боя, а продолжал на своем слоне, окруженный горсткой людей, метать дротики в противника. Он был хорошей мишенью для вражеских стрел. Даже будучи ранен девять раз, индийский царь продолжал отбиваться от наседавших врагов. Смелость и упорство Пора понравились Александру, и он отправил к нему Таксила для переговоров о сдаче. Пор отверг предложение македонского царя и чуть было не убил Таксила, и только посланный к нему его друг Мерой убедил Пору прекратить бессмысленное сопротивление.

В сражении при Гидаспе Пор потерял 20 тысяч пехотинцев, 3 тысячи всадников, все колесницы и множество слонов. В этой битве погибли два сына царя, все гиппархи и стратеги (Арриан, V, 18, 2; Диодор, XVII, 89, 1). Потери Александра составили, по Арриану (V, 18, 3), немногим более 300 человек, а по Диодору – почти тысячу (Диодор, XVII, 89, 3).

Пор сдался, видя, как его войско рассеялось под ударами кавалерии Александра. Но и будучи побежденным, он не выказывал ни тени раболепия перед македонским царем, а держался гордо и независимо. Плу-

тарх (Александр, 60) рассказывает, что, когда Пора взяли в плен и Александр спросил его, как следует с ним обращаться, Пор сказал: «По-царски». Александр спросил, не хочет ли он добавить еще что-нибудь. На это Пор ответил: «Все заключено в одном слове: „по-царски”». Назначив Пора сатрапом, Александр не только оставил в его власти всю ту область, над которой он царствовал, но даже присоединил к ней новые земли, подчинив Пору индийцев, прежде независимых. После этого Пор, говорит Арриан (V, 19, 3), «стал Александру верным другом».

Индийский поход привел к изменениям в составе войска Александра и его тактике. В армию Александра влились свежие силы местных оседлых и кочевых народов, принесших с собой собственные методы ведения войны, основанные на приемах кочевников, — нападение лавой, рассыпной строй с последующим преследованием, чем успешно пользовались парфяне в борьбе с римскими легионерами. Ряд авторов не без основания считают, что Александр вряд ли мог добиться успеха в Средней Азии и Индии, продолжая пользоваться традиционной греческой тактикой сражения фаланг. Ко времени индийского похода основной ударной силой армии Александра была согдийская, бактрийская, скифская, дайская и персидская конница.

На обоих берегах Гидаспа — около места переправы и там, где была одержана победа над индийцами, — македонский царь основал два города: Букефалею (в честь своего коня, павшего в сражении) и Никею. Античные авторы объясняют это желанием Александра сохранить память о победе македонского оружия (Арриан, V, 19, 4; Плутарх, Александр, 61; Диодор, XVII, 89, 6; Страбон, XV, 699; Курций Руф, IX, 1, 6). Но более вероятно, что македонский царь был движим иными побуждениями: завоевание царства Пора делало его повелителем Пенджаба, а новые города играли роль опорных пунктов македонской власти.

Кратер с частью войск остался укреплять новые города, а также строить флот из леса, растущего в Эмодских горах (Арриан, V, 20, 3; Страбон, XV, 698; Диодор,

МАКЕДОНЦЫ В БОЮ

XVII, 89, 4). Именно сооружение флота на Гидаспе некоторые исследователи считают доказательством того, что Александр не стремился к мировому господству, а хотел лишь завоевать всю персидскую державу. Ошибочность такого мнения подтверждается свидетельствами источников критического направления, сообщавших о планах царя: «дойти до границ индийской земли и, покорив всех ее обитателей, спуститься по реке к Океану» (Диодор, XVII, 89, 5). А строить корабли царь приказал, чтобы, «пройдя всю Азию, поплыть по морю к пределу всех земель» (Курций Руф, IX, 1, 3). Следовательно, после Гидаспа Александр и не думал о возвращении обратно, а, наоборот, намеревался продолжать поход далее на Восток, к Гангу, к неведомому краю Земли.

Отпраздновав победу над Пором и дав передохнуть войску, Александр устремился на соседние племена главгаников (или главсов), которые сдались добровольно. Здесь Александр овладел 37 городами, причем в самых незначительных из них было не менее 5 тысяч жителей. Эти земли царь также отдал в управление Пору (Арриан, V, 20, 4).

Таксил, примиренный с Пором, ушел в свои владения, а Абисар Кашмирский, ранее намеревавшийся выступить против Александра, прислал своего брата с денежными дарами и 40 слонами. Македонский царь, невзирая на подношения, пригрозил, что, если Абисар сам не явится к нему, он с войском вторгнется в его владения. Послы ассакенов, прибывшие в македонский лагерь, сообщили, что племя восстало, убило правителя и отложилось. Александр срочно направил к ассакенам Филиппа и Тириеспаса с войском для наведения порядка (Арриан, V, 20, 7).

Перейдя Акесин в наиболее широком месте, где течение было поспокойнее, Александр у места переправы оставил Кена следить за подходом отрядов, посланных за продовольствием для армии. Пора он отправил набирать воинов-индийцев и ловить слонов, которых индийский царь обязался привести к Александру. Вскоре македоняне подошли к реке Гидраоту, шириной не уступавшему Акесину, но имевшему более спокойное течение. Везде, где проходили македоняне, Александр

оставлял сторожевые посты, чтобы Кратер и Кен могли спокойно реквизировать продовольствие (Арриан, V, 21, 4).

Александр с основной частью армии довольно быстро продвигался вперед, поручая небольшим отрядам проведение локальных операций по замирению – способ, успешно примененный им еще в Малой Азии и позже в Восточных сатрапиях. Так, Гефестион с частью войск (часть фаланги, две гиппархии конницы, половина лучников) был отправлен в Гандариду, страну, управляемую Пором, родственником индийского царя, побежденного Александром (Страбон, XV, 699). Кроме того, Гефестион должен был покорить все племена по берегам Гидраота и отдать их в управление царю-союзнику Пору (Арриан, V, 21, 5).

Переправившись через Гидраот, Александр подчинил многие племена, взявшиеся за оружие; некоторые сдались сами. Только кафеи и некоторые другие независимые индийцы решили сражаться с пришельцами у неприступного города Сангалы (Лахор). Кафеи, подобно оксидракам (шудракам) и маллам (маллеям), считались самыми искусными и отважными воинами (Арриан, V, 22, 2). Пор и Абисар до Александра пытались покорить их, но безуспешно. После двухдневного перехода Александр приблизился к городу Пимпрамы, жители которого сдались добровольно. Отдохнув сутки, войско на исходе третьего дня подошло к Сангале. На подступах к городу кафеи устроили лагерь за тройным рядом телег (Арриан, V, 22, 4). Александр вначале бросил против них конных лучников, забросавших кафеев градом стрел. Затем он ввел в дело конницу, но индийцы не дрогнули и из-за прикрытия пускали стрелы в македонян. Тогда Александр спешился и повел на приступ первого ряда телег пехоту, которая отбросила противника ко второму, более плотному ряду. Македоняне наступали беспорядочно, так как все пространство было забито повозками противника. У третьего ряда телег индийцы не задержались, а бросились в город и заперлись там.

Александр окружил город пешими воинами, а у мелководного озера поставил конные сторожевые посты.

МАКЕДОНЦЫ В БОЮ

Ночью кафеи попытались бежать, но, наткнувшись на македонскую стражу, возвратились обратно в Сангалу. На вторую ночь кафеи опять предприняли вылазку, но воины Птолемея заставили их возвратиться в город (Арриан, V, 24, 1–2). Македонский царь уже отдал приказ подкатить к городской стене осадные машины, но его воины по штурмовым лестницам взобрались на стену и овладели ею. К этому времени царь Пор привел 5 тысяч индийцев и уцелевших слонов.

При взятии города погибло 17 тысяч кафеев, в плен было взято более 70 тысяч; македоняне захватили также 300 колесниц. У Александра погибло менее 100 человек, а раненых оказалось 1200 (Арриан, V, 24, 5). Македоняне стерли с лица земли Сангалу, а ее земли отдали индийцам, покорившимся добровольно новой власти (Арриан, V, 24, 8; Полибий, IV, 3, 30).

Не задерживаясь долго в землях кафеев, Александр направился с войском к Гифасису и готовился к форсированию реки, попутно собирая информацию из первых рук о племенах, населявших заречные земли. Однако его солдаты пали духом, стали собираться на сходки и заявлять, что дальше не пойдут, ибо видели, что царь их «готов громоздить тяготы на тяготы и опасности на опасности» (Арриан, V, 25, 2). Не дожидаясь, пока волнения солдат усилятся, царь обратился к военачальникам с речью, в которой, перечислив все покоренные македонянами земли, указал, что уже недалек предел похода – Ганг и Восточное море, т. е. границы, которые боги назначили Земле. Александр долго и настойчиво убеждал своих сподвижников следовать дальше. Он обещал им невиданные богатства и права сатрапов в завоеванных землях и одновременно предостерегал от необдуманного стремления вернуться домой и тем поощрить враждебные македонянам народы к выступлению (Арриан, V, 26, 1–7).

Ответом на речь царя было долгое молчание: ни один воин не рискнул возразить ему, но никто не был согласен с ним. И только Кен, сын Полемократа, зять Пармениона, отважился сказать царю то, что думал. Опытный командир выступил не от своего имени, а от имени большей части войска. Кен убеждал царя возвра-

титься после стольких лет военных лишений (поход продолжался более восьми лет) на родину, дать отдых усталым, состарившимся в боях солдатам и, набрав молодых, повести их на индийцев, или к Понту Эвксинскому, или против Карфагена и Ливии. Кен советовал Александру быть умеренным в счастье и не забывать, что человеческая жизнь всецело зависит от воли богов (Арриан, V, 27, 7–9).

По версии Плутарха (Александр, 62), война с Пором «расхолодила македонцев», они не хотели продолжения похода и решительно воспротивились воле царя. Диодор (XVII, 94, 1–5) пишет, что ни щедрые дары, ни обдуманная речь Александра не убедили солдат продолжать поход. За долгие годы военных тягот армия значительно поредела, одежда поизносилась, оружие затупилось, к тому же два месяца лили бесперывные дожди.

Наиболее четко противопоставляет планы Александра и настроения войска Курций Руф (IX, 2, 11), прямо говорящий, что «у него и его солдат неодинаковые стремления: он лелеет в душе завоевание всего мира и находится только у начала своего дела, воины же, утомленные трудностями похода, ожидают любого первого успеха и окончания опасностей». В речи Кена, изложенной Курцием (IX, 3, 7–8), подчеркивается, что солдаты выполнили свой долг, долг смертных, дойдя почти до края света, царь же хочет идти в другой мир.

Против единодушного мнения солдат и военачальников царь ничего не мог поделаться и, выждав несколько дней, отдал приказ о возвращении, встреченный армией с неподдельным восторгом. Александр не принял суровых мер к воинам, упорствовавшим в своем отказе, и это также говорит о том, что оппозиция войска и командиров сомкнулась и что у македонского царя не осталось сил, на которые он мог бы опереться для реализации задуманной программы.

И. Дройзен характеризует отказ войска продолжать индийский поход как историческую необходимость, ибо, завоевывая Индию, Александр мог потерять Запад. Александр, побежденный своим войском, упорствовав-

МАКЕДОНЦЫ В БОЮ

шим в нежелании продолжать поход, приказал соорудить на берегу Гифасиса 12 алтарей и повелел сниматься с лагеря и двигаться в обратный путь (Плутарх, Александр, 62).

Александр достиг только самой восточной реки Пенджаба – Гифасиса – и, следовательно, побывал лишь в незначительной части Индии. Но зато обратный путь македонский царь выбрал с расчетом достигнуть Великого моря на юге.

Во времена античности полагали, что Гирканское море (Каспий), Эритрейское море (Аравийский залив и северная часть Индийского океана) – это заливы Великого Океана (Арриан, V, 26, 2). Поэтому, расставшись с мечтой достичь Великого моря на Востоке, Александр послушался совета Кена, убедившего царя не идти к славе обходным путем, когда рядом, на юге, лежит Океан, выход к которому даст ту же славу, но при меньших опасностях (Курций Руф, IX, 3, 14; 4, 20).

Отдав в управление Пору страну до Гифасиса, Александр прежним путем вернулся к Гидраоту, перешел его и вышел к Акесину, где по его приказу Гефестион уже выстроил город, куда собрал местных жителей и небоеспособных наемников. Здесь Александру пришлось задержаться на некоторое время, готовясь к плаванию по Великому морю. Вновь пришли к царю с дарами послы от Абисара и Арсака, правителей соседних царств. Поверив, что Абисар из-за болезни не может сам прибыть в македонский лагерь, Александр оставил его сатрапом его же области и установил размеры податей, взимаемых с подвластных ему земель.

Последнее пополнение из Эллады, по свидетельству Диодора, пришло к Акесину – 30 тысяч пехотинцев, не менее 3 тысяч всадников, вооружение для 25 тысяч солдат и лекарственные снадобья на 100 талантов (Диодор, XVII, 95, 4).

Не задерживаясь у Акесина, Александр переправился через реку и возвратился к Гидаспу. Он помог восстановить нормальную жизнь в Никее и Букефалее, пострадавших от ливней, и в целом «навел порядок в стране» (Арриан, V, 29, 5). Для того чтобы выйти к Великому морю на юге, Александру был необходим флот,

посадив на который войско он мог быстро спуститься по Гидаспу и Инду и далее к его устью и к Океану.

Кратер, оставленный с частью солдат во вновь основанных городах, не только обживал их, но и строил флот (Арриан, VI, 2, 4; Страбон, XV, 698). Ко времени возвращения Александра с войском к Гидаспу было приготовлено не менее 2 тысяч судов 50, включая 80 тридцативесельных и 71 для транспортировки лошадей. Гребцов и матросов набрали из представителей народов-мореходов, сопровождавших войско в походе: египтян, финикиян, карийцев, киприотов (Арриан, Индия, 18, 1).

Для строительства и оснастки флота из числа самых уважаемых командиров были выбраны 33 триерарха, сделавших значительные пожертвования для этой цели (Арриан, Индия, 18; Плутарх, Эвмен, 2; Плиний, XIX, 1). Во главе флота стал критянин Неарх, друг юности царя¹. Несколько отсрочило выступление непредвиденное обстоятельство – смерть Кена на Акесине².

Оставив сатрапом земель от Бактрии до Инда Филиппа, которому было приказано через три дня после отплытия македонян двинуться с войском вслед за Александром, царь разделил всю армию на три части, с тем чтобы, продвигаясь по Акесину, Гидаспу и Инду, завоевывать тамошнее население. Сам царь, посадив на корабли щитоносцев, лучников, агриан и агему всадников, поплыл по притокам Инда на юг. Кратер повел западным берегом Гидаспа вниз по течению часть конницы и пехоты; восточным берегом продвигался Гефестион «во главе лучшей и большей части войска»; с ним

¹ Флотоводец Александра оставил после себя сочинение о прибрежном плавании от устья Инда до Персидского залива, использованное Аррианом в труде об Индии (Арриан, V, 5, 1; Индия, 17, 7).

² Курций (IX, 3, 20) говорит о его внезапной смерти и о том, как царь сказал, что «несколько дней назад Кен произнес длинную речь, будто один только рассчитывал вернуться в Македонию». Упоминания о болезни Кена в источниках нет. Некоторые историки (Б. Г. Гафуров, Д. И. Цибукидис и др.) предполагают, что причиной его внезапной кончины послужила речь, раздосадовавшая Александра и подтвердившая решимость солдат и командиров закончить поход. Однако нет никаких оснований для того, чтобы заподозрить Александра в столь низкой мстительности.

было 200 слонов. Пунктом встречи Кратера и Гефестиона была назначена столица Сопифа, находившаяся в трех днях пути от места отправления (Арриан, VI, 2, 2; Диодор, XVII, 96, 1).

Через три дня Александр приплыл к месту встречи. Кратер и Гефестион уже стояли лагерем по обоим берегам Гидаспа в ожидании указаний царя. Александр дал солдатам двухдневный отдых, дождался подхода сатрапа Филиппа и вновь устремился вперед. Кратер и Гефестион, отправленные ранее, продолжили марш по берегам реки, а Филипп получил задание продвигаться по Акесину. Плывая по реке, Александр приставал в разных местах к берегу и покорял индийцев. Он торопился поскорее добраться до земель маллов и оксидраков, которые, по полученным сведениям, «решили воевать с ним». Он хотел застать их врасплох (Арриан, VI, 4, 2–4).

На пятый день македоняне прибыли к месту слияния Гидаспа и Акесина, где река имела бурное течение и было множество водоворотов. Преодолели его не без потерь: некоторые корабли разбились, а их экипажи погибли. Выйдя на спокойный простор речной глади, Александр высадился на правый берег и совершил набег на «варваров», намеревавшихся оказать помощь маллам. Пока царь осуществлял эту операцию, Неарх спешно отплыл к маллам (Арриан, VI, 5, 1–4).

В этом районе македонский царь столкнулся с племенами сибов, якобы эллинского происхождения, пришедших в Индию в незапамятные времена вместе с Гераклом и безуспешно осаждавших Аорн. Сибы встретили македонян богатыми дарами, и царь милостиво обошелся с ними, «объявил их свободными» (Диодор, XVII, 96, 2–3; Страбон, XV, 688–701). Другое племя, агалассов, собравших 33-тысячное войско, царь разбил, а все те, кто бежал в соседние города, были обращены в рабство. Другое безымянное племя, выставившее 20-тысячное войско, также было разбито, но и македоняне понесли значительные потери. Города мятежных индийцев предавались огню (Диодор, XVII, 96, 3–4).

По возвращении Александра Гефестион, Кратер и Филипп получили новое задание: продвигаться на юг к месту слияния Акесина и Гидраота, стать там лагерем, не

трогаясь в путь до прибытия царя. Предполагая, что маллы и оксидраки ожидают македонян со стороны реки, Александр решил нанести им неожиданный удар с пустынного севера, от владений кафеев и гангаридов, и погнать вниз по Гидраоту.

Взяв всех конных лучников, половину конницы «друзей» и пехотинцев Пифона, Александр повел их через безводную пустыню на маллов. Пройдя не более 100 стадий, войско запаслось водой и немного отдохнуло, а затем, преодолев 400 стадий пустынной местности, на рассвете вышло к городу маллов. Индийцы не ждали противника с этой стороны и во множестве бродили перед городом без всякого оружия. Источники указывают, что маллы и оксидраки враждовали между собой, но при известии о приближении завоевателя прекратили раздоры и организовали совместное войско в 80 тысяч пехоты, 10 тысяч всадников и 700 колесниц (Диодор, XVII, 98, 1).

На следующий день после того, как Александр подошел к городу маллов, он разделил войско на две части: одну двинул на приступ сам, другую отдал под командование Пердикки. Инды не выдержали натиска македонцев: покинув городские стены, они бежали в крепость. Александр и его люди сумели войти в город значительно раньше других. Отряд же, которым командовал Пердикка, запоздал. Македонцы, увидев, что противник удерживает крепость, стали подкапывать стены и приставлять к крепостным стенам лестницы. Александру показалось, что македонцы, несшие лестницы, не торопятся: он выхватил у одного из них лестницу, сам приставил ее к стене и полез, прикрываясь щитом. За ним отправились телохранители Певкест, Леоннат и воин Абрея. Царь добрался по лестнице до стенных зубцов; уперши в них свой щит, он начал сталкивать одних индов обратно за стену, других тут же убил мечом. Гипасписты, испугавшись за своего царя, спеша и толкаясь, полезли по одной лестнице и сломали ее; уже добравшиеся доверху попадали вниз и преградили дорогу остальным.

Стоявшего на стене Александра начали обстреливать с соседних башен: среди всех македонцев Алек-

МАКЕДОНЦЫ В БОЮ

сандр выделялся роскошным вооружением и безумной отвагой. Царь понял, что, стоя на месте, он только впустую подвергает себя опасности, – и спрыгнул со стены в крепость. «Прислонившись к стене, он убил мечом нескольких человек, бросившихся на него, в том числе вождя индов, смело устремившегося к нему. Одного человека, приблизившегося к нему, он поразил камнем, другого тоже камнем; подошедшего совсем близко проткнул мечом. Варвары не решались уже подходить к нему, а, окружив его со всех сторон, метали в него оружием, какое у кого оказалось в руках или подвернулось под руку» (Арриан, VI, 9).

«В это время Певкест, Абрея и лезший вслед за ними Леоннат, единственные, которым удалось взойти на стену до того, как лестница сломалась, спрыгнули вниз и стали на защиту царя. Абрея пал тут же, пораженный стрелой в лицо; Александру стрела пробила панцирь и вонзилась в грудь над соском: по словам Птолемея, из раны текла кровь и шел воздух. Александр, пока кровь у него еще не остыла, отбивался, хотя и чувствовал себя плохо. Наконец, от большой потери крови, выходящей вместе с воздухом, у него закружилась голова, он потерял сознание и упал тут же на свой щит. Певкест, перешагнув через лежащего, стал перед ним, прикрывая его священным щитом из Илиона; Леоннат встал с другой стороны. Обоих осыпали стрелами; Александр, потеряв столько крови, был уже близок к смерти. Со штурмом дело застряло: македонцы, видя, как осыпали Александра стрелами на стене и как он спрыгнул внутрь крепости, безрассудно шли на гибель от рвения и страха за своего царя. Переломав лестницы, они, как это бывает в положении безвыходном, стали придумывать всяческие средства, чтобы взойти на стену: одни забивали в стену (она была земляная) костыли и, цепляясь за них, с трудом карабкались по стене; другие становились на плечи друг другу. Каждый, взобравшись на стену, при виде лежащего царя, кидался с нее в город; все плакали и кричали. Вокруг лежащего завязалась жестокая сеча; македонцы один за другим становились перед царем, закрывая его своими щитами. В это время сломали засов, которым задвигали ворота в стене между башня-

ми, и несколько человек протиснулись в город; другие налегли плечами на чуть раздвинувшиеся ворота и, проломав стену (она упала внутрь), открыли широкую дорогу в крепость», – пишет Арриан (VI, 10).

Македонцы стали избивать индов и перебили всех, не пощадив ни женщин, ни детей. Царя вынесли из города на щите: он был так тяжело ранен, что сомневались, останется ли он в живых. «Стрела из лука пробила ему панцирь и вонзилась в грудь, так что стержень стрелы остался висеть снаружи, а железный наконечник в четыре пальца шириной засел между ребрами... Царя унесли со стрелой, проникшей до внутренностей и как гвоздь связавшей панцирь с телом. И стараниям извлечь ее из раны противилось железо, засевшее за костями грудной клетки. Отпилить же выступающую часть стрелы не решались, опасаясь, что это повредит кость и вызовет чрезмерную боль и сильное кровотечение. Сам Александр, видя общее замешательство, хотел кинжалом отсечь стрелу у поверхности панциря, но ослабевшая от воспаления рука оцепенела и не повиновалась. Тогда он велел другим сделать это без боязни и ободрял здоровых: одних он бранил за слезы и излишнее волнение, других называл трусами, не решающимися ему помочь. Громко взывал он к товарищам: “Пусть никто из вас не будет трусом, даже боясь за меня. Не могу верить, что вы не страшитесь своей смерти, если вы страшитесь моей”», – прославляет мужество Александра Плутарх (О судьбе, II, 13). Когда из раны царя наконец вытащили стрелу, кровь хлынула в таком количестве, что Александр опять потерял сознание, и вследствие этого обморока кровь у него остановилась (Арриан, VI, 11).

Арриан (VI, 6, 5–6) пишет, что при осаде города маллов погибло около 2 тысяч жителей, а Пердикка, посланный к другому городу, всех жителей перебил или загнал в болото. Диодор (XVII, 99, 4) сообщает, что при взятии приступом города маллов все его население было перебито и трупы валялись грудками на улицах. Полученная в сражении с маллами рана задержала Александра на месте битвы, а разнесшийся слух о его гибели вызвал смятение среди солдат, оставшихся в

МАКЕДОНЦЫ В БОЮ

македонском лагере (Арриан, VI, 12, 2). Желая как-то успокоить македонян и предотвратить волнения, Александр, едва оправившись, приказал везти себя на Акесин в лагерь. Появление царя верхом на коне сразу изменило настроение воинов, и никто из них более не роптал на свою участь.

Вскоре в македонский лагерь прибыли послы от уцелевших маллов и оксидраков. Они заявили о своей покорности, согласились принять назначенного им сатрапа и платить установленную дань. Желая испытать верность прежних врагов, царь потребовал тысячу заложников из самых влиятельных родов и, когда получил требуемое, поверил, что маллы и оксидраки вряд ли отважатся в будущем воевать против македонян. Заложников он отпустил, а сатрапом оксидраков и маллов поставил Филиппа (Арриан, VI, 14, 3).

Пока македонский царь оставался в лагере из-за ранения, было построено много новых судов. Выздоровев, Александр посадил на них 1700 всадников-гетайров, легковооруженных воинов, 10 тысяч пехотинцев и быстро достиг места впадения Акесина в Инд (Арриан, VI, 14, 4–5). Здесь македоняне опять разбили лагерь. Александр ожидал подхода Пердикки, направленного к племени абастанов. Абастаны покорились, так же как индийские согды и ксатры, в землях которых были сооружены тридцативесельные корабли и грузовые суда. Еще одно независимое племя, оссадии, прислало своих послов с выражением покорности. Земли, завоеванные от Бактрии до места впадения Акесина в Инд, Александр отдал в управление Филиппу, оставив с ним всех фракийцев и лучников. Здесь же, при слиянии рек, царь велел основать город и построить корабельные верфи.

Переправив Кратера с тяжеловооруженными воинами на левый берег Инда, так как дорога тут была легче и тамошние племена были настроены менее враждебно, Александр отплыл в столицу согдов, которую укрепил и где также построил верфь. Этот город получил традиционное название Александрии (Согдийской). Сатрапом всех земель от места слияния Акесина с Индом до впадения его в море, а также береговой полосы царь поставил Пифона. Это назначение имело пока

лишь символический характер, так как земли по среднему и нижнему течению Инда еще не были покорены македонянами.

Источники называют три воинственных индийских племена, живших по нижнему течению Инда вплоть до области Патталены – заболоченной дельты второй по величине реки Индии. Царьками их были Мусикан, Оксикан (Портикан) и Самба (Арриан, VI, 15, 5; 16, 1–3; Страбон, XV, 701).

Пока Кратер медленно продвигался к югу левым берегом Инда, царь гораздо быстрее на судах достиг владений Мусикана, самой благословенной части Индии, по рассказам местных жителей. Мусикан, перепуганный насмерть, вышел к македонскому царю с богатыми дарами, что позволило ему сохранить власть. В главном городе страны Кратер возвел акрополь и оставил гарнизон, так как царь считал это место очень удобным для удержания соседних племен в повиновении (Арриан, VI, 15, 7).

Так же стремительно Александр вторгся во владения Оксикана. Два больших города македоняне взяли с ходу, в одном из них схватили правителя и убили. Остальные города сдались, ибо царь «вселил в души всех индийцев рабский страх перед собой» (Арриан, VI, 16, 2). К этому свидетельству Арриана другой греческий историк добавляет, что Александр уничтожил все города в царстве Портикана (Оксикана) (Диодор, XVII, 102, 5). Точно такую же расправу македоняне учинили с жителями страны Самбы, горными индийцами, правитель которых бежал к границам Индии и таким образом спасся от преследователей. Опустошив царство, уничтожив его города и обратив жителей в рабов, Александр перебил 80 тысяч населения (Диодор, XVII, 102, 6).

Но пока македоняне грабили и сжигали города Самбы, против них поднялся Мусикан. Туда срочно отправился Пифон с войском. Сатрап быстро справился с восстанием; мятежные города сровнял с землей, а всех жителей обратил в рабство. Мусикан был повешен. По всей стране Пифон возвел крепости (Арриан, VI, 17, 1–2). После столь суровых мер правитель Патталы сам поспешил к Александру с заверениями

МАКЕДОНЦЫ В БОЮ

покорности. Царь отослал его обратно для подготовки всего необходимого при приеме войска.

Отсюда, со среднего течения Инда, Александр отправил Кратера с полками Аттала, Мелеагра и Антигена, с лучниками, «друзьями» и прочими македонянами-ветеранами на запад (а позже – в Македонию), выбрав путь их следования через Арахозию и Дрангиану в Карманию, область, лежавшую к северу от Персидского залива, где было приказано ждать подхода царя. Причиной ухода Кратера с ветеранами явились волнения, вспыхнувшие среди населения названных областей (Арриан, VI, 17, 3). Прибывший к Александру бактриец Оксиарт (отец Роксаны) сообщил о волнениях в земле паропамисадов, за что Александр отрешил от должности сатрапа Тириеспта, а его сатрапию присоединил к Бактрии (Арриан, VI, 15, 3). В Арии вождь племени ариаспов Ордан провозгласил себя независимым (Арриан, VI, 27, 3).

Кроме того, в 325 г. до н. э. греческие колонисты близ Бактр при ложном известии о гибели Александра в Индии восстали, овладев городской цитаделью. К восставшим примкнули варвары. Во главе мятежников стал Афинодор, командир греческих наемников, объявивший себя царем, но «не из-за вражды к Александру, – как пишет Курций (IX, 7, 1–2), – а по причине желания совместного возвращения на родину». Афинодор был убит неким Биконом, который совместно с мятежниками ушел на родину. Позднее, уже после смерти Александра, мятежников перебили македонцы (Диодор, XVII, 99, 6).

Когда Александр поплыл вниз по Инду, поручив Гестифиону вести сухопутную армию правым берегом, а Кратер с частью войска двинулся в путь на Персеполь, Пифон с конными стрелками и агрианами переправился на левый берег для усмирения местных жителей и для строительства городов (Арриан, VI, 17, 4). На третий день плавания царь получил сообщение, что правитель Патталы бежал с большей частью населения в пустыню, оставив обезлюдившую страну. Александр разослал в разные стороны самых быстроногих воинов для поимки беглецов, поручив сказать им, чтобы они без страха возвращались в родные места. Многие поверили царским обещаниям и возвратились.

У Патталы по приказу Александра Гепестион построил крепость, а рядом – гавань и верфь (Арриан, VI, 18, 1–2). Местоположение Патталы в устье Инда на берегу Океана открывало новые возможности для развития торговли этого региона с западным миром. Александр обследовал на судах рукава Инда и дважды выходил в открытое море, плывя вдоль побережья в западном направлении. На одном из островов началось строительство второй гавани (Арриан, VI, 20,5).

Царь отдал последние приказания Неарху, ожидавшему зимнего муссона, чтобы начать прибрежное плавание из Индии к устью Евфрата, а сам, запасшись водой и продовольствием, в августе 325 г. до н. э. ушел из Патталы берегом моря и, миновав пограничные индийские области, вскоре достиг пустыни Гедросии (современный Белуджистан). Затем он двинулся на запад к Сузам и Вавилону, которые намеревался сделать столицами своей державы.

ВОЗВРАЩЕНИЕ И СМЕРТЬ АЛЕКСАНДРА

Для возвращения в Персию Александр выбрал очень трудный путь. По словам географа Страбона (XV, 686; 722), царь заранее знал о трудностях, которые будут ожидать его в пустыне Гедросии, однако решил провести свое войско через эту страну с честолюбивыми намерениями посрамить царицу Семирамиду и персидского царя Кира Великого¹ (ср. Арриан, VI, 24, 2–3). Но в еще большей мере, чем жажда новых подвигов, Александра побуждала идти этим путем необходимость обеспечить флот Неарха провиантом и водой; кроме того, царь хотел покарать «независимое индийское племя оригов,

¹ По преданию, полулегендарная ассирийская Семирамида (Шаммурамат; IX в. до н. э.) погубила здесь свое войско; подобная участь постигла и основателя персидской державы Кира (царствовал в 558–530 гг. до н. э.), а по одной из версий, он даже погиб здесь в битве с местным племенем.

которое не оказало никаких дружеских услуг ни ему, ни его войску» (Арриан, VI, 21, 3)¹.

Сухопутное войско Александра выступило из Патталы незадолго до того, как из восточного устья Инда отплыл флот Неарха, дождавшийся северо-восточных муссонов, которые здесь обычно начинают дуть с конца октября. Царь вел за собой щитоносцев, половину отряда пеших лучников, отряды педзетайров, агему гетайров, по иле от каждой гиппархии, и всех конных лучников (Арриан, VI, 21, 3). Во главе оставшихся солдат Александр поставил Гефестиона.

«Из Патталы Александр двинулся к реке Арабис (Хаб), оттуда повернул на юг к побережью океана, чтобы выкопать колодцы и подчинить местные племена оритов. У города Ора он основал очередную Александрию, назначил сатрапом Аполлофена и оставил при нем сильный отряд во главе с Леоннатом. Аполлофену он приказал собирать продовольствие для флота Неарха, а также снаряжать продовольственные обозы и отправлять их вдогонку своему войску. Дороги вдоль берега проложено не было, и Александр углубился в страну, пройдя путем, по которому в эпоху их завоеваний шли арабы и который связывал Макран и Синд. Время от времени он отправлял на берег океана отряды, сопровождавшие грузы продовольствия. Страна, по которой шел Александр со своим войском, представляла собой безводную пустыню; жара была невыносимой, и переходы приходилось совершать по ночам. Почти весь обоз пришлось бросить – вьючные лошади либо пали, либо были забиты на мясо, наконец войско нашло дорогу, ведущую к резиденции персидских царей в Пуре (Фахрадж). Здесь уцелевшие воины смогли отдохнуть после 60-дневного изнурительного пере-

¹ Сколько кораблей участвовало в экспедиции Неарха, точно неизвестно. У. Тарн предполагает, что их было от 100 до 150 с общей численностью экипажей до 5000 человек; на судах также находились наемники, лучники и воины, обслуживавшие метательные орудия. Корабли могли взять на борт запас провианта на 10 дней и питьевой воды на 5 дней. Предполагалось, что эскадра будет часто приставать к берегу, что для античности было обычной практикой: корабли совершали каботажное плавание, на ночь причаливая к земле.

хода из Ора», – описывает трудности возвращения Александра Дж. Фуллер.

Почти все античные авторы, писавшие о переходе Александра через пустыню, не поскупились на описание подробностей тех бедствий, которые претерпело македонское войско, и тех потерь, которые оно понесло¹. Однако по убедительному заключению У. Тарна, автора наиболее подробного исследования об Александре, во время этого перехода погиб нестроевой состав армии², боевые же части, хотя и были предельно измотаны, не понесли значительных потерь³.

Придя в столицу гадросов, он дал войску отдохнуть, а оттуда отправился в Карманию. Здесь к нему присоединился Кратер с остальным войском и слонами; привел он и схваченного им мятежника Ордана. Из персидских сатрапий прибыли стада вьючных животных и множество верблюдов. Александр распределил всех: одних между военачальниками по животному на человека, других между илами, сотнями и лохами в соответствии с количеством верблюдов и вьючных животных.

Существует рассказ (который вслед за рядом античных авторов с удовольствием повторяют и многие современные исследователи) о том, что всю Карманию войско Александра с ним во главе прошло, упиваясь вином и во всем остальном подражая участникам праз-

¹ Арриан, VI, 26, 1–3: «Войско шло по песку среди палящего зноя; надо было дойти до воды, а идти было далеко. Александр, томимый жаждой, с великим трудом шел впереди войска пешком, как и остальные солдаты: легче ведь переносить трудности, если все страдают одинаково. В это время несколько легковооруженных солдат, ушедших в поисках воды от войска в сторону, нашли в неглубоком овраге маленькую лужу с застоявшейся и плохой водой. С трудом набрав ее, они поспешили к Александру, неся ему ее как подлинное сокровище. Вблизи от него они перелили эту воду в шлем и поднесли ее Александру. Он взял ее, поблагодарил принесших и вылил воду на глазах у всех. Это придало всему войску столько сил, словно вода, вылитая Александром, оказалась питьем для всех».

² Обоз отправился за армией Александра по собственной инициативе.

³ В Кармании Александр принес благодарственную жертву не только за победу над индами, но и за спасение своего войска.

МАКЕДОНЦЫ В БОЮ

днеств в честь бога Диониса¹. Однако Арриан дважды (VI, 28, 1–2) подчеркивает недостоверность этой истории.

Пока Александр пробивался через пески Гедросии, Неарх плыл вдоль северного побережья Аравийского моря. Через 80 дней после отплытия из устья Инда корабли Неарха вошли в Ормузский пролив и бросили якорь в устье реки Аман (Минаб). Успех морской экспедиции превзошел все ожидания, причем за все время македонцы потеряли всего четыре корабля. Когда экипажи сошли на берег, от греческого путешественника Неарх узнал, что лагерь Александра находится всего в пяти днях пути в глубине материка. Адмирал приказал разбить лагерь, а сам отправился к месту, где находился Александр. Встречу с царем трогательно описал сам Неарх. Вначале Александр не мог признать друзей из-за их длинных волос и бород, оборванных одежд и изможденного вида; он думал, что перед ним стоят те немногие, кто выжил из членов погибшей экспедиции, и спрашивал, как погибли корабли и воины, плывшие на них. Но когда Неарх сообщил, что целы и суда, и воины, Александр издал клич радости и сказал, что если бы флот Неарха погиб, то горечь печали уничтожила бы память о всех его, Александра, победах.

В начале 324 г. до н. э. Александр двинулся в Пасаргады. За время его отсутствия многие сатрапы, вовсе не ожидавшие возвращения Александра из Индии, промышленно систематическим грабежом подданных. Александр строго покарал виновных. В Сузах была проведена грандиозная свадебная церемония; своим соратникам и помощникам царь предложил жениться на девушках из аристократических персидских семейств; заключение этих брачных союзов – числом восемьдесят – по замыслу царя должно было завершиться со-

¹ Вот как, например, описывает это И. Ш. Шифман: «Армия, совершенно утратившая свой прежний воинский облик, превратилась на глазах в огромную толпу перепившихся гуляк; далеко вокруг были слышны веселая музыка, пьяные крики, исступленные вопли вакханок. Конечно, Александр сильно рисковал: если бы местные жители напали на него, его деморализованная армия не смогла бы драться».

вместным торжественным пиром. Царь считал эти браки честью и наградой для избранных им сподвижников; он сам давал приданое девушкам. Александр тоже выступал в роли жениха. У него до сих пор не было детей от Роксаны, и Александр как персидский царь считал себя вправе иметь несколько жен. Он выбрал дочь Артаксеркса Оха и старшую дочь Дария. Сестра последней предназначалась для его ближайшего друга Гефестиона, а племянница Дария – для Кратера. Пердикка получал в жены дочь славного Атропата, а Птолемей и Эвмен – дочерей верного Артабаза; для Неарха предназначалась дочь Барсины, возлюбленной Александра, и его первого мужа Ментора. Царь не забыл и дочь Спитамена, героя освободительной борьбы в Согдиане, ее женихом стал Селевк.

«Достаточно перечисления этих имен, чтобы понять чисто политический характер задуманных Александром браков. Важно было соединить родственными узами не только царствующие дома, но и македонскую высшую и служилую знать с самыми аристократическими иранскими родами. Семьи Артабаза и Атропата, а также, по-видимому, Фратаферна и других верных Александру людей теперь связывали родственные узы с македонскими приближенными царя. Александр подумал и о детях от этих браков. Им ведь предстояло в будущем унаследовать империю, объединявшую Запад и Иран. Какое большое значение придавал этому Александр, видно хотя бы из того факта, что в результате этих браков его будущие дети становились двоюродными братьями детей Гефестиона», – резюмирует церемонию в Сузах Ф. Шахермайр.

Вскоре после описанных событий Александр, находясь со своей армией в Описе, приказал Кратеру возглавить большой отряд ветеранов, уволенных со службы и отправлявшихся на родину. Вопреки ожиданиям это распоряжение не вызвало радости среди старых воинов Александра. Они уже были встревожены его политикой слияния народов, его стремлением стереть различия между победителями и побежденными и поговаривали о том, что он решил сделать местом своего постоянного пребывания Азию. Как пишет Курций,

«лагерь наполнился группами людей, ведущих мятежные речи».

Вскоре Александр созвал войсковое собрание для того, чтобы обсудить вопрос о том, где должна находиться столица его империи. Собрание началось с речи Александра, в которой он ясно дал понять, что центр управления вновь созданным государством должен располагаться в сердце Азии. По сообщению Курция, это решение царя вызвало взрыв негодования и привело к открытому мятежу. Исключая агему и гипаспистов, против Александра яростно выступили все войска. Как сообщают очевидцы, начало его речи воины слушали в гробовом молчании, но когда он закончил, македоняне потеряли контроль над собой и закричали в ответ, что все вместе уходят домой, а если он хочет остаться, то пусть остается в компании со своим отцом Амоном.

Александр был в бешенстве и быстро покинул подиум, с которого обращался к воинам. Тут же он указал гипаспистам на тринадцать зачинщиков мятежа, приказал схватить их и предать смерти. Затем Александр вернулся на подиум и с гневными упреками обратился к воинам, называя их неблагодарными. Он напомнил им о тех благодеяниях, которые оказал его отец, о том, что еще недавно они были бедными пастухами, носившими одежду из шкур, о том, что он сделал их властелинами Греции, а затем поднял их до господства над Азией. Александр говорил о великих трудах, победах и ранах и о том, что ни один из его воинов не был убит, пытаясь спастись от врагов бегством. В завершение речи, уже не владея собой и поддавшись эмоциям, он крикнул: «А теперь, если вы хотите уйти, уходите; уходите все, и скажите там на родине, что вы покинули своего царя, который вел вас через весь мир от победы к победе, что вы оставили его на попечение варваров, которых он завоевал; несомненно, вы заслужите хвалу от людей и благоволение небес. Идите!».

«Если и были в жизни Александра моменты, которые позволяют называть его полубогом, то, несомненно, описанный эпизод относится к одному из них; благодаря непреодолимой силе своей личности и небыва-

лomu выбросу яростной энергии, достигшей демонической силы, он добился беспрекословного согласия и полной покорности своих соратников», – пишет Дж. Фуллер.

Закончив речь, Александр ушел в свой шатер и никого не принимал в течение двух суток. На третий день он вызвал к себе знатнейших персов и приступил к организации армии, устроенной из персидских юношей по македонскому образцу. В тот момент эти юноши были единственной, но достаточно мощной опорой Александра; без них он оказался бы во власти мятежников. Ветераны поняли это, и данное обстоятельство сломило их волю к сопротивлению. Собравшись вместе, они пришли к резиденции царя, сложили оружие на землю в знак покорности и заявили, что просят разрешения видеть царя и передать ему зачинщиков мятежа. По сообщению Арриана, Александр выбежал из шатра навстречу пришедшим со слезами на глазах. Здесь старый ветеран Каллин, один из начальников гетайров, сказал ему: «О царь, как грустно македонянам видеть, что ты приблизил к себе многих персов и объявил их своими родственниками, что ты дал им право приветствовать тебя поцелуем, в то время как ни один из нас не удостоился подобной чести». Тогда Александр воскликнул: «Всех вас без исключения я объявляю своими родственниками и с этого времени буду называть вас только так». Каллин и сопровождавшие его воины удостоились царского поцелуя, взяли свое оружие и вернулись в лагерь, распевая песни, благословлявшие царя.

Вскоре 10 тысяч ветеранов во главе с Кратером отправились на родину в Македонию. Все они получили богатые подарки от царя; Антипатр должен был уступить свои полномочия в Греции Кратеру и явиться к Александру со свежим пополнением воинов из Македонии.

Затянувшийся праздник был омрачен внезапной смертью ближайшего и самого дорогого друга Александра Гестифона. Он скончался от неизвестной болезни; когда Александр явился к ложу друга, он был уже мертв. Александр в течение долгого времени был безу-

МАКЕДОНЦЫ В БОЮ

тешен; чтобы отвлечься от своего горя, он предпринял поход на коссеев, воинственных соседей уксиев. Коссеи, по описанию Арриана, жили в горах по деревням, построенным в неприступных местах; когда неприятель приближался к ним, они или все уходили на вершины гор, или убегали врассыпную, – и войско, посланное против них, не могло ничего с ними поделать. Когда же войско уходило, коссеи возвращались опять к занятиям разбоем, которым традиционно жили. Но Александр уничтожил это племя, хотя и выступил зимой. Ему не помешали ни зима, ни бездорожье – ни ему, ни Птолемею, сыну Лага, который командовал частью войска. «В военных предприятиях Александру ничто помешать не могло», – пишет Арриан (VII, 15, 1–3).

Вернувшись в Вавилон, – рассказывает Арриан (VII, 19, 3–6), – Александр застал флот, поднявшийся из Персидского моря вверх по Евфрату (начальником был Неарх), и другой, прибывший из Финикии: 2 пентеры¹ от финикийцев, 3 тетреры², 12 триер и около 30 тридцативесельных судов. Их всех в разобранном виде доставили из Финикии к Евфрату, в город Фапсак; там их собрали, и уже по реке они спустились к Вавилону. Корабельщики, гребцы, водолазы, добывавшие багрянок, и прочие труженики моря толпами шли к нему из Финикии и с остального побережья. У Вавилона Александр приказал вырыть гавань, где могла пристать тысяча военных кораблей; возле гавани приказал выстроить верфи. Миккалу клазоменцу он вручил 500 талантов и отправил его в Финикию и Сирию с поручением набрать людей, знакомых с морским делом. В планах Александра было заселить побережье Персидского залива и тамошние острова. Земля эта казалась ему не менее богатой, чем Финикия. Флот он готовил, чтобы напасть на арабов под тем предлогом, что это были единственные из местных варваров, которые не прислали к нему посольства и ничем не выказали ему ни доброжелательства, ни уважения.

¹ Военное гребное судно с пятью рядами весел.

² Военное гребное судно с четырьмя рядами весел.

Далее Арриан (VII, 23, 1–4) пишет, что в Вавилоне Александр также застал новые пополнения для своей армии. Певкест привел 20 тысяч персов, а также немало коссеев и тапуров. Прибыли войска из Карики или Лидии. Александр поблагодарил персов за усердие, с которым они выполняли все приказания Певкеста, а самого Певкеста за их превосходное обучение; царь зачислил пришедших в македонские полки таким образом, что в каждой «декаде» оказалось четыре македонца, один из которых являлся руководителем ряда, и 12 персов. Македонцы носили национальное вооружение; персы же были экипированы луками либо дротиками.

Вскоре Александр заболел лихорадкой. Тем не менее царь «объявил военачальникам свои распоряжения относительно выступления в поход и отплытия: сухопутные войска должны быть готовы к выступлению через четыре дня; флот, на котором будет находиться и он, отплывает через пять» (Арриан, VII, 25, 2). Царю становилось все хуже, но он почти до последнего вздоха надеялся выступить в поход. Узнав о состоянии Александра, его воины потребовали, чтобы их впустили к царю. «Рассказывают, что он лежал уже без голоса, но пожал руку каждому из проходивших мимо него солдат, с трудом приподымая голову и приветствуя их глазами» (Арриан, VII, 26, 1). Перед смертью приближенные спросили у Александра, кому он оставляет царство? Он ответил: «Наилучшему» (Арриан, VII, 26, 3).

Вскоре возник слух о том, что Александр был отравлен в результате заговора. Эту версию наиболее подробно излагает Помпей Трог (Юстин, XII, 14, 1–9): «Заговор задумал Антипатр, видевший что казнены лучшие друзья царя, что убит его зять Александр Линкестид; да и сам Антипатр, несмотря на совершенные им в Греции подвиги, заслужил у Александра не столько благодарность, сколько ненависть. Мать Александра, Олимпиада, тоже оскорбляла Антипатра разными клеветами. К этому добавилось еще и то обстоятельство, что совсем недавно подверглись страшной казни наместники завоеванных областей. Поэтому Антипатр полагал, что и его вызвали из Македонии не для участия в

МАКЕДОНЦЫ В БОЮ

военных походах, а для расправы. Он подготовил сына своего Кассандра, который обычно прислуживал царю с братьями, Филиппом и Иоллой, к покушению на царя. Антипатр дал Кассандру яд. Сила этого яда была такова, что его нельзя было хранить ни в медных, ни в железных, ни в глиняных сосудах, а переносить его можно было только в посуде из конского копыта. Антипатр предупредил сына, чтобы он не доверял никому, кроме как фессалийцу (Медию, одному из гетайров. – *Авт.*) и братьям. По этой-то причине у фессалийца [все] было заранее подготовлено для пира, и у него же было продолжено пиршество. Филипп и Иолла должны были заранее пробовать и разбавлять водой питье для царя; яд у них был влит в холодную воду; ею они и разбавили питье, которое перед этим испробовали». Абсурдность версии, изложенной Помпеем Трогом, была очевидна уже Плутарху (Александр, 77): «Большинство писателей... считает, что вообще все это выдумка и что никакого отравления не было. Убедительным доводом в пользу этого мнения может служить то, что на теле Александра, в течение многих дней, пока военачальники ссорились между собой, пролежавшем без всякого присмотра в жарком и душном месте, не появилось никаких признаков, которые свидетельствовали бы об отравлении; все это время труп оставался чистым и свежим». Александр Великий умер 10 июня 323 г. до н. э.

РАСПАД ДЕРЖАВЫ АЛЕКСАНДРА И ВОЙНЫ ДИАДОХОВ

АРМИИ ДИАДОХОВ

В главе, посвященной военным реформам Филиппа II, было рассказано об особенностях, вооружении и организации эллинистической фаланги. Как говорилось выше, большинство тех данных, которые мы имеем о македонской фаланге, относятся уже к позднему времени и невозможно точно установить, в какой мере изменилась организация македонской фаланги со времени Александра Великого до II в. до н. э.

Одним из наиболее интересных источников по организации позднемакедонской армии является «Тактика» Асклепидота, по которой можно восстановить примерную структуру македонской фаланги II в. до н. э. Фаланга Асклепидота состоит из 16 384 человек (1024 ряда по 16 воинов), и все цифры, приводимые этим античным автором, представляют собой различные степени двух; поэтому описание Асклепидота скорее являет собой математическую модель, чем структуру реальной армии, хотя в битве при Пидне (168 г. до н. э.) македонская фаланга насчитывала как раз 16 тысяч человек.

Основной единицей фаланги Асклепидота являлась синтагма («соединение»).

МАКЕДОНЦЫ В БОЮ

Она состоит из 256 человек (16 рядов по 16 воинов). Кроме этого, в синтагму входили командир заднего ряда (ураг), адъютант (гиперет), вестник, сигнальщик и флейтист. Все перечисленные не входили в общий расчет и не являлись частью строя фаланги. Командовал синтагмой синтагматарх. Все синтагмы делились на два таксиса, каждый под начальством таксиарха. Каждый таксис делился, в свою очередь, на две тетрархии, которыми командовали тетрархи. Каждая тетрархия состояла из двух дилохий, или сдвоенных рядов. Командир дилохии назывался дилохитом. Наконец, каждым рядом, или лохом, командовал лохаг. С лохага начинался ряд, тогда как замыкал его ураг.

Каждый ряд включал командира полуряда – гемилохита, двух командиров четвертьряда – эномотархов и замыкающего – урага. Лох состоял из двух гемилохий, а каждый из них, в свою очередь, из двух эномотий. Личные звания шли последовательно, начиная от переднего (протостат) и завершая последним воином в ряду (эпистат). Так как звания в ряду были постоянными, то каждый человек в фаланге стоял так, что с обеих сторон от него были люди с таким же званием.

Асклепиодот объединяет две синтагмы в пентекосиархию, которой командовал пентекосиарх. При удвоении пентекосиархии получается хилиархия, командир которой называется хилиархом. Две хилиархии образуют мерархию под командованием мерарха. По Асклепиодоту, эта боевая единица, состоявшая из 2048 человек, называлась раньше крылом или отрядом. Удвоенная мерархия называется фалангархией, которой командует фалангарх. Наконец, сдвоенная фалангархия образует крыло под командованием керарха, а два крыла формируют фалангу, которой командует стратег.

За исключением изменений в структуре фаланги, позднеэллинистическая армия незначительно изменилась со времен Александра. Диодохи и последующие македонские правители не делали собственных военных открытий, а, скорее, развивали основы военного искусства, заложенные Филиппом II и Александром Великим. В македонской армии Антигона Досона и Филиппа V встречаются пельтасты, пращники и лучни-

*Персидское (сасанидское)
позолоченное блюдо
с изображением боевого слона*

ки, в функции которых входит поддержка фаланги. Однако, вероятно, пельтасты в армии Филиппа V больше походили на гоплитов – они были вооружены копьями и круглыми щитами. Тем не менее пельтасты позднего периода, защищенные только легким доспехом, остаются легким видом войск.

По справедливому мнению П. Коннолли, самым важным изменением, которое произошло

в армии со времен Александра Великого, стал перенос акцента с конницы на пехоту. В армии Александра пропорция между всадниками и пешими воинами составляла примерно 1:6, а в позднемакедонской армии – 1:20. Однако еще в битве при Херонее в 338 г. до н. э. эта пропорция составляла 1:15. Большое количество конницы в армии Александра было необходимо для повышения мобильности его войска. После смерти Александра основные битвы в эллинистическом мире были сражениями фаланги против фаланги, а конница заняла место вспомогательных войск.

Совершенно своеобразной составной частью эллинистических армий, отличающей их как от армий предшествующих периодов античной истории, так и от армий Рима и последующих эпох, были отряды боевых слонов, выполнявшие ряд важных тактических заданий. Основную задачу боевых слонов составляла борьба с неприятельской конницей; здесь слоны оказывали неоценимые услуги, одним своим видом

наводя страх на лошадей и таким образом лишая конные отряды боеспособности. Требовалась специальная тренировка лошадей для того, чтобы они могли выдержать атаку слонов. Вместе с тем скорость движения слонов была достаточно высока: в этом отношении они могли успешно состязаться с конницей. Впрочем, попытки использования слонов против пехоты или в осадной войне, как правило, оказывались неудачными, особенно если пехота не поддавалась психологическому воздействию слоновой атаки и принимала простейшие меры защиты.

Применение слонов в военном деле с давних времен было известно в Индии, и одним из результатов индийского похода Александра было практическое ознакомление с этим грозным боевым средством. Александр, не оставлявший без внимания ничего, что сулило улучшение боевой техники, включил слонов в свою армию. Известно, что у него было уже до 200 слонов, однако он не успел использовать их в боевой обстановке.

Из преемников Александра сирийский царь Селевк и другие цари основанной им династии насчитывали в своих войсках больше всего слонов (по Диодору, в войске Селевка в битве при Ипсе в 301 г. до н. э. было 480 слонов). Первые боевые слоны эллинистических армий поступали из Индии, и уход за ними поручался индийским вожакам. Желая приобрести полную самостоятельность, греко-египетские цари из династии Птолемеев воспользовались местными источниками пополнения слоновых отрядов и поставили дрессировку африканских слонов для военных целей. В особенности Птолемей II Филадельф (285–247 гг. до н. э.) и Птолемей III Эвергет (247–221 гг. до н. э.) уделяли внимание ловле и обучению слонов; на западном берегу Аравийского залива (нынешнее Красное море) Птолемей основал город Птолемаида Охотничья, являвшийся крупнейшим центром ловли слонов; отсюда пойманных слонов на специальных барках доставляли в Египет.

Считалось, что африканские слоны по своим боевым качествам уступают индийским. Так, Полибий объясняет неудачу египетских слоновых отрядов в бит-

ве с Антиохом III при Рафии в 217 г. до н. э. превосходством слонов Антиоха индийской породы над африканскими слонами. Однако современные исследователи военной истории античности не разделяют этого мнения и считают, что боевая ценность африканских слонов была не только не ниже, но скорее даже выше индийских.

Боевое снаряжение слонов выглядело так: на спине слона устанавливали башенку, в которой помещались четыре бойца, вооруженные луками и сариссами. Перед башней на шее слона сидел вожатый. Иногда тело слона защищали панцирем; спину слона покрывали красным чепраком, для устрашения неприятеля на шею слону могли вешать колокол.

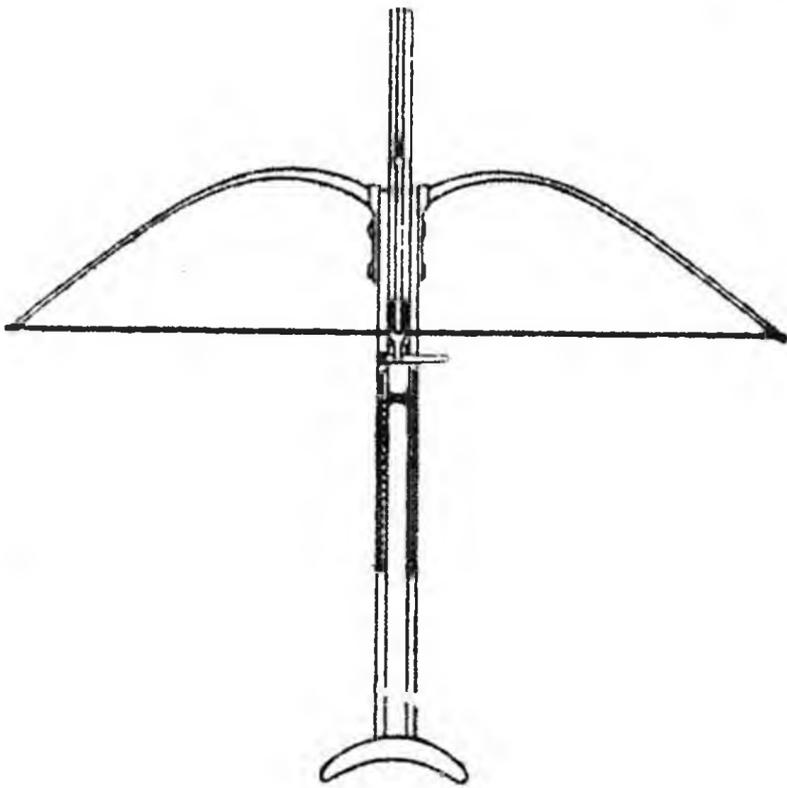
Слонов объединяли по несколько голов в отряды, имевшие особых командиров. Слоновые отряды комбинировали в тактическом отношении с отрядами легковооруженной пехоты; в бою слоны действовали как массой своего тела, так и ударами клыков, а также были обучены схватывать неприятельских воинов хоботом и, бросив на землю, растаптывать их ногами. Очень яркое описание боевых действий слоновых отрядов содержится у Полибия (V, 84–85) в рассказе об упомянутом выше сражении при Рафии: «Когда Птолемей с сестрою достиг левого фланга всей линии, а Антиох с царским отрядом правого, они дали сигнал к битве и открыли ее слонами. Некоторые слоны Птолемея бросились на врагов; помещавшиеся на слонах воины доблестно сражались с башен; действуя сариссами на близком расстоянии, они наносили удары друг другу, но еще лучше дрались животные, с ожесточением кидаясь одни на других. Борьба слонов происходит приблизительно таким образом: вонзив друг в друга клыки и сцепившись, они напирают со всею силою, причем каждый желает удержать за собою занимаемое место, пока не одолеет сильнейший и не отведет в сторону хобота противника. Лишь только победителю удастся захватить побежденного сбоку, он ранит его клыками подобно тому, как быки рогами. Птолемеевы слоны большею частью страшились битвы, что бывает обыкновенно с ливийскими слона-

ми. Дело в том, что они не выносят запаха и рева индийских слонов, пугаются, как я полагаю, их роста и силы, и тотчас убегают, завидев их. Так случилось и теперь. В беспорядке звери стали теснить ряды своих же воинов, и под их напором агема Птолемея подалась назад; тогда на Поликрата (военачальника Птолемея. — *Авт.*) и его конницу ударил Антиох, обогнув слонов и приблизившись к неприятелю. В то же время по эту сторону слонов на пельтастов Птолемея ударили примыкавшие к фаланге эллинские наемники и выбили их из позиции, ибо ряды эти были уже расстроены слонами. Так все левое крыло Птолемея, теснимое неприятелем, отступило».

Атака слонов против пехоты оказывалась успешной в том случае, если пехота пыталась встретить эту атаку, сплотившись в фалангу. Такое массовое скопление пеших воинов представляло собой наиболее удобный объект для действия слонов и заканчивалось катастрофически для оборонявшихся, как это произошло в 255 г. до н. э. с римлянами под командой Регула, которые были разбиты наголову карфагенянами под руководством спартанца Ксантиппа. Рассеянный же строй давал пехоте значительное преимущество над слонами. Самые простые средства, например, доски, утыканные гвоздями, оказывались достаточными для того, чтобы приостановить движение этих животных; вместе с тем подвижность небольших пехотных соединений позволяла вести удачную борьбу с боевыми слонами, терпя минимальные потери. Еще более обычным было применение подобных примитивных заградительных средств против слонов, применявшихся в осадной войне¹.

Наиболее широкие возможности использования слонов открывались в кавалерийской войне. В битве при Ипсе в 301 г. до н. э. 480 слонов Селевка образовали барьер, отрезавший конницу Деметрия от поля

¹ Однако, известны случаи, когда предпринимались попытки использовать слонов для форсирования городских укреплений, разрушенных подкопами. Так произошло при осаде Мегалополя Полисперхонтом в 318 г. до н. э.

Гастрарфет

сражения и тем самым сыгравший решающую роль для исхода боя. В 275 г. до н. э. Антиох I одержал так называемую «слоновую победу» над кельтами, вторгшимися в Малую Азию. Слоны были двинуты против превосходной кавалерии галлов, не привыкшей к подобного рода противнику.

Применение слонов стало одним из самых су-

щественных факторов ведения войны в эпоху эллинизма и сохраняло это значение вплоть до римской эпохи, когда римская манипулярная тактика сделала применение этого рода оружия, рассчитанного прежде всего на психологическое действие, малоэффективным. Содержание слоновых отрядов, стоившее огромных денег и сопряженное с очень большими трудностями организационного порядка, перестало себя оправдывать. Кроме того, очень быстро обнаружилось, что для хорошо обученных солдат боевые слоны совершенно не страшны, и таким образом этот военный инструмент быстро потерял значение благодаря укреплению профессиональных военных навыков.

Уже в V в. до н. э. греки пользовались примитивными осадными орудиями; афиняне широко применяли разнообразные приспособления для метания камней, дротиков, зажигательных снарядов. По Диодору (XIV, 4, 41), артиллерия была изобретена около 400 г. до н. э. в Сиракузах, когда тиран Дионисий Старший призвал к себе лучших инженеров со всей Греции и Италии

МАКЕДОНЦЫ В БОЮ

для сооружения орудий, предназначенных для нападения и защиты¹. Филипп II при осаде Перинфа и Византия применял катапульты; правда, попытка взять хорошо укрепленные города не имела успеха, но все же с ней связывают начало эры осадных орудий (башня, таран, катапульта). Филипп в этом деле сделал только первые шаги, а Александр уже не раз использовал катапульту. Он даже пытался применить ее для метания камней на дальнее расстояние (например, против кочевников на Яксарте), в чем угадывается древний прообраз артиллерии. Однако повсеместное распространение военных орудий относится уже к эпохе войн диадохов и эпигонов.

Если исходным пунктом в развитии античной артиллерии был лук, изготавливавшийся из дерева, китового уса и рога, то в эллинистическое время начинает применяться усовершенствованный тип лука – гастрарфет, натягивавшийся специальным приспособлением. Это «оружие, натягиваемое при помощи живота» подобно арбалету, было снабжено луком, тетивой и желобком для стрельбы. Для того чтобы зарядить гастрарфет, тетиву захватывали железным зацепом, закрепленным на заднем конце подвижной планки, затем орудие упирали в землю и всей тяжестью тела нажимали на планку. Натянутая тетива закреплялась при помощи двух задержек. Во взведенном положении оружие ставилось на опору, и в желоб перед зацепом помещалась стрела. После прицела тетива гастрарфета освобождалась спусковым крючком. Из этого устройства и развилась эллинистическая артиллерия.

¹ Изобретение артиллерии приписывается также израильтянам на основании стиха из II книги Паралипоменон (26:15), в котором царь Озия (VIII в. до н. э.) «сделал в Иерусалиме искусно придуманные машины, чтобы они находились на башнях и на углах для метания стрел и больших камней. И пронеслось имя его далеко; потому что он дивно оградил себя, и сделался силен». Однако, как справедливо полагает Г. Дильс, «этот библейский рассказ не является достоверным. Автор жил приблизительно около 300 г. до н. э. и перенес в предшествующий период современное ему положение вещей эллинистической эпохи».

Источником энергии в метательных орудиях так называемого торсионного типа служили пучки упругих тетив, укрепленные между жесткими опорами и закрученные при помощи деревянных рычагов; при этом происходило продольное растяжение пучков, создававшее значительный крутящий момент. Материалом для изготовления тетив служили сухожилия различных животных; наиболее пригодными считались шейные сухожилия быков, ножные – оленей и вообще наиболее развитые сухожилия того или иного вида животных. Сухожилия свиней не применялись вовсе, о чем есть особые упоминания у античных техников военного дела. Однако самым высококачественным материалом считались женские волосы.

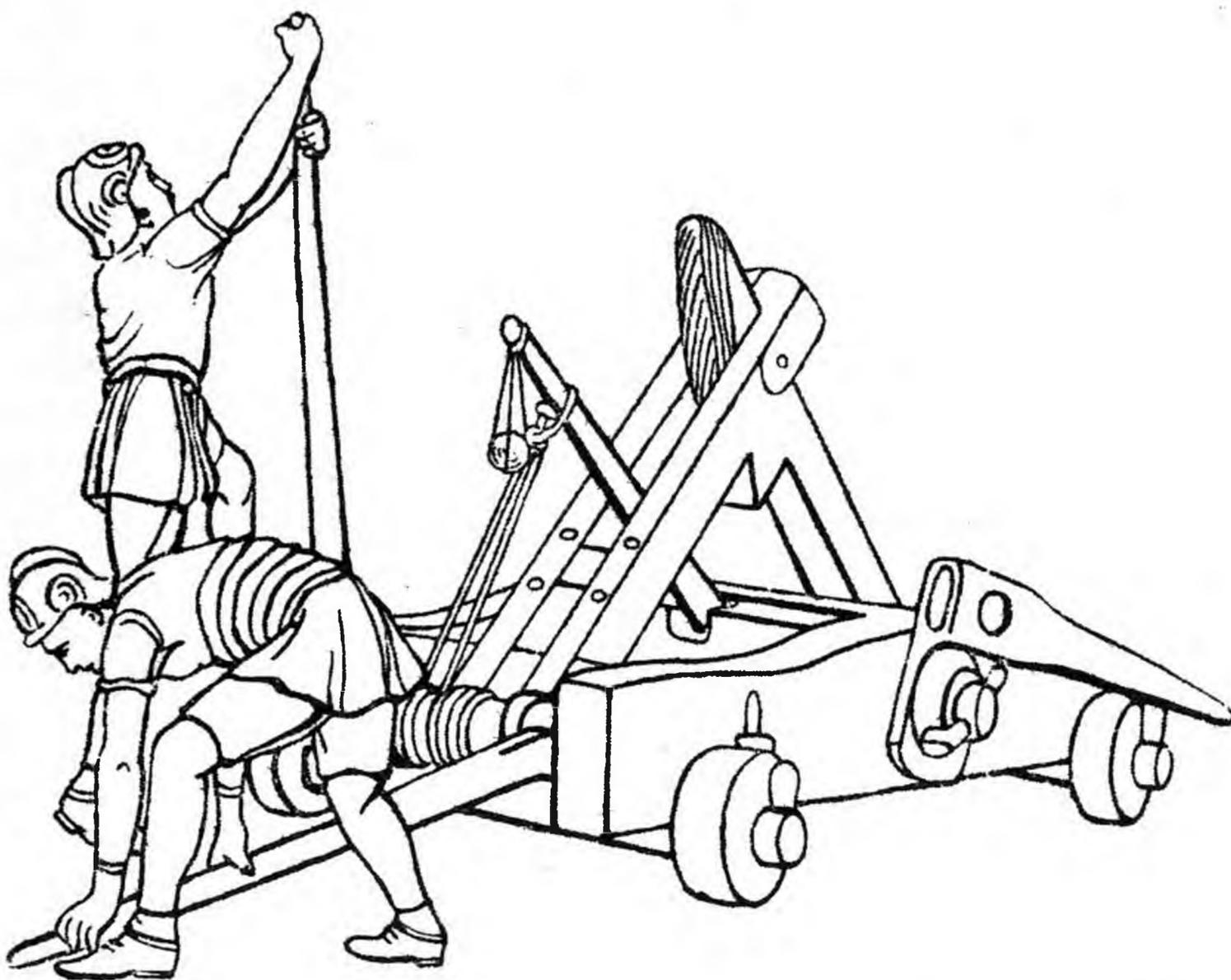
В основном торсионные орудия распадаются на два типа: одноплечные онагры, служившие для метания камней, с одним пучком тетив, и двуплечные, с двумя пучками тетив, которые назывались стрелометами или камнеметами.

Онагр («дикий осел»¹) состоял из двух мощных дубовых горизонтальных станин, наглухо соединенных горизонтальными поперечинами и поставленных на колеса. В средней своей части эти станины имели утолщения; в этих местах просверлены отверстия, сквозь которые пропущены расположенные горизонтально упругие канаты. Канаты эти проходят далее через четырехугольные втулки, где они закреплены железными чеками. Сквозь канат перпендикулярно к его оси проходит деревянный рычаг; в состоянии покоя он расположен под углом 60° к горизонтальной плоскости; в боевом положении этот угол уменьшается до 30°. На конце рычага укреплена праща. Рычаг оттягивается назад при помощи ворота и может быть закреплен в этом положении особой задвижкой. Затем в пращу вкладывали камень, и орудие было готово к выстрелу. Задвижку выбивали ударом молота, и рычаг под действием возвращающихся к исходному положению ка-

¹ По представлениям древних дикий осел, спасающийся от погони, отбрасывает копытами камни, метя в преследователей.

МАКЕДОНЦЫ В БОЮ

натов делал сильный размах, доходя до упора, где была подложена специальная подушка, смягчающая силу удара. Камень вылетает из пращи, «готовый сокрушить все, что попадается на его пути», сила толчка при этом такова, что приходилось помещать онагр на фундамент из пластов дерна, щеб-

Онагр

ня или из необожженного кирпича, во избежание быстрого расшатывания рамы. Дальнобойность онагра доходила до 350 м при весе ядра в 1,5 кг. Большой точности прицела при помощи онагра достигнуть было невозможно уже в силу самого использования в этом орудии принципа пращи, составляющего отличительную черту его конструкции.

Идея торсионных метательных орудий получила другое конструктивное оформление в стрелометах и камнеметах. Здесь

энергия двух упругих пучков передавалась при помощи тетивы метательному снаряду – стреле или камню, – движущемуся поступательно по направляющему желобу. Подобная конструкция давала возможность гораздо более точного прицела, чем у онагра.

Стреломет состоял из трех основных частей: рамы, направляющего желоба и станка. Рама, расположенная вертикально, образуется двумя горизонтальными просверленными станинами – перитретами, соединенными при помощи вертикальных стоек, – двух внешних и двух внутренних. В пространстве между внутренними стойками помещался направляющий желоб, а в промежутках между внутренними и внешними стойками размещались вертикально упругие канаты со вставленными в них рычагами. Главной конструктивной задачей было придать обоим пучкам одинаковую степень натяжения, так как в случае, если пучки были натянуты неравномерно, стрела уходила в сторону от цели. Натяжение пучков регулировалось особыми ключами. Концы рычагов стягивались тетивой; рычаги могли описывать между положением покоя и боевым положением дугу в 30° . По направляющему желобу, задняя половина которого образуется двумя зубчатыми рейками, двигался ползун, снабженный собачкой, а также спусковым приспособлением. В передней части ползуна находился зажим для тетивы с выемкой, в которую упиралась стрела; в задней части – петля, соединенная с крюком каната, идущего к вороту. Основной частью станка являлась вертикальная стойка, несущая вращающуюся муфту, с которой шарниром соединялся желобок, получавший свободное вращение как в горизонтальной, так и в вертикальной плоскости. Это имело первостепенное значение для точности прицела. Стойка укреплялась тремя неподвижными распорками и, кроме того, скреплялась подвижным соединением с укосиной, которая при помощи наклонной опоры поддерживала в нужном положении желоб. Для выстрела ползун со вложенной стрелой оттягивался при помощи ворота, затем при введении в действие спускового механизма зажим освобождал тетиву, которая сообщала стреле резкий толчок.

При обслуживании торсионного метательного орудия требовалось, в зависимости от его мощности, до семи человек для стрелометов и от четырех до десяти человек для камнеметов. Вероятно, искусный наводчик мог достигнуть безошибочного попадания из стреломета или камнемета в отдельных людей на расстоянии 100 шагов, а в более объемистые цели, например в группу людей, – до 200 шагов. Легкие стрелометы предназначались для стрельбы по живым целям, тогда как камнеметы и тяжелые стрелометы служили помимо этого также для обстрела артиллерии противника. При обстреле крепостей особенно часто камнеметы должны были разрушать легкие деревянные прикрития, служившие для защиты как людей, так и артиллерийских орудий. Лишь в исключительных случаях удавалось одним обстрелом из торсионных орудий разрушить городскую стену, как это случилось при осаде Родоса Деметрием Полиоркетом в 305–304 гг. до н. э. в результате восьмидневного обстрела. Впрочем, разрушенная стена представляла собой наскоро сооруженную постройку из необработанных камней.

Для защиты орудий в условиях полевой войны служили примитивные прикрития, как например куски дерна, фашины, доски, шкуры животных и т. д.; ими создавалась достаточная безопасность от действия легких стрелометов и ручного оружия. Впрочем, применение торсионных орудий в полевой войне было довольно ограниченным, очевидно, вследствие их громоздкости. Александр Великий успешно применял метательные орудия и в полевой войне: во время похода против иллирийцев (лето 335 г. до н. э.), когда Александр поставил свои орудия на берегу реки, чтобы помешать переправе неприятеля. Позднее, в столкновении со скифами на берегу Яксарта (329 г. до н. э.), применение катапульта позволило ему переправиться через реку; Арриан отмечает большой психологический эффект, который произвели эти орудия, когда у одного из скифских всадников на большом расстоянии щит и панцирь были пробиты насквозь. Тем не менее мы нигде не видим, чтобы орудия применялись в больших полевых сражениях Александра с персами (Граник, Исс, Гавгамелы).

Главной областью применения торсионных орудий в эпоху эллинизма стала осадная война. Здесь применение подвижных башен давало многочисленные возможности размещения орудий, чрезвычайно благоприятные для наступающего. Так, Деметрий Полиоркет (получивший свое прозвище Градоосаждатель за многочисленные успешные осады крепостей) при осаде Саламина на Кипре приказал построить исполинскую гелеполу – осадную машину, представлявшую собой высокую башню на катках, на нижних этажах которой помещались разнообразные камнеметы, метавшие камни весом до трех талантов (ок. 78.6 кг); на средних – тяжелые стрелометы; на верхних – легкие стрелометы и множество камнеметов. Похожие машины строил и македонский царь Филипп V.

Проблема преодоления долговременных сооружений крепостного типа разрешалась военной техникой эллинизма двумя принципиально различными способами: стены либо разрушали, либо сводили на нет те преимущества, которые стены доставляли защитникам. Для достижения второй цели сторона, штурмующая крепость, создавала различные вспомогательные сооружения, позволявшие подниматься на высоту крепостных стен или оказываться выше их. Решающую роль играло применение осадных подвижных башен.

До последнего десятилетия V в. до н. э. для преодоления крепостных стен греческое военное искусство знало три способа: применение лестниц, устройство земляных насыпей и постройку башен, позволявших осаждающему оказаться вровень со стенами крепости. Такая осадная техника была сопряжена со множеством неудобств, так как она требовала значительного времени и подвергала осаждающих неприятельскому обстрелу. Устройство же подвижных башен предоставило осаждающему все выгоды неподвижных башен и вместе с тем могло быть осуществлено в условиях полной безопасности.

Перелом в развитии военной техники в этом направлении был связан с нашествием карфагенян на сицилийские города в 409–407 гг. до н. э., происходив-

шим в условиях применения наиболее передовой военной техники того времени. Урок этот был хорошо усвоен сицилийскими греками, и в 397 г. до н. э. Дионисий Сиракузский проводил осаду Леонтин, уже применяя в самых широких размерах разнородные средства технической борьбы; в частности, он приказал соорудить широкую, длиною около 1 км, плотину по направлению к острову, на котором расположен был город, и по этой плотине передвинул к городским стенам свои шестиэтажные башни на колесах. В восточной Греции эту новую технику осадной войны начал применять Филипп II: его осады Перинфа (340 г. до н. э.) и Византия (339 г. до н. э.) были примерами широкого использования всех технических новшеств, какими только он мог располагать; в частности, Филипп соорудил здесь осадные башни вышиною в 80 локтей (ок. 35,5 м). В дальнейшем башни эти стали средством первостепенной важности в крепостной войне, и устройство их достигает высокой степени совершенства. Наиболее мощные и тяжелые подвижные башни стали называться «гелеполами» («берущими города»). Основным назначением подвижных башен было создать для осаждающих удобную исходную позицию на высоте крепостной стены или выше ее, позицию, с которой можно было бы эффективно обстреливать неприятельскую стену по верхнему ее краю и пространство за нею, а также непосредственно переходить на нее при помощи штурмовых мостиков. Поэтому в оборудование гелепола входила артиллерия разного калибра и разных типов, расположенная по ее этажам, а также штурмовые мостики.

Самые знаменитыми осадами эллинистического периода греческой истории были осады кипрского Саламина (306 г. до н. э.) и Родоса (305–304 гг. до н. э.); в обоих случаях немалую роль сыграли гелепола. В зависимости от задачи, стоявшей перед осаждавшими, т. е. от характера местности и высоты крепостных стен, могли изменяться размеры гелепола, однако во всех случаях гелепола представляла собою многоэтажное деревянное сооружение в форме усеченной пирамиды, поставленной на колеса (оси этих колес

могли переставляться и помещались под углом в 90° друг к другу).

Самые высокие из гелепол, о которых сохранились достоверные свидетельства, – это построенные инженерами Александра Диадом и Харием при осаде Тира. По словам Арриана, стены Тира возвышались над уровнем моря на 44,4 м. Основная часть города была расположена на острове, отделенном от материка проливом в 800 м ширины, глубиной, доходившей до 5,5 м; через этот пролив Александр устроил дамбу в 60 м ширины, и по ней двинулись к городским стенам две двадцатиэтажные восьмиколесные гелеполы в 53 м высоты. При подобных размерах сооружения опасным могло оказаться давление ветра; чтобы не быть опрокинутыми, башни должны были быть закреплены стропами.

Об общем впечатлении, которое производила подобная осадная башня на осажденных, рассказывает Плутарх в жизнеописании Деметрия Полиоркета (21): «Воевал он и с родосцами, союзниками Птолемея, и подвел к их стенам огромную гелеполу; основание ее было четырехугольное, причем каждая сторона четырехугольника равнялась сорока восьми локтям; в высоту же она имела шестьдесят шесть локтей, сходясь к вершине, которая таким образом оказывалась уже основания. Внутри она была разделена на многие этажи; сторона ее, обращенная к противнику, имела в каждом этаже бойницы, сквозь которые метали всякого рода снаряды; ибо башня полна была воинов, готовых ко всякому роду боя. И то, что она не шаталась и не качалась при движении, а прямо и устойчиво, сохраняя равновесие, подвигалась вперед с громким шумом и грохотом, вселяло в душу зрителей страх, смешанный с неким восхищением».

Еще более подробное описание гелеполы, построенной Деметрием для взятия Саламина на Кипре, содержится у Диодора: «Он выписал из Азии мастеров, а также железо, большое количество леса и потребное количество всего прочего. Скоро все было ему доставлено, и он построил сооружение, именуемое гелеполой. Каждая сторона ее имела в длину сорок пять лок-

МАКЕДОНЦЫ В БОЮ

тей, в высоту же она имела девяносто локтей, была разделена на девять этажей и вся была поставлена на четыре сплошных колеса, имевших восемь локтей в вышину. Построил он также громадные тараны и две черепахи с таранами. В нижних этажах гелеполы он разместил разнообразные камнеметы, из которых самые большие метали камни в три таланта; в средних – самые крупные стрелометы, а в верхних – самые легкие стрелометы и множество камнеметов. Свыше двухсот человек должны были надлежащим образом обслуживать эти орудия».

Поскольку основным средством борьбы с гелеполами со стороны осажденных был огонь – горючие составы, стрелы с горящей паклей и т. д., – на них должны были располагаться и огнетушительные средства. Чтобы подвести тяжелую башню к стене города, необходимо было предварительно проложить твердый и ровный путь для осадного орудия. Работы по прокладыванию такого пути производились под прикрытием передвижных щитов разных типов: от самых легких до более тяжелых, сплетенных из прутьев и переносившихся на руках, и самых тяжелых, которые приходилось перевозить. Задачей обороняющихся было устроить подкоп под проложенной для башни дорогой. Один из приемов борьбы с гелеполами заключался в том, что в землю закапывались большие глиняные сосуды; под тяжестью башни эти сосуды ломались, и происходил обвал, вызывавший деформацию и разрушение башни.

Одной из необходимых принадлежностей гелеполы был перекидной мостик, так называемая самбука, позволявшая осаждающим взбираться на неприятельскую стену. Самбука спускалась на стену при помощи канатов, пропускавшихся через блок, укрепленный на вертикальной балке. Самбука также применялась как самостоятельная военная машина.

Наряду с развитием метательных орудий, важную роль в осадной технике продолжали играть применявшиеся уже с давних времен стенобитные приспособления.

Одной из самых мощных стенобитных машин, имевшей во многих случаях решающее значение при

взятии укрепленных пунктов, был таран. Он представлял собой монолитную балку, снабженную с одной стороны наконечником из кованого железа, который насаживали на балку и скрепляли с нею обручами. Наконечник этот или был круглым, или его снабжали острым лезвием, или наконечник бивнем – прямым или гнутым. В последнем случае его называли «ворон» или «бурав». Различали два основных типа тарана. В одном случае таран двигали на катках, и тогда балка его получала четырехугольное сечение; в другом – его устраивали подвесным; при этом сечение балки обычно оставалось круглым. Таран первого типа считался более совершенным, так как давал возможность вернее направить удар. Тяжелый наконечник тарана уравновешивался тяжестью толстого конца балки; если же это оказывалось недостаточным, то прибегали к помощи свинцовых противовесов, чем одновременно увеличивалась масса тарана, и, следовательно, его эффективность. Иногда таран называли также «журавлем» – название, которое должно было бы относиться к одноногому, двуногому или треногому приспособлению для подвешивания тарана. Подвесные тараны держали обыкновенно на двух или четырех цепях, которые были помещены близко одна от другой, чтобы команда, обслуживающая таран, могла придавать определенное направление удару.

Тараны каткового типа двигались вдоль желоба по целой системе катков. Передвигали тараны того и другого типа или вручную, или при помощи ворота. Для защиты обслуживающего персонала применяли подвижные навесы, так называемые черепахи. Самые мощные тараны были использованы, по-видимому, Гегетором Византийским при осаде Родоса. Максимальная длина применявшихся на практике таранов, вероятно, составляла около 35,5 м.

Таран был самым мощным техническим средством для разрушения каменных сооружений. Яркую картину применения таранов дает Тит Ливий: «И вот уже громились тараном стены, и многие части их были поколеблены, в одном месте сплошные разрушения обнажили город: три башни подряд со всей находящейся

между ними стеной рухнули, издавая оглушительный грохот...» (осада Сагунта, 219–218 гг. до н. э.). «Башня, долго сотрясавшаяся, рухнула» (осада Орея, 200 г. до н. э.). «И часть стены, расшатанная ударами тарана, уже во многих местах рухнула; и по раскрытому проломе пути римляне ворвались ночью в крепость, расположенную над гаванью».

Кроме таранов, для разрушения стен применялись также буравы, располагавшиеся под прикрытием специально для этого предназначенной черепахи. Буравам придавали угол наклона к горизонтальной плоскости с таким расчетом, чтобы образующиеся от действия бурава осколки и пыль высыпались и не препятствовали его проникновению в стену. Для придания бураву вращательного движения использовался либо сверлильный пучок, либо обыкновенный ворот. Отверстия в стене просверливали рядами настолько близко одно от другого, чтобы части стены между ними легко можно было выломать вручную. В результате получалось отверстие настолько широкое, что два человека, стоя в нем спина к спине, имели возможность расширять брешь кирками; одновременно с этим применяли и деревянные крепления. Когда брешь достигала нужной глубины, деревянные стойки обмазывали смолой и серой, брешь заполняли хворостом и затем поджигали, отчего стена рушилась.

Для защиты от таранов и стенных буравов осажденные применяли прикрытия, затруднявшие доступ к каменной кладке: мешки, набитые мякиной, тюки шерсти, бычьи кожи, надутые или набитые мякиной. Помимо того, пускали в ход всякого рода средства прямого воздействия на эти осадные машины. Петлями или клещами старались захватить головную часть тарана и втащить его на стену. Кроме того, на тараны и обслуживающий их персонал сбрасывали тяжелые камни вручную и из метательных орудий, а также горючие вещества. Вегеций (ок. 400 г. н. э.) писал: «Некоторые спускают на веревках матрацы и подушки, защищая ими те места, в которые ударяет таран, чтобы натиск машины, ослабленный мягким материалом, не разрушил стены. Другие подцепляют таран петлями, а

затем множество людей со стены тянут таран вбок и опрокидывают его вместе с черепахой. Многие подвязывают на веревках железные зубья вроде клещей... которые захватывают таран и либо его опрокидывают, либо вздергивают его так, что он не имеет разгона для удара. Иногда со стен с размаху бросают крупные камни от фундаментов и мраморные колонны, сокрушая ими тараны. Если же мощь таранов такова, что пробита брешь и, как это часто случается, стена падает, то остается одно спасенье: разрушив дома, построить внутри другую стену, с тем чтобы истреблять противников, если они попытаются проникнуть в промежутки между двумя стенами».

Как одно из основных средств фортификационной войны и со стороны осаждающих и со стороны осажденных широко применялись подкопы. Подкопы под стены вели при помощи мин, и в конечном итоге они должны были вызвать разрушение стены. При подкопах применяли те же орудия, что и при рудничных работах. Орудия эти оказывались пригодными лишь для сравнительно мягких грунтов; скалистый же грунт обычно представлял для них непреодолимое препятствие.

Важнейшей задачей осажденных было, как правило, своевременно обнаружить направление неприятельской мины и начать вести контрмину с целью встретиться с противником под землей в наиболее выгодных для себя условиях. Интересно отметить применение резонирующих медных сосудов в качестве звукоуловителей, о чем, свидетельствует писатель IV в. до н. э. Эней Тактик, упоминающий также о применении удушающих веществ в условиях рукопашного боя под землей.

В этой связи заслуживает внимания сообщение Энея о том, что в подкопы впускали ос и пчел, чтобы сделать пребывание там затруднительным. А военный писатель Филон (III в. до н. э.) рекомендовал затоплять подкопы, пуская туда морскую воду при помощи водочерпательных сооружений.

Есть еще одна область военного дела, где эллинистические государства, не создавая ничего принци-

ально нового, но искусно используя в новой обстановке технические изобретения предшествующих эпох, добились высоких достижений, обусловивших эффективную организацию боевой мощи соответствующих стран. Это – техника связи, техника передачи известий – как правило, военного характера.

Наиболее примитивным типом такой сигнализации были применявшиеся с древнейших времен заранее условленные знаки: ночью – огонь, днем – дым от костра или факелов в том виде, как о них упоминает, например, Диодор в одном из мифологических разделов своей «Исторической библиотеки». Значительным усовершенствованием и усложнением этого вида сигнализирования было устройство целой цепи пунктов огневой сигнализации, делавшей возможной передачу вестей на огромные расстояния. Сильно пересеченная поверхность Балканского полуострова и островов Эгейского моря, обилие выступающих горных вершин, множество близко лежащих друг от друга островов – все это содействовало распространению сигнализации этого типа. О таком способе упоминает уже Геродот.

Есть основания полагать, что этого рода сигнализация применялась именно в Персии, где вообще уделялось большое внимание скорейшей передаче распоряжений и донесений. Если это так, то диадохам надо было только использовать уже налаженную систему и приспособить ее для своих надобностей, что они и начали делать. Антигон Одноглазый, один из самых энергичных и предприимчивых диадоров, устроил систему огневых сигналов во всей подвластной ему части Азии. Впоследствии такого же рода меры принимает македонский царь Филипп V (221–179 гг. до н. э.), чтобы на горе Тиссе в Фессалии получать спешные донесения из Фокиды и с Эвбеи. Его сын Персей пользовался такой же сигнализацией.

Во всех этих случаях ставилась, видимо, весьма ограниченная цель: передача какого-нибудь заранее условленного сообщения, обычно сигнала тревоги; и цель эта достигалась более или менее удовлетворительно. Важнейшим недостатком этого способа связи было отсут-

ствие дифференциации передаваемых сигналов. Предпринимались некоторые попытки для устранения этого недостатка. Так, античные свидетельства ус-танавливают различие между сигналами о приближе-нии друзей и сигналами о приближении противни-ков: в первом случае факелы держали неподвижно, во втором – ими быстро размахивали. Начало приме-нения этого способа Полибий относит к вторжению до-рийцев, но, несомненно, он имеет в виду общеупотре-бительные в его время методы. Искусно маневрируя и предварительно договорившись, можно было, в поряд-ке военной хитрости, такими сигналами намеренно вве-сти противника в заблуждение; все же возможности не-посредственной передачи оставались крайне скудными. Поэтому мысль античных теоретиков и практиков во-енного дела работала над улучшением зрительной сигнальной связи. Интересно упомянуть о двух мето-дах, которые излагает глубокий знаток военного дела Полибий. Первый из этих способов, по Полибию, был изобретен военным писателем Энеем Тактиком. Для передачи спешных сообщений нужно взять два оди-наковых глиняных сосуда глубиной в три локтя и ши-риной в локоть, снабженных отверстиями для стока воды. Сосуды наполняют водой и в них устраивают поплавки с укрепленными на них стойками, разделен-ными на равные части, которые снабжены надписями, по содержанию своему охватывающими важнейшие возможные типы военных донесений: «всадники втор-глись в страну» и т. п. Один из этих сосудов устанавли-вают на передающей станции, другой – на станции при-нимающей. Затем по сигналу передающей станции од-новременно открывают выпускные отверстия обоих сосудов, вода вытекает с одинаковой скоростью; когда деление с нужным донесением поравняется с краем со-суда, передаточная станция снова дает сигнал, по кото-рому отверстия следует закупорить. После этого на при-нимающей станции остается просто прочесть надпись на соответствующем делении стойки. Очевидно, что даже при безупречном и одновременном действии обо-их механизмов число возможных сообщений очень мало, и нет возможности обмениваться сообщениями.

МАКЕДОНЦЫ В БОЮ

Трудно сказать, применялись ли когда-либо на практике эти или подобные им сигнальные аппараты; Полиэн (II в. н. э.) говорит, правда, что карфагеняне, воюя в Сицилии, прибегали к подобному же сигнальному приспособлению, но истинность этого известия ставится под сомнение современными исследователями.

Значительно больший интерес представляет другой способ, о котором рассказывает Полибий и который был, по его словам, изобретен Клеоксеном и Демоклитом и усовершенствован им самим. Огромный шаг вперед знаменует в этом методе впервые примененный принцип передачи отдельных букв. Греческий алфавит, имеющий 24 буквы, делится на пять рядов по пяти букв; последний ряд остается неполным; каждый ряд получает номер от одного до пяти; в свою очередь в каждом ряду каждой букве присвоено определенное место, также обозначаемое цифрой. Для передачи любого сообщения – Полибий настойчиво рекомендует формулировать его как можно короче – следует поднимать факелы на двух помещенных рядом передаточных пунктах: число факелов, поднимаемых на левом пункте, обозначает номер ряда; число факелов на правом – номер буквы в соответствующем ряду; так, например, для передачи буквы «каппа» надлежало бы поднять два факела слева и пять – справа, поскольку эта буква стоит пятой во втором ряду. Для большей точности наблюдений Полибий советует пользоваться диоптром, зрительным прибором с двумя трубками. Несмотря на сложность и медленность такого способа передачи вестей – так, по мнению Г. Дильса, для передачи фразы из тридцати букв потребовалось бы около получаса, – принципиальное решение проблемы было найдено. К сожалению, не сохранилось античных свидетельств, которые бы подтверждали практическое применение этого способа.

Из остальных методов эллинистической техники передачи известий военного характера стоит упомянуть о голубиной почте и о различных способах тайнописи.

Элиан (ок. 200 г. н. э.) в своих «Пестрых рассказах» рассказывает о посылке голубя из Олимпии в Эгину с

вестью о победе Тавросфена (эта победа была одержана в 444 г. до н. э.); по словам Элиана, голубь покрыл это расстояние (ок. 160 км) в три часа. Если считать это известие достоверным, тем самым устанавливалась бы известная распространенность голубиной почты в доэллинистической Греции. Указанная Элианом скорость (ок. 50 км в час) довольно близко подходит к средней скорости полета современных почтовых голубей (до 75 км в час). Вероятно, и эллинистические армии применяли с этой целью голубей.

Виды тайнописи, которые получили широкое распространение в эпоху эллинизма, подробно описывает еще Эней Тактик: «Что касается тайных писем, то есть много всяких способов посылать их. Однако необходимо, чтобы и отправляющий, и получающий заранее договорились между собой. Наиболее скрытными могут быть такие способы.

Например, одно письмо было послано следующим образом. В тюк или другую какую-то поклажу была вложена книга или какая-то иная рукопись – безразлично, какого размера и сколь давняя. В ней было написано письмо точками, поставленными над буквами первой, второй или третьей строки, причем точками по возможности маленькими и неразличимыми ни для кого, кроме того, кому письмо предназначено. Когда книга приходила затем к кому следовало, он выписывал, ставя одну возле другой, помеченные буквы из первой, второй и других строчек и таким образом узнавал сообщаемое. Если кто-либо пожелает сообщить немного, то и это он может сделать способом, подобным описанному. Написав письмо о чем-либо открыто, со всеми подробностями, надо в этом письме сделать то же самое, помечая буквы, посредством которых дашь знать то, что пожелаешь. Ставить значки надо так, чтобы они были возможно менее заметны (или точки, далеко отстоящие друг от друга, или более длинные, т. е. черточки). У других людей это не возбудит подозрения, а для того, кому предназначено письмо, оно будет понятным...

Сообщение об измене было однажды доставлено предателем в расположенный напротив вражеский

лагерь следующим образом. Одному из всадников, отправляющихся из города поживиться за счет противника, зашили под нижнюю каемку панциря письмо. Ему было предписано в случае, если враг каким-либо образом проявит себя, как бы невзначай свалиться с лошади и сдаться в плен, а оказавшись во вражеском лагере, отдать письмо кому следовало. Всадник сослужил эту службу столь же верно, как брату брат. Другой человек, отправляя всадника, зашил письмо в ремень уздечки...

Бывало, что некоторые, написав на каком-либо по возможности более тонком свитке длинные строчки мелкими буквами, чтобы письмо возможно легче сгибалось, затем накладывали его на плечевую часть хитона и закрывали складками носимой поверх накидки; таким образом, перенос письма не вызывает подозрений, когда кто-либо набрасывает накидку и так несет письмо...

В Эпире многие использовали собак следующим образом. Уведя ночью цепную собаку, прилаживали ей вокруг шеи кожаный ошейник, в который было зашито письмо. Затем отпускали ее ночью или днем, и она немедленно старалась вернуться туда, откуда была уведена. Таков же и фессалийский способ... О подобного рода вещах следует проявлять заботу привратнику, чтобы не укрылось ничего из того, что ввозится в город — ни оружие, ни письма».

ВОЙНЫ ДИАДОХОВ

Сразу после смерти Александра начался распад созданной им державы. Свыше 40 лет на ее территории происходили нескончаемые войны, которые вели полководцы великого царя, претендовавшие на его наследие. Из всех эллинистических царей первого поколения после Александра (диадохов, буквально «наследников») только Птолемей умер естественной смертью; все остальные были убиты либо на поле брани, либо стали жертвами династических заговоров.

К моменту кончины Александра его держава включала, наряду с Балканским полуостровом и островами

Эгейского моря, Малую Азию, Египет, всю Переднюю Азию, южные районы Средней Азии и часть Центральной Азии до течения Инда. Впервые в истории такая обширная территория оказалась объединенной в рамках одной политической структуры. Однако держава Александра представляла собой конгломерат разнородных областей, соединенных гением и волей великого царя и сдерживавшихся в одном государственном объединении силой оружия. Армия была важнейшей политической силой и материальной опорой этого государства; она и определила формы управления им после смерти Александра.

Непосредственно после смерти Александра борьба за власть развернулась между одним из вождей пехотинцев Мелеагром и командующим конницей гетайров Пердиккой. Пердикка единственную надежду на свое спасение полагал в смерти Мелеагра и считал нужным захватить этого пустого и неверного, готового на немедленный переворот и крайне враждебного человека. В один из дней Пердикка «с одним отрядом стал объезжать ряды пехоты, требуя на расправу, по настоянию Пердикки, зачинщиков смуты, за которыми должен был сам наблюдать; он угрожал в случае их упорства бросить на них всю конницу и слонов. Пехотинцы были поражены неожиданной угрозой, и сам Мелеагр растерялся и пал духом. При создавшемся положении самым безопасным казалось выждать и не ускорять судьбу. Тогда Пердикка, увидев их смущение и покорность, отделил от остальных примерно триста человек, которые последовали за Мелеагром, когда он вырвался из первого собрания, происходившего после смерти Александра, и на глазах у всего войска подставил их слонам. Все они были растоптаны этими зверями... Это явилось предзнаменованием и даже началом гражданских войн среди македонцев. Мелеагр поздно понял хитрость Пердикки... вскоре он отчаялся в спасении, так как видел, что враги его злоупотребляли на его погибель именем того, кого он сам поставил царем, и укрылся в храм. Но даже святость места его не спасла, и он был убит», – пишет Курций Руф (X, 9, 21).

Таким образом, гетайры сумели навязать пехоте соглашение, по которому целостность державы сохранялась. Наследниками Александра были провозглашены Арридей (получивший тронное имя Филипп III)¹ и рожденный Роксаной спустя некоторое время после смерти Александра его сын Александр IV. Однако фактически власть оказалась в руках небольшой группы знатных македонян, и ранее занимавших высшие военные и придворные должности. Регентом фактически стал Пердикка. Кратер, находившийся в это время в пути, сопровождая ветеранов, возвращавшихся на родину, был назначен простатом (что реально означала эта должность, до сих пор неясно). Управление Македонией и Грецией было оставлено за Антипатром; Фракию получил Лисимах. Сатрап Великой Фригии Антигон, чьи позиции в Малой Азии были наиболее прочны, получил в дополнение к своей области Ликию и Памфилию. Передачу Египта в свое управление добился Птолемей Лаг; восточные области остались под властью сатрапов, назначенных Александром. Его секретарь грек Эвмен из Кардии получил Ликию и Памфилию, которые лишь номинально входили в державу Александра. Селевк был назначен командующим конницей.

Известие о смерти Александра вызвало новый подъем антимакедонского движения в Греции, центром которого стали Афины. Афинский совет пятисот вступил в переговоры с Леосфеном, одним из командиров наемников, принимавших участие в походах Александра (этот афинский гражданин первое время находился с отрядом в 8 тысяч человек в Южном Пе-

¹ По традиции почти все историки называют Арридея «слабоумным». Однако, судя по разночтениям у античных авторов в характеристике его болезни, вполне вероятно, что он страдал эпилепсией или каким-то другим нервным заболеванием, вызванным враждебным отношением и пугающим поведением Олимпиады (к сожалению, рукопись Плутарховой биографии Александра, где рассказывается о том, что Арридей был некогда вполне нормальным мальчиком и что его запугала Олимпиада, обрывается именно на этом месте. (См. Плутарх, Александр, 77). Во всяком случае, поведение Арридея в разгар кризиса из-за престолонаследия после смерти его брата, несомненно, свидетельствует о величии души этого человека (см. Курций Руф, X, 8).

лопоннесе). На призыв Афин начать антимакедонскую войну откликнулись Этолия, Фокида, Локрида, часть Фессалии, некоторые города Пелопоннеса. Армии союзников под командованием Леосфена удалось оттеснить войска Антипатра за Фермопилы и осадить их в г. Ламии (поэтому данную войну 322–321 гг. до н. э. называют Ламийской). После этого к союзу присоединились Аргос, Коринф и оставшиеся фессалийцы. Но с подходом войск Кратера баланс сместился в сторону македонцев. Греки потерпели поражение на суше у Краниона и на море у о. Аморгос. Антипатр наложил на побежденные Афины контрибуцию, в Мунихии разместил македонский гарнизон, а часть афинян, лишившаяся гражданских прав из-за повышения македонянами имущественного ценза, была переселена Антипатром во Фракию.

В это время¹ правитель этой области Лисимах вел здесь войну с царем фракийского племени одрисов Севтом III, пытаясь вернуть их под власть македонян.

Пердикка стремился укрепить свое положение на востоке: он подчинил Каппадокию; по его разрешению сатрап Мидии Пифон подавил восстание греков и македонян, которые покинули свои гарнизоны в Бактрии и двигались на запад, намереваясь вернуться на родину. Однако поход Пердикки в Египет против Птолемея, захватившего отправленный в Македонию саркофаг с телом Александра оказался для регента роковым: армия взбунтовалась и он был убит своими соратниками (321 г. до н. э.) в Малой Азии. Примерно в то же время в стычке с войсками Эвмена, оставленного Пердиккой для обороны тыла, погиб Кратер.

После этих событий, в том же году, в Трипарадесе (Сирия) произошло новое распределение должностей и сатрапий. Регентство перешло к правившему Македонией и Грецией Антипатру; вскоре к нему была перевезена царская семья. Полномочия стратега-автократора («верховного главнокомандующего») Азии получил Антигон; под его командованием оказались

¹ К сожалению, сохранившиеся в источниках сведения о периоде борьбы диадохов за власть отрывочны и весьма запутаны.

и все находившиеся там войска Александра. Таким образом, хотя центр державы переносился на запад, реальное значение должности регента умалялось. Было произведено перераспределение ряда сатрапий; в частности, Селевк получил Вавилонию, Антигону было поручено устранить опасность со стороны Эвмена и других бывших сторонников Пердикки. Эти договоренности, достигнутые в Трипарадесе, свидетельствуют о том, что уже тогда, при номинальном единстве державы под властью македонской династии, диадохи начали отходить от организационного единства государства Александра.

В 319 г., когда Антигон уже почти полностью вытеснил Эвмена из Малой Азии, умер Антипатр, передав свои полномочия Полисперхонту¹. Регентство этого военачальника не признали Кассандр, Антигон, а также Лисимах. Полисперхонт, в свою очередь, сблизился с Эвменом и Певкестом² и от имени царей назначил первого из них стратегом Азии (вместо Антигона). Получив полномочия распоряжаться царской казной для вербовки наемников, Эвмен быстро набрал значительную армию, и война диадохов разгорелась с новой силой.

Чтобы ослабить Кассандра, гарнизоны, которого стояли во многих греческих городах (в том числе и в Афинах), и привлечь их на свою сторону, Полисперхонт от имени царей издал указ о восстановлении в Греции «свободы» (т. е. политического статуса, существовавшего до Ламийской войны; см. Диодор, XVIII, 56), в результате чего в Афинах и ряде других городов произошли антиолигархические перевороты. Он также пригласил в Македонию мать Александра Олимпиаду, живущую в Эпире при дворе своего брата, взять на себя воспитание внука. Олимпиада во главе небольшого войска, состоявшего из эпиротов, вошла в Македонию, где захватила и казнила Филиппа

¹ Полисперхонт (385 – ок. 303 г. до н. э.) родом из Тимфеи, преданный полководец Филиппа и Александра; командир таксиса фаланги, участник битв при Ипсе и Гавгамелах.

² Певкест – сатрап Персиды, союзник Эвмена.

Арридея, его жену, а также еще нескольких знатных македонян, включая брата Кассандра. Достигнув решительных успехов в борьбе с Полисперхонтом и подчинив себе ряд греческих городов (включая Афины), Кассандр двинулся в Македонию, окружив город Пидну, где укрылась Олимпиада, и после длительной осады в 316 г. до н. э. добился ее выдачи. Передав Олимпиаду для суда войсковому собранию, он, с помощью родственников казненных ею знатных македонцев, добился осуждения ее на казнь. Роксана с сыном также оказались в руках Кассандра.

К 316 г. до н. э. самым могущественным из диадохов стал Антигон, одержавший победу над Эвменом и несколькими другими сатрапами Азии. Кроме Вавилонии, Мидии и Персиды, под его властью оказалась большая часть Малой Азии. Наряду с этим в его руках сосредоточились огромные средства, позволявшие содержать многочисленных наемников. В 315 г. до н. э. Антигон возвестил, что принимает на себя регентство в империи. Тем самым он открыто поставил себя над прочими диадохами, которые, само собой разумеется, не приняли этой узурпации, хотя она якобы была санкционирована войсковым собранием македонян в Тире.

Угроза со стороны Антигона вынудила Птолемея, Селевка¹ и Кассандра заключить против него союз, к которому вскоре примкнул Лисимах, дотоле не вмешивавшийся в борьбу диадохов, поскольку был занят укреплением и расширением своих владений во Фракии и на западном побережье Черного моря.

Война между Антигоном и его противниками велась как на суше, так и на море и шла с переменным успехом. Осторожный Птолемей не хотел использовать значительные силы на далеком расстоянии от Египта. Однако поскольку действия египетского флота не на-

¹ В 316 г. до н. э. Селевк, чувствуя, что ему не устоять перед могуществом сатрапа Азии Антигона, который требовал у него отчета об управлении в Вавилонии, в сопровождении 50 воинов бежал из своей сатрапии в Египет, где с почетом был принят Птолемеем, на службе у которого оставался до 312 г. до н. э.

МАКЕДОНЦЫ В БОЮ

носили Антигону существенного ущерба, Селевк, страстно желавший вернуться в Вавилонию, уговорил Птолемея начать сухопутную кампанию в том месте, где противник был весьма уязвимым – в Сирии (до которой от Египта было недалеко).

В 314 г. до н. э. защиту этой очень важной в стратегическом отношении территории Антигон доверил своему сыну Деметрию (впоследствии ¹, приставив к нему целый штат военных советников, среди которых были такие испытанные офицеры, как Неарх (знаменитый адмирал Александра Великого), Пифон и др.

После первоначальных столкновений войск противников на равнинах Киликии весной 312 г. до н. э. последовала битва при Газе, в которой Птолемей и Селевк, командовавшие армией в 18 тысяч пехоты и 4 тысячи конницы, одержали блестящую победу над Деметрием. Деметрий, уступавший противникам в пехоте (12 500 человек) и чуть превосходящий в численности конницы (4400 всадников), основные надежды возлагал на своих 43 боевых слонов. Однако Птолемей и Селевк применили военную хитрость, вбив в землю столбы и прикрепив к ним железные цепи, в которых слоны запутались. Равным образом не достигла цели и кавалерийская атака, предпринятая Деметрием с левого фланга, а действия центра, как и правого крыла, не смогли изменить судьбу сражения в пользу Деметрия. Сын Антигона потерял 500 человек убитыми, а 8 тысяч были взяты в плен.

Поражение при Газе имело далеко идущие последствия для государства Антигона: Селевк, который теперь смог возвратиться в свою сатрапию Вавилонию, в последующие годы создал за счет Антигона огромную империю, чему последний не сумел помешать, поскольку ему приходилось постоянно вести борьбу на нескольких фронтах.

¹ Деметрий, способный, но весьма легкомысленный полководец, стремился во всем копировать своего кумира – Александра, даже во внешних проявлениях: например, в характерном наклоне головы вправо (эта манера была хорошо известна всем по статуям Лисиппа, любимого скульптора Александра).

Еще до битвы при Газе Антигон попытался закрепиться во Фракии. Судя по всему он инспирировал восстание против Лисимаха западно-понтийских городов в союзе с соседними фракийскими и скифскими племенами. В поддержку восставшим Антигон отправил флот и сухопутное войско, однако Лисимах успешно справился с противниками, не дав им объединиться.

Свидетельством того, что ни одна из противоборствующих сторон не достигла своих целей, явился мир, заключенный в 311 г. до н. э. между Антигоном, Птолемеем, Лисимахом и Кассандром. Антигон принял Кассандра стратегом Европы; Кассандру пришлось согласиться с предоставлением независимости греческим городам; Птолемей отказался от притязаний на Сирию, а Лисимах – на Геллеспонтскую Фригию. В данном мирном договоре еще упоминался царь Александр IV, однако это было уже чистой фикцией, т. к. единой державы уже не существовало, и диadoхи выступали как независимые правители подвластных им территорий.

Вскоре (не позднее 310 г. до н. э.) по приказанию Кассандра сын Александра Великого и его мать Роксана были убиты и таким образом исчезла последняя формальная связь между частями державы великого царя.

С целью завладеть Македонией Антигон начал подготовку плацдарма в Греции. На островах Эгейды под его протекторатом был организован союз островитян (несиотов) с центром на Делосе. К числу наиболее важных военно-политических успехов Антигона относится завоевание Афин, осуществленное в 307 г. до н. э. его сыном Деметрием. Неожиданным рейдом флот под командованием Деметрия овладел афинской гаванью Пиреем, а затем, после непродолжительной осады, была захвачена крепость Мунихий, после чего Деметрий с триумфом вошел в Афины. Горожане, которые процветали под управлением наместника Кассандра Деметрия Фалерского, провозгласили Деметрия и его отца Антигона «царями» и «богами-спасителями», а к своим «10 филам»¹

¹ Фила – административная единица в Аттике.

МАКЕДОНЦЫ В БОЮ

добавили еще две, назвав их Антигониадой и Деметриадой.

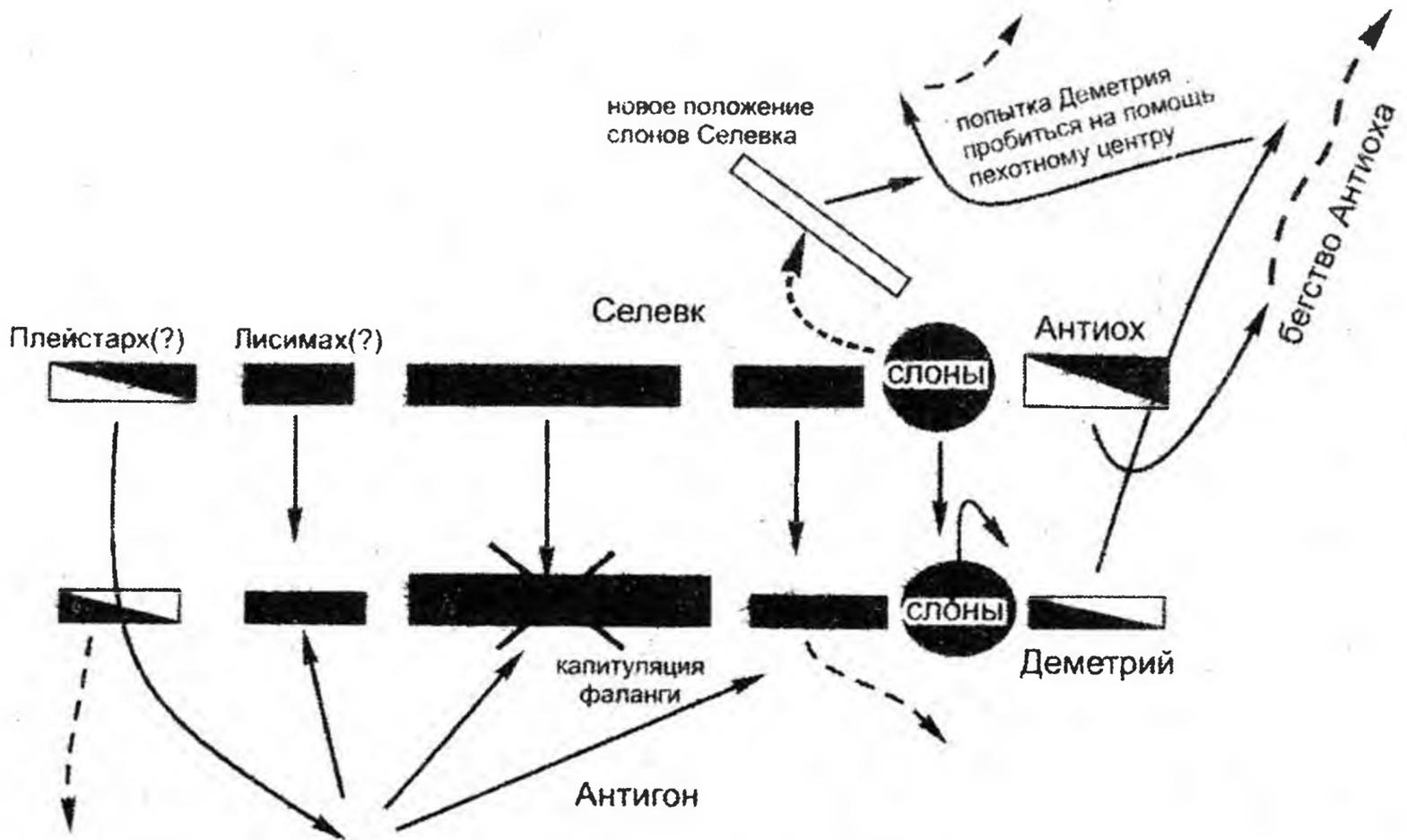
Но военные успехи в Греции в значительной степени зависели от господства на море, где самым мощным флотом, базами и портами в соседних с ним греческих полисах располагал Птолемей. Поэтому большое значение имела для Антигона победа, одержанная над флотом Птолемея у кипрского Саламина в 306 г. до н. э. В этом бою, где Деметрий Антигонид использовал в условиях сражения на море косою строй Эпаминонда, противник потерял большую часть своих военных и половину транспортных кораблей. После этой победы Антигон присвоил себе и Деметрию царские титулы (сделав его тем самым своим соправителем и преемником), заявив претензии на македонский престол. Реакция со стороны противников не заставила себя ждать: Птолемей, Селевк, Лисимах, а затем и Кассандр (в 304 г. до н. э.) также провозгласили себя царями.

В октябре 306 г. до н. э. Антигон предпринял поход против Египта, но из-за осенних бурь его флот понес большие потери, а сухопутное войско не сумело преодолеть заграждения, сооруженные Птолемеем около крепости Пелусий.

Неудачи в Египте Антигон решил компенсировать захватом острова Родос, который являлся одним из наиболее важных союзников Птолемея как в экономическом, так и в стратегическом отношении.

Пока Деметрий осаждал Родос, в Греции за счет Антигона сумел добиться больших успехов Кассандр. Первоочередной задачей Деметрия стало помешать македонскому правителю захватить власть и в других греческих городах. Здесь Антигонид преуспел: он сумел вернуть очень важную в стратегическом отношении Халкиду на острове Эвбея, утраченные ранее владения Азии (в числе прочего остров Саламин), занял военную крепость Гераклея у Фермопил. Кроме того, Деметрий сумел без боя получить власть в Сикионе, а главное, в одном из ключевых городов Пелопоннеса – в Коринфе, который со своей неприступной цитаделью – Акрокоринфом стал оплотом македон-

ских владений в Греции на многие десятилетия¹. Все эти успехи привлекли на сторону Деметрия беотийцев и этолийцев.

Битва при Ипсе

Весной 302 г. до н. э. Деметрий заново основал Коринфский союз, который являлся точной копией аналогичного союза, созданного после Херонейской битвы Филиппом II (оба союза были симмахиями, т. е. одновременно наступательными и оборонительными союзами). Новое объединение охватило почти всю Грецию, за исключением Спарты; вне его осталась также Фессалия, многие районы которой контролировались гарнизонами Кассандра. После битвы при Ипсе (см. ниже) этот союз стал распадаться, лишь некоторые греческие общины сохранили верность сыну Деметрия Антигону Гонату.

¹ В 243 г. до н. э. Коринф был захвачен главой Ахейского союза Аратом, но в 224 г. вновь перешел под власть македонян.

МАКЕДОНЦЫ В БОЮ

Объявив Грецию «свободной», Деметрий двинулся в Фессалию, угрожая уже не только Кассандру, но и Лисимаху.

Кассандр стал вдохновителем новой коалиции против Антигона и Деметрия. В эту коалицию наряду с Лисимахом вошли также Птолемей и Селевк, который, пользуясь тем, что силы Антигона были сконцентрированы на западе, значительно укрепил свои позиции на востоке.

Союзники планировали окружить Антигона со всех сторон. Чтобы справиться с врагами, Антигон решил отозвать своего сына Деметрия из Греции, благодаря чему Кассандр сумел отправить часть своего войска в Малую Азию, поскольку в Греции можно было обойтись меньшим числом бойцов.

На море господствовал Деметрий, однако объединению Лисимаха и Селевка на суше (в Великой Фригии) помешать не удалось. До генерального сражения Антигон попытался вынудить Селевка отступить в Вавилон, для захвата которого отрядил специальный отряд. Но Селевк никак не отреагировал на этот отвлекающий маневр; он понимал, что решающая битва должна произойти в Малой Азии, а другие участки войны по своему значению второстепенны.

Летом 301 г. до н. э. армии Антигона с одной стороны и Селевка и Лисимаха с другой сошлись на равнине близ города Ипс. Сейчас неизвестно, где именно находилось это место, однако, по мнению большинства современных историков, Ипс лежал недалеко к югу от Синнады.

По сообщению Плутарха (Деметрий, 28), у Антигона было собрано свыше 70 тысяч пехоты, 10 тысяч конницы и 75 слонов. Союзники располагали войском в 10 500 всадников, 400 слонов, 120 боевых колесниц и 64 тысячи пехотинцев.

Единственное сохранившееся описание битвы при Ипсе принадлежит перу Плутарха (Деметрий, 28–30). При всей обрывочности повествования греческого историка мы можем примерно реконструировать расстановку войск и ход битвы. По всей видимости, на правом крыле войска Антигона стояла элитная конни-

ца под командованием Деметрия. Ближе к центру располагались слоны, окруженные легковооруженными солдатами. В середине находились фаланга и гипасписты под командованием самого Антигона. Левый фланг занимала легкая конница.

Строй союзников располагался следующим образом: слева были сосредоточены лучшие всадники во главе с Антиохом, сыном Селевка. Далее стоял ударный отряд слонов. В центре находилась фаланга и гипасписты, справа и слева от них стояли отряды наемников-пельтастов. Правый фланг занимала конница под командованием Плейстарха.

По словам Плутарха (Деметрий, 29), «Деметрий во главе многочисленной и отборной конницы ударил на Антиоха, сына Селевка. Он сражался великолепно и обратил неприятеля в бегство, однако слишком увлекся преследованием». Пока Деметрий преследовал бегущую конницу Антиоха, слоны Селевка, числом впятеро превосходившие противника, одержали победу над слоновым корпусом Антигона. Союзники одержали победу и на правом фланге, где легкая конница Антигона была обращена в бегство.

Исход битвы должен был решиться в противостоянии фаланг. Антигон имел численное преимущество в пехоте, но для того, чтобы начать атаку, он ждал возвращения кавалерии своего сына. Однако Деметрий уже не мог соединиться с пехотой – путь ему тем временем успели загородить вражеские слоны (Плутарх, Деметрий, 29).

Селевк, опасавшийся нападать на численно превосходящих пехотинцев, решил воспользоваться ситуацией, когда и сам Антигон не мог развернуть атаку. Союзники окружили фалангу Антигона и, с одной стороны, теснили ее, а с другой, открыто призывали воинов Антигона перейти на свою сторону. Так как престарелый полководец медлил с приказом о наступлении, все еще надеясь на помощь сына, значительная часть фаланги откололась и сдалась, а остальные пустились бежать (Плутарх, Деметрий, 29).

Теперь враги тучей устремились на Антигона, и кто-то из приближенных воскликнул: «Царь, они метят в

МАКЕДОНЦЫ В БОЮ

тебя!» – «Какая же еще может быть у них цель? – возразил Антигон. – Но Деметрий подоспеет на выручку». Эту надежду он сохранил до конца и все озирался, ища глазами сына, пока не пал, пронзенный сразу несколькими пущенными в него копьями.

Деметрию удалось только собрать остатки своей армии и бежать в Эфес, который даже после битвы при Ипсе сохранял верность сторонникам Антигона. В его распоряжении кроме все еще сильного флота оставались некоторые города Малой Азии, Финикии и Греции, Кипр и некоторые острова Эгеиды. Владения Антигона в Малой Азии отошли к Лисимаху, прочие сатрапии Антигона достались Селевку; Птолемей, не участвовавший в битве, занял Келесирию (Южную Сирию).

Историческое значение этой битвы Г. Бенгтсон определяет так: «Сражение при Ипсе было одним из тех, которые определяли дальнейшую судьбу древнего мира. Рассыпалась в прах мечта о единой империи, которую вынашивали Антигон и Деметрий; доказали свое превосходство силы партикуляризма, нашедшие воплощение в Лисимахе и Селевке, будущее отныне должны были определять лишь компактные территориальные государства».

Поскольку Деметрий, несмотря на поражение, располагал флотом и важнейшими гаванями в Финикии, Селевк, который стремился обладать всем этим и которого отнюдь не устраивал тот факт, что Келесирией владел Птолемей, решил сделать недавнего врага своим союзником, для чего женился на его дочери Стратонике (299/298 г. до н. э.).

После смерти Кассандра (вероятно, в 298 г. до н. э.) Деметрий вновь осадил Афины с суши и с моря, отбил нападение флота Птолемея, пытавшегося оказать городу помощь. После долгой осады Афины капитулировали (295 г. до н. э.), что явилось для Деметрия сильным укреплением его материального и политического положения (хотя этот город уже и не имел того политического значения, как до битвы при Аморгосе в 322 г. до н. э.).

Но в это же время Деметрия настиг и целый ряд неудач. Его попытка захватить Спарту полностью прова-

лилась: спартанцы даже нанесли отступавшему войску Деметрия ощутимые потери. Кроме того, Птолемей захватил Кипр, а Лисимах – владения Деметрия на западе Малой Азии (в том числе крупнейший торговый центр Милет).

Тем не менее в 254 г. до н. э. Деметрию удалось завладеть короной македонских царей и сохранять ее до 287 г. до н. э. После смерти Кассандра его вдова, дочь Филиппа II Фессалоника, претендовала на власть в Македонии, требуя беспрекословного подчинения от всех своих сыновей от Кассандра (Филиппа, Антипатра и Александра), что закончилось ее убийством по распоряжению Антипатра. Другой сын, Александр, в борьбе за власть призвал на помощь эпирского царя Пирра, который в награду за поддержку потребовал Западную Македонию. К Македонии также подходил с войском Деметрий. После встречи с Александром Деметрий организовал его убийство, в дальнейшем оправдав свое преступление тем, что Александр якобы сам собирался убить своего гостя.

Как бы то ни было, Деметрий, выступивший с пламенной речью, в которой доказывал неспособность сыновей Кассандра к управлению и напоминал об истреблении Кассандром семьи Александра Великого, сумел завоевать расположение македонского войска, и оно провозгласило его царем Македонии. Тем самым Деметрий достиг положения, дававшего ему преимущество над всеми прочими диадохами. Прежде всего, под его началом оказалось непобедимое македонское войско.

Такое возвышение Деметрия не могло устраивать его соседей, Пирра и Лисимаха, поскольку нарушалось равновесие между государствами диадохов (Лисимах в первую очередь был озабочен ситуацией в проливах – Геллеспонте и Боспоре, а также на островах Эгейды).

Собственно Македония была новому царю достаточно безразлична. «Деметрий был типичным эллинистическим властителем... Для него воины были не люди, а единственно и исключительно власть, количество и боевая мощь войска и флота, поскольку только они шли в расчет в войнах диадохов», – пишет Г. Бенгтсон.

МАКЕДОНЦЫ В БОЮ

Чтобы легко достигать своих основных владений, Деметрий основал новую столицу, город Деметриаду, на берегу Пагассейского залива в Фессалии. Археологические раскопки этого города показали, что это была сильная крепость, окруженная прочными стенами с мощными башнями. Доступ в город можно было легко перекрыть. Найденные здесь надгробные стелы свидетельствуют о том, что этот процветающий город был населен выходцами из самых разных областей. В Деметриаде были построены арсеналы и склады для всевозможных припасов, а также корабельные верфи.

Для того чтобы связать свои владения в Македонии, Фессалии и Греции, Деметрий в 292 г. до н. э. начал кампанию в Беотии, которая до этого времени сохраняла свою независимость. (Поводом к войне для македонского царя послужило вторжение в Беотию спартанцев.) Но прежде чем Деметрий начал подводить к стенам Фив¹ свои осадные машины, беотийцы капитулировали.

Вскоре, однако, Фивы вновь взбунтовались и Деметрию пришлось их осаждать. После захвата города царь, который обычно милосердно обращался с врагами, на сей раз приказал казнить защитников. Сохранился исторический анекдот: во время этой осады Антигон Гонат, сын Деметрия, упрекнул отца в том, что тот не щадит жизни солдат, на что Деметрий ответил, что таким образом избавляется от лишних едоков.

Самым серьезным противником Деметрия был эпирский царь Пирр.

Пирр был опасен Деметрию своей исключительной популярностью у македонцев вследствие своих выдающихся воинских качеств. Кроме того, эпирский царь лично едва ли мог смириться с тем, что его жена Ланасса, дочь сиракузского тирана Агафокла, пригласив к себе на остров Керкиру Деметрия, вышла за него замуж и принесла ему в приданое не только этот остров, но еще и остров Левкаду, благодаря чему македон-

¹ Разрушенные в 335 г. до н. э. Александром Фивы были восстановлены Кассандром.

ский царь приобрел отличные позиции для будущей западной политики. Однако из-за войны с Пирром Деметрию пришлось отказаться от далеко идущих планов и сосредоточиться на Македонии, где эпирский царь в 289 г. до н. э. разбил македонское войско, которым командовал стратег Пантавх, причем в плен к Пирру попало не менее пяти тысяч человек.

В 287 г. до н. э. в Македонию вторглись Пирр и Лисимах, которых поддержал флот Птолемея. Деметрий же, который интенсивно готовился к экспедиции в Малую Азию, для чего собрал 100-тысячную сухопутную армию и флот в 500 кораблей, в это время был болен. Узнав о нападении врагов, царь с 10 тысячами воинов бежал в Малую Азию.

После скитаний по Малой Азии с постоянно таявшим войском, Деметрий в конце концов сдался своему зятю Селевку (286 г. до н. э.) и умер в качестве почетного пленника (283 г. до н. э.). Своему сыну Антигону Гонату и своим офицерам в Греции он передал послание, в котором просил, чтобы его считали покойником. Жена Деметрия Филадельфия, не желая видеть позора мужа, приняла яд. Антигон же, стремясь освободить отца, даже великодушно предлагал себя в качестве заложника. К просьбе Антигона присоединялись и другие властители. Возможно, Селевк пошел бы навстречу этим просьбам, если бы не ненависть к Деметрию со стороны Лисимаха, который, в свою очередь, якобы даже предлагал Селевку деньги за смерть бывшего македонского царя.

В описании Плутарха Деметрий предстает как храбрый воин и решительный полководец, которого любит его войско. В то же время у Диодора (XX, 52) Деметрий не столько блестящий военачальник и политик, сколько легкомысленный человек, не сумевший сохранить даже то, что оставил ему отец.

Смерть Деметрия освободила место для Пирра, эпирского царя, который, правда, пробыл царем Македонии не более семи месяцев (Павсаний I, 10, 2). Заключив мирный договор с сыном Деметрия Антигоном Гонатом, владевшим многими греческими городами, Пирр готовился отразить наступления Лисимаха. Од-

нако в битве под Эдессой Лисимах победил, и Пирр утратил Македонию. Для Лисимаха захват Македонии стал роковым: его бывший союзник Селевк превратился во врага и сам предъявил претензии на македонский трон.

ВОЙНЫ ЗА МАКЕДОНИЮ

Уже во время совместных действий против Деметрия между Лисимахом и Селевком возникли противоречия, которые еще усилились, когда Лисандра, вдова одного из сыновей Лисимаха Агафокла, вместе со своим братом Птолемеем Керавном и братом Агафокла Александром обратилась за помощью к Селевку (при этом Селевк якобы пообещал Керавну, лишённого его отцом Птолемеем I наследства, восстановить его на египетском троне). Но разлад в доме Лисимаха был лишь поводом, неизбежного всеобщего столкновения между союзниками. Причиной были объективные государственные противоречия между ними. Селевк не мог не воспользоваться тем обстоятельством, что Лисимах не имел в Малой Азии особой популярности. Эту ситуацию ранее хотел развить Деметрий, планируя свой малоазийский поход.

После ряда локальных битв (кстати, частью войска Селевка командовал сын Лисимаха Александр) Селевк взял Сарды (пообещав гигантскую награду за голову коменданта крепости Феодота: Полиэн, 4, 9, 4), а в начале 281 г. до н. э. армии Селевка и Лисимаха сошлись при Курупедионе (Корупедион) близ Магнесии, у горы Сипила¹. Это сражение закончилось поражением Лисимаха, который пал смертью храбрых, сраженный копьем. Малоазийские греческие города, рассчитывая на покровительство победителя, торопились всячески засвидетельствовать ему свою покорность. Ненависть к власти Лисимаха проявлялась самым жестоким об-

¹ Здесь же в 190 или начале 189 г. до н. э. римляне одержали решающую победу над царем Антиохом II Великим.

разом¹. В то же время часть бывших подданных Лисимаха, прежде всего те, которые входили в Северную лигу (Гераклея Понтийская, Калхедон, Византий и др.), были настроены к своему властителю враждебно.

Тем не менее это обстоятельство не могло служить серьезным препятствием для Селевка: поскольку Фракия и Македония остались без правителя, победитель чувствовал себя законным наследником Лисимаха и готовился отправиться в Европу. Однако Селевк пережил своего бывшего союзника всего на семь месяцев (Юстин, XVII, 2): после переправы через Геллеспонт около города Лисимахии правитель Азии пал от руки своего друга и гостя Птолемея Керавна (это произошло между 26 августа и 25 сентября 281 г. до н. э.).

«Своему сыну и наследнику Антиоху I, которому он перед выступлением в Европу вручил наместничество над всей переднеазиатской империей, Селевк оставил гигантскую территорию, простиравшуюся от Геллеспонта почти до самой Индии, область, какую со времени Александра Великого никто еще не сосредотачивал в своих руках. Созданное Селевком государство могло быть сопоставимо лишь с империей Александра. Эта держава была родиной многих народов и племен, среди которых важнейшими были македоняне и иранцы. Казалось, что здесь еще раз нашла свое воплощение заветная идея Александра. Однако этому государству не хватало прародины – Македонии, и стремление присоединить к своей державе эту последнюю привело Селевк к гибели», – пишет Г. Бенгтсон. Немецкий исследователь справедливо полагает, что «во многих отношениях Селевк предстает как второй Александр, и его не без основания называли в древности вторым основателем Македонской империи и победителем победителей. Это были высшие титулы славы. Они показывают, что Селевк, пожалуй, был бы способен еще раз объединить в одних руках державу Александра. Судьба отказала ему в достижении этой последней и высшей

¹ Так, вдове Лисимаха с трудом удалось бежать из Эфеса на корабле, только благодаря тому, что вместо нее была убита одна из ее служанок, надевшая на себя платье царицы.

МАКЕДОНЦЫ В БОЮ

цели, и тем не менее итог его почти восьмидесятилетней жизни далеко выходит за обычные человеческие рамки».

Несмотря на злодеяние, совершенное Птолемеем Керавном, македонское войсковое собрание провозгласило его своим царем – «событие, выставляющее в ярком свете упадок политической морали» (Г. Бенгтсон). Новый царь стал естественным соперником для Пирра, который был готов силой оружия добиться македонской короны. Но в это время Тарент, крупнейший город Южной Италии, обратился к эпирскому царю с просьбой оказать ему помощь в борьбе с римлянами, и Пирр предпочел отправиться в Италию, помирившись с Птолемеем Керавном, который предоставил в его распоряжение свои войска для намеченного похода. «Этих-то войск и будет недоставать Македонии, когда с севера к ее границам приблизятся племена кельтов», – замечает Г. Бенгтсон. Таким образом, со смертью Селевка, который ненадолго стал царем Македонии, ушло из жизни поколение преемников Александра (еще в 283 г. до н. э. умер Птолемей Лаг), 40 лет оспаривавшее власть над Македонией, Грецией, Востоком. К этому времени держава великого македонского царя окончательно распалась на три части: Македонию, царство Селевкидов и Египет. Кроме того, на окраинах бывшей державы Александра появился целый ряд независимых территорий под управлением местных царей или отложившихся греко-македонских сатрапов¹.

Но и при следующем поколении преемников (эпигонах) ни царство Антигонидов, ни держава Селевки-

¹ Селевк вынужден был признать независимость индийских территорий державы Александра, захваченных Сандракоттой (Чандрагуптой). Из владений Лисимаха выделилась Вифиния (297 г. до н. э.). Позднее отложился Пергам (262 г. до н. э.). В Бактрии ее наместник Диодот формально признавал власть Селевка, но фактически отложился, добавив к своим владениям Маргиану и Согдиану, и в 250 г. до н.э. провозгласил себя царем Греко-бактрийского царства. На территории Парфии процесс ее отпадения начался сразу после смерти Александра, хотя образовалось самостоятельное Парфянское царство в 248–247 гг. до н. э.

дов, ни Египет не имели четких границ. Эпигоны и их потомки постоянно воевали, оспаривая друг у друга Эгеиду, города Малой Азии и Финикии.

В начале 279 г. до н. э. три группы кельтов – галатов¹ с Дуная начали продвижение на Балканский п-ов (Павсаний, X, 15–23). Одну из этих групп, вторгшихся в Македонию, возглавлял Болгий. Птолемей Керавн, с презрением отвергнув все требования варваров и высокомерно отказавшись от помощи дарданов, дал кельтам бой, в котором македонская армия потерпела жестокое поражение. Слон, на котором восседал Птолемей Керавн, был ранен, царь попал в плен, где, по кельтскому обычаю, был обезглавлен. Около двух лет кельты разоряли Македонию (население спасалось только в укрепленных городах), пока не осели в Иллирии.

Вторая группа кельтов под водительством Бренна вторглась в Среднюю Грецию. Здесь при попытке ограбить дельфийское святилище Аполлона кельты были отражены фокийцами, а затем разгромлены этолийцами.

Третья волна кельтов затопила Фракию. Часть их осталась здесь, угрожая соседям новыми вторжениями, другая (в 278 г. до н. э.) переправилась в Малую Азию, где после ряда опустошительных походов они поселились на территории, названной по их имени Галатией.

После гибели Птолемея Керавна правил его брат Мелеагр, который вскоре был свергнут из-за неспособности к управлению. Затем (всего 45 дней) Македонию возглавлял Антипатр, племянник Кассандра. Антипатра сменил некий Сосфен, который отказался принять царский титул и назывался стратегом. Этого «имперского главнокомандующего» наголову разбил Бренн перед своим неудачным походом на Дельфы.

¹ Кельтами античные авторы называют многочисленные племена, обитавшие на территории Центральной Европы от Испании до западной границы Украины. Во времена вторжения этих племен в Македонию и Грецию в конце 1-й четверти III в. до н. э. появляется их новое название «галаты».

МАКЕДОНЦЫ В БОЮ

В это время борьбу друг с другом за македонский трон начали сын Деметрия Полиоркета Антигон Гонат и сын Селевка I царь Антиох I. Но, судя по всему, военные действия между ними продолжались недолго. Вскоре был заключен мир, по которому Антиох отказался от Македонии, а Антигон – от Малой Азии, вотчины его деда и отца¹.

Договор с Антигоном позволил Антиоху сконцентрировать свои силы на борьбе с наводившими ужас на малоазийские греческие города кельтами-галатами, которых царь сумел разгромить в так называемой битве слонов².

Группа кельтов, вторгшаяся во Фракию, попыталась захватить греческие города Херсонеса Фракийского (полуостров Галлиполи). Варвары были с трудом отбиты, но вблизи г. Лисимахия их войско (насчитывавшее до 18 тысяч человек) было полностью разбито (это произошло в 277 г. до н. э.)³.

Захватив с помощью пиратов мощную крепость Кассандрию, которой управлял жестокий тиран Аполлодор, и отвоевав Фессалию, Антигон Гонат стал в 276 г. царем Македонии (несомненно, предварительно обеспечив себе поддержку македонского войскового собрания). С анархией в Македонии было покончено, но продолжались разногласия с Пирром.

Антигон не откликнулся на просьбу эпирского царя прислать ему подкрепление в Италию. Возвратившись оттуда в Эпир в 275 г. до н. э., Пирр вторгся в Западную Македонию. Когда весной 274 г. до н. э. Пирр неожиданно напал на Антигона, его войско пришло в замешательство и беспорядок (а не менее 2 тысяч солдат перешло к Пирру), Антигон с немногими верными

¹ Антигон укрепил свою связь с недавним врагом династическим браком, женившись на сестре Антиоха Стратонике.

² После этой битвы кельты-галаты осели в Центральной Анатолии. Сильные и воинственные галаты пользовались большим спросом в качестве наемников у эллинистических правителей.

³ В дальнейшем кельты, разместившиеся во Фракии, образовали здесь свое государство, которое было неприятным соседом для греческих городов Западного Причерноморья, но в Македонию и Грецию эти варвары уже не вторгались.

людьми бежал в Фессалонику, отдав Верхнюю Македонию Пирру¹.

Эпирский царь властвовал также и в Фессалии. Антигон сумел сохранить за собой только несколько городов на побережье Нижней Македонии. В 273 г. до н. э. Антигон потерпел поражение от сына Пирра Птолемея и вскоре лишился бы всех своих оставшихся владений в Македонии, если бы Пирр не перенес войну против своего врага в Пелопоннес, где находились другие владения Антигона. Здесь Пирр надеялся достичь решающего преимущества над врагом. Кроме того, к Пирру обратился спартанец Клеоним с просьбой восстановить его на троне в Спарте. Клеоним считал, что имеет полное право на этот трон, как сын царя Клеомена II, но дядя Клеонима Арей изгнал его из Спарты.

Хотя Пирр располагал значительным войском, походу с самого начала не сопутствовала счастливая звезда. Пелопоннесцы не ожидали ничего хорошего от Пирра, особенно спартанцы были полны недоверия, а все греческие города, сохранившие свободу, боялись за свою независимость. Антигон же благодаря этой операции Пирра получил крайне важную для него передышку, возможно, уже к началу 272 г. до н. э. восстановил свой контроль над Македонией и Фессалией; затем он двинулся в Коринф.

Вероятно, роковым для Пирра было то обстоятельство, что он недооценивал своих противников. Одержав на поле боя победу над спартанцами, аргивянами и мессенцами, Пирр не стал сразу штурмовать Спарту, а удовольствовался тем, что опустошил поля Лаконии, и лишь после этого перешел в атаку. Было потеряно драгоценное время: спартанцы сражались героически. Когда исход битвы висел на волоске, спартанцам пришла помощь извне: Антигон Гонат послал им из Коринфа наемников под командой стратега Аминия, а с Крита поспешно прибыл царь Арей и привел в город допол-

¹ Кельтские наемники Пирра отличались такой алчностью, что разграбили гробницы македонских царей в Эгах. Это злодеяние существенно убавило авторитет Пирра в глазах не только македонцев, но и греков.

нительные подкрепления. Все же Пирр поначалу не думал уходить из Лаконии. Не имея возможности удержать за собой саму Спарту, он все же остался в укрепленном лагере вблизи города. Именно здесь, в этом лагере, чуть севернее Спарты, Пирр, должно быть, и принял план двинуться на Аргос, с тем чтобы там прийти на помощь одному из своих приверженцев. Если Пирр рассчитывал добиться успеха, ему следовало провести это предприятие с большой поспешностью, ибо с другой стороны, с севера, на Аргос двигался с войском Антигон Гонат. Спартанцы, по-видимому, пристально следили за передвижениями Пирра – во всяком случае от них не укрылся отход его войска. Арей устроил вражескому войску засаду, вследствие чего значительная часть воинов Пирра оказалась отрезана от основной армии. В этой битве пал старший сын Пирра Птолемей. Так или иначе, в Аргос эпирский царь явился слишком поздно. Антигону удалось раньше него достичь города и занять на высотах к западу от Аргоса укрепленную позицию. Приверженец Пирра Аристей открыл эпироту одни из городских ворот, через которые часть его войска сумела проникнуть в город. Это были прежде всего кельты, расположившиеся на торговой площади Аргоса.

Однако Пирр совершил ошибку, решившись ввести в город через узкие ворота своих слонов, где они лишь мешали передвижению и вызвали страшный беспорядок. Возникли также затруднения и для конницы Пирра. Неразбериха в городе еще больше увеличилась, когда в него вступил со своим отрядом сын Пирра Гелен, которому неверно передали приказ отца. В создавшейся суматохе кельты в войске Пирра были разбиты спартанцами, а сам Пирр был убит куском черепицы, сброшенным с крыши старухой-аргивянкой. Один из солдат Антигона, Зопир, отрубил Пирру голову. Труп был опознан сыном Антигона Галкионеем и доставлен царю. Галкионей бросил голову Пирра к его ногам. «Взглянув и узнав Пирра, Антигон палочными ударами прогнал сына, называя его варваром и нечестивцем, а потом, прикрыв глаза плащом, заплакал, вспомнив о деде своем Антигоне и об отце Деметрии, которые в его собственной семье являли пример переменчивости судьбы. Ук-

расив голову и тело Пирра, он предал их сожжению, а когда Галкионей встретил Гелена, жалкого, одетого в бедный плащ, и, дружелюбно приветствовав его, привел к отцу, Антигон сказал: «Сейчас, мой сын, ты поступил лучше, чем тогда; но ты сделал неправильно, не сняв с него этой одежды, ибо больше, чем его, она позорит нас, которых считают победителями». После этого он по-дружески принял Гелена и, пристойно одев его, отправил в Эпир, а заняв лагерь Пирра и захватив в плен все его войско, обошелся с его друзьями кротко и благосклонно», – пишет Плутарх (Пирр, 34). Поведение Антигона завоевало ему сердца даже его прежних недругов.

После смерти Пирра Антигон оказался перед дилеммой: что стоит сохранить в Элладе, а от чего следует отказаться. Ведь ресурсы его страны – как людские, так и денежные – были недостаточны, чтобы держать под своим контролем всю Грецию от Фессалии до южной оконечности Пелопоннеса. Руководствуясь этими соображениями, Антигон превратил Коринф с его неприступной цитаделью Акрокоринф в центр своей власти в Греции, позаботившись об обеспечении хорошего взаимодействия между гарнизонами, расквартированными на греческой территории и в Македонии. В Пелопоннесе Антигон предпочел опосредованную форму господства: здесь в основном правили тираны, опиравшиеся в своих городах на македонскую партию. В случае опасности они зависели от военной помощи царя или его наместника. «Это было, возможно, самое слабое место в державной системе Антигона. Хотя повсюду имелись македонские приверженцы, но по сравнению со всей массой свободолюбивых греков они определенно находились в меньшинстве, их власть держалась на острие македонского копья», – замечает Г. Бенгтсон.

Поэтому неудивительно, что вскоре против Антигона в Греции сформировался союз, начавший так называемую Хремонидову войну (около 267–261 гг. до н. э.)¹.

¹ Название этой войны, подробности и даже хронология которой точно неизвестны, происходит от имени афинского политика Хремонида, одного из главных инициаторов создания антимакедонского союза.

В этот союз вошли Афины, Лакедемонский союз (куда, кроме Спарты, входили Эгеида, Ахайя и некоторые города Аркадии и Крита) под руководством спартанского царя Арея и Египет. Однако македонский царь, хотя и не скоро, но, судя по всему, достаточно легко справился со своими противниками. По сообщению Павсания (III, 6, 4–5), Антигон выступил против Афин на суше при поддержке флота. Опустошив Атику, он блокировал город. Войска Лакедемонской коалиции не смогли пройти через Истм, так как Антигон сосредоточил против них значительные силы в районе Коринфа. В битве, произошедшей здесь в 265 г. до н. э., пелопоннесцы были разбиты, а царь Арей убит. Попытка египетского флота прорвать блокаду Афин закончилась неудачей, и афиняне были вынуждены заключить с Антигоном сепаратный мир (видимо, осенью 262 г. до н. э.). По каким-то неизвестным причинам афиняне вскоре возобновили борьбу с Антигоном, но вынуждены были капитулировать, после чего в Афины был введен македонский гарнизон (вероятно, в 261 г. до н. э.). Афины на какое-то время потеряли политическую свободу – ими стали управлять назначенные Антигоном чиновники во главе с македонским губернатором.

Не исключено, что заключительным актом Хремонидовой войны явилась морская битва у острова Кос, в которой флот Антигона разбил флот Птолемея II. Ряд историков относит это морское сражение уже ко Второй Сирийской войне (260–253 гг. до н. э.). В результате этой войны между Птолемеем II с одной стороны и Селевкидом Антиохом II, Антигоном Гонатом и их союзниками – с другой Македония практически ничего не получила.

Уже в весьма преклонном возрасте Антигон вынужден был вести еще одну войну с Египтом и вновь в союзе с Селевкидами, так называемую Третью Сирийскую (246–241 гг. до н. э.). Ее ярким эпизодом стала морская битва при острове Андрос (вероятно, в 245 г. до н. э.), в которой семидесятичетырехлетний Антигон победил молодого Птолемея III. Тем не менее война завершилась тем, что Египту удалось вернуть пре-

жние владения Птолемеев в Малой Азии и Эгеиде, а также присоединить новые территории в Сирии.

Нужно сказать, что начиная с этого времени в военно-политической ситуации в Греции, которая ранее была яблоком раздора преимущественно между Антигонидами и Лагидами, начинают играть все более заметную роль две силы – Этолийский и Ахейский союзы¹.

Этолийская федерация, возникшая еще в IV веке до н. э. из союза этолийских племен, заслужила большой авторитет в эллинском мире тем, что в 279 г. до н. э. сумела отстоять Дельфы от нашествия кельтов. После этого к этолийцам присоединились их соседи в Средней Греции.

Во время Хремонидовой войны в занимавший нейтральную позицию этолийский союз были включены Фокида, северная Локрида, южная часть Акарнании. В 245 г. до н. э. к союзу был насильственно присоединена Беотия. Таким образом, не вступая в отдельный конфликт с Македонией, этолийцы объединили все государства Средней Греции (кроме Аттики, где стоял македонский гарнизон).

Ахейский союз, распавшийся во время войн диадохов, возродился в 280 г. до н. э. во многом благодаря стремлению городов Северного Пелопоннеса противостоять экспансии этолийцев, объединивших под своей эгидой не только территории, лежавшие на противоположном берегу Коринфского залива, но и ряд земель на Пелопоннесе (Мессения, Элида и др.).

¹ Эти соседи имели федеративное устройство, основанное на равноправии и полной автономии входивших в него членов (все входившие в союз общины сохраняли свой политический строй и самоуправление). Для поддержания целостности и независимости союза требовалась достаточно мощная, в большей или меньшей степени профессиональная армия и значительные средства на ее вооружение и содержание (даже в том случае, если она состояла из граждан союза). Ахейский союз, который шире использовал наемников, частично покрывал расходы за счет средств, поступающих из Египта, правители которого стремились таким образом влиять на ситуацию в Греции. В Этолии, где еще была жива древняя практика военных походов предпринимавшихся в частном порядке командирами отдельных отрядов и кораблей, войско в какой-то степени содержало себя само.

МАКЕДОНЦЫ В БОЮ

Решающим моментом в истории Ахейского союза явилось присоединение к нему в 251 г. до н. э. крупного города Северного Пелопоннеса Сикиона.

Важную роль в этом событии сыграл уроженец Сикиона Арат, который явился инициатором свержения в родном городе промакедонской тирании, а затем стал наиболее видным политическим деятелем в федерации.

Благодаря Арату Ахейский союз превратился в сильнейшего противника Македонии на Пелопоннесе. Это произошло после того, как в 243 г. до н. э. с небольшим отрядом Арат захватил Коринф, изгнав оттуда македонский гарнизон. После этой дерзкой военной операции город вместе с его гаванью, Лехеем, был включен в Ахейский союз, к которому вскоре присоединились Мегары, Эпидавры, Трезен. Арат пытался также освободить от македонского гарнизона Афины, но не получил поддержку от их граждан.

В борьбе с Аратом Антигон нашел союзников в лице этолийцев, враждовавших с ахейцами. Однако ни этолийцы, ни македонский царь не смогли добиться в борьбе с ахейцами решающего результата, и поэтому противники в 241 г. до н. э. заключили мир.

После смерти Антигона Гоната¹ его преемник Деметрий II (239–229 гг. до н. э.) попытался восстановить влияние Македонии в Греции, пошатнувшееся после

¹ Античная традиция сохранила об этом выдающемся правителе много анекдотов. Так, Элиан рассказывает, что своему сыну, притеснявшему своих подданных и проявившему к ним заносчивость, Антигон сказал: «Разве ты не знаешь, что наша царская власть есть славное служение?» «Отец и сын олицетворяют здесь два различных мнения: сын – что все подданные должны служить правителю, а отец – что царь обязан оказывать услуги своим подданным. Между тем как другие эллинистические правители рассматривали свою страну как свою собственность, по примеру, поданному когда-то великими сицилийскими тиранами, Антигон подчеркивает не права царей, а их обязанности, учение же об обязанностях и было зерном стоической философии. Благодаря таким представлениям Антигон неизмеримо возвышается над остальными эллинистическими монархами, жизнь которых не всегда соответствовала этическим принципам античной концепции правителя», – замечает Г. Бенгтсон.

захвата ахейцами Коринфа. Его деятельность привела к сближению Ахейского и Этолийского союзов и их совместной и длительной войне с македонским царем. Но начавшиеся вторжения иллирийцев вынудили Деметрия сосредоточить свои силы на северных границах Македонии. Здесь в 229 г. до н. э. в битве с дарданами его войско было разбито, а сам он погиб, после чего иллирийцы заняли Северную Македонию. Воспользовавшись ситуацией, отпала Фессалия, а этолийцы вторглись в юго-западные районы Македонии. Афиняне за выкуп в 150 талантов добились вывода македонского гарнизона из Пирея. На Пелопоннесе тираны Аргоса, Мегалополя и ряда других городов, не получая помощи от македонцев, отказались от власти, а эти города присоединились к Ахейскому союзу. Но уже через год преемник Деметрия Антигон Досон (229–221 гг. до н. э.) сумел вернуть под македонский контроль Фессалию и восстановить влияние Македонии в Средней Греции, а в последующие годы – на Пелопоннесе и в Эгеиде.

Когда погиб Деметрий II, его сыну и наследнику Филиппу было 8 лет. Двоюродный брат Деметрия II Антигон Досон поначалу управлял Македонией как стратег, а уже затем, по решению македонского войскового собрания, как царь, взяв в жены вдову Деметрия, мать Филиппа.

Антигон Досон (его прозвище, вероятно, означает «тот, кто вернет власть») в критическое для страны время проявил себя с самой лучшей стороны, отразив вторжение дарданов. В 227 г. до н. э. он совершил морскую экспедицию в Карию, где захватил целый ряд территорий. Но гораздо более важным его деянием было создание в 224 г. до н. э. Эллинского военного союза (симмахии), деятельность которого прежде всего была направлена против спартанского царя-реформатора Клеомена III. Этот энергичный правитель и талантливый полководец, замысливший воскресить былую славу Спарты, создал сильную армию, доведя численность гоплитов до 6 тысяч человек и вооружив их сариссами по македонскому образцу. Однако летом 222 г. до н. э. в битве при Селласии объединенные

силы македонцев и ахейцев¹, численно превосходившие войска Клеомена, разбили спартанцев, после чего Спарта была включен в Эллинский союз, а в город был введен македонский гарнизон. Через несколько месяцев после этих событий Антигон Досон умер от туберкулеза.

ФИЛИПП V И ВОЙНЫ С РИМОМ

В это время в Греции вновь начались военные действия между этолийцами и ахейцами; борьба шла прежде всего за влияние в Мессении и Спарте. В 220 г. до н. э. в качестве протектора Эллинского союза молодой македонский царь Филипп V (221–179 гг. до н. э.) возглавил армию, выступившую против этолийцев. Для войны, получившей название Союзнической, были характерны (с обеих сторон) разрушительные грабительские вторжения¹. Так, летом 219 г. до н. э., когда Филипп V осаждал крепость Амбрак в Эпире, этолийцы вторглись в Македонию. Они разграбили город Дион с его святилищем Зевса, которое было сожжено, и разбили скульптурные изображения македонских царей. Осенью того же года этолийцы причинили большой ущерб знаменитому святилищу Зевса в Додоне (Эпир). Летом 218 г. до н. э. македоняне под предводительством Филиппа V напали на город Ферм, неукрепленный центр этолийского союза, изобиловавший храмами с многочисленными статуями, при этом храмы были разрушены, а статуи разбиты.

Война парализовала всякую деловую жизнь: никто не был застрахован от грабежей и контрибуций. Несмот-

¹ Руководство Ахейского союза, много лет возглавлявшее борьбу против Македонии, потерпев ряд поражений от Клеомена III, обратилось за помощью к Антигону Досону. По словам Плутарха (Клеомен, XVI), Арат «в страхе перед уничтожением богатства и обличением мук бедности (речь идет о социальных реформах царя Клеомена. – *Авт.*) подчинил ахейцев и самого себя приказам македонских сатрапов».

² Варварские разрушения, которыми сопровождалась эти кампании, были «признаком растущего огрубения нравов и исчезновения прежней веры в богов» (Г. Бенгтсон)

ря на то что в ходе Союзнической войны не происходило крупных сражений, людские потери были весьма ощутимыми¹. Так, Полибий (V, 94–5; 95.10) сообщает, что только элейцы после двух боевых столкновений потеряли не менее 600 убитыми и 280 пленными.

Между тем в лагере македонян возникли серьезные противоречия: появились две группировки, одна поддерживала Арата² и Ахейский союз, другая действовала против ахейцев. В еще большей степени, чем непримиримые противоречия в среде ближайшего окружения македонского царя, к решению заключить мир (естественно, на приемлемых условиях) его склоняло осознание того факта, что война бесперспективна, поскольку силы соперников истощились.

Осенью 217 г. до н. э. при посредничестве нейтральных общин (Родоса, Хиоса, Византия) и царя Птолемея IV между враждующими сторонами был заключен мир (практически на условиях *status quo*). Это был последний мир, заключенный между греками и македонцами без вмешательства римлян³.

Незадолго до Навпактского конгресса (летом 217 г. до н. э.) в Македонию пришло известие о том, что в ходе Второй Пунической войны карфагеняне (пунийцы) под началом Ганнибала наголову разбили римлян у Тразименского озера. С этого момента Филипп V начал подумывать о ликвидации римского протектората в Иллирии, который был установлен после Первой Иллирийской войны (229 г. до н. э.) и являлся плацдармом для римских операций на Балканах. Но для осуществления экспедиции в Иллирию Филипп не располагал необходимым военным флотом. «Македонских финансов было недостаточно, чтобы наряду с большим сухопутным войском содержать еще соразмерный с

¹ В Греции во 2-й половине III в. до н. э. не было избыточного населения тем более, что многие эллины уже давно служили в качестве наемников вдали от родины.

² Арат из Сикнона (271–213 гг. до н. э.) – крупный политический деятель и многолетний стратег Ахейского союза.

³ На опасность влияния Рима в Греции обращал внимание Филиппа V этолиец Агелай в речи, произнесенной на конгрессе в Навпакте (см. Полибий, V, 103,9).

ним флот. Помимо денег, недоставало также морского персонала, каким, например, располагали Птолеми. Примечательно, что Филипп немедленно отказался от морской экспедиции против иллирийского вождя Скердилаида (она должна была начаться с Кефаллегии), как только пришло известие, что римляне будто бы направили военную эскадру из Лилибея (в Сицилии) в сторону Иллирии. Разведывательная служба Филиппа оказалась в данном случае совершенно несостоятельной, ибо римляне смогли тогда отрядить для действий в Иллирии всего-навсего десять кораблей. Но Филипп тотчас оставил начатое предприятие (лето 216 г.), что свидетельствовало о его страхе перед римлянами», — пишет Г. Бенгтсон.

После поражения, которое летом 216 г. до н. э. римляне потерпели от Ганнибала при Каннах, Филипп отправил к нему посольство, и в 215 г. до н. э. между македонским царем и карфагенским полководцем был заключен договор. Обе стороны обязались совместно вести войну против римлян и заключать мир только по обоюдному согласию. Договор предусматривал раздел сфер интересов (естественно, предусматривалась ликвидация римского протектората в Иллирии) и районов боевых действий, но его реализация зависела от успешных действий карфагенян в Италии.

Несмотря на свое тяжелое положение, римляне отправили в Адриатическое море эскадру, демонстрируя своим иллирийским подданным, что не собираются бросать их на произвол судьбы. Что касается Филиппа, то без активной поддержки греков он не мог рассчитывать на успех в Иллирии, а они не стремились напрягать свои истощенные Союзнической войной силы в предприятиях македонского царя против иллирийцев и римлян. Тем не менее, поскольку вытеснение римлян из Иллирии стало для Филиппа буквально вопросом жизни, македонский царь начал осуществление своего плана. Это и привело к войне с Римом.

Первая македонская война (215–205 гг. до н. э.) по сути была войной Македонии с ее греческими противниками, примкнувшими к Риму (Этолией, Спартой, Пергамом и др.). С военно-исторической точки зрения

боевые действия, происходившие в этой войне, не имели особого значения. Мир, заключенный в г. Фойнике (в Эпире), не принес выгоды никому, кроме римлян, которые сумели разрушить альянс между Филиппом и Ганнибалом (карфагеняне в мирном договоре даже не упоминались).

Вскоре после окончания войны (вероятно, в 204 г. до н. э.) умер Птолемей IV Филопатор. Его преемник Птолемей V Эпифан был еще ребенком, поэтому Филипп V предложил правителю Селевкидской державы Антиоху III заключить договор о разделе внешних владений Египта.

Для осуществления своих экспансионистских планов царю Македонии был необходим флот, интенсивное строительство которого и началось в 203 г. до н. э. Энергичными действиями Филипп быстро поставил под свой контроль принадлежавшие Птолемеям греческие полисы на Геллеспонте, в Малой Азии и в бассейне Эгеиды.

Эти завоевания привели Филиппа к конфликту с этолийцами и, что было особенно серьезно, с родосцами, которые не желали мириться с македонским контролем над проливами. Противником Филиппа выступил также пергамский царь Аттал I. Произошло две морских битвы. Если в 201 г. до н. э. в сражении при Ладе союзники потерпели поражение, то у Хиоса они победили, после чего Филипп перенес свои военные операции на материк, в Карию. Здесь он оказался блокирован родосцами, но в 200 г. до н. э. сумел вырваться и морем возвратиться в Македонию.

Но еще до этих событий, осенью 201 г. до н. э. в Рим, только что успешно завершивший Вторую Пуническую войну, прибыли послы из Родоса и Пергама с целью побудить его вмешаться в их конфликт с Македонией, что в середине 200 г. до н. э. римляне и сделали, потребовав у Филиппа прекратить все военные действия против греков и возвратить завоеванные им территории в Малой Азии. Филипп, не желавший объявлять войну Риму, попытался затянуть переговоры. Однако после вторжения македонской армии в Аттику римляне сами объявили Филиппу войну за нападение

МАКЕДОНЦЫ В БОЮ

на союзника Рима – Афины. В Македонию отправились два легиона под командованием консула Публия Сульпиция Гальбы.

Поначалу Филипп на суше успешно противостоял римлянам (правда, в 200–199 гг. до н. э. никаких серьезных сражений между противниками не происходило), однако на море его флот оказался слабее объединенных сил Родоса, Пергама и Рима. В упорной борьбе победили римляне, привлечшие на свою сторону этолийцев (сентябрь 199 г. до н. э.). Новый военачальник римлян, молодой консул Тит Квинкций Фламинин с удвоенной энергией принялся действовать против македонцев. В битве на реке Аой (лето 198 г. до н. э.) Фламинину благодаря предательству эпиротов удалось окружить укрепленный лагерь армии Филиппа и нанести македонцам чувствительное поражение. Чтобы обезопасить Фессалию и Македонию от вторжения, Филипп, потеряв свои первоначальные позиции, проводил на оставляемых территориях политику выжженной земли, а жителей уводил с собой. После перехода в октябре 198 г. до н. э. на сторону римлян Ахейского союза Филипп предложил начать мирные переговоры, которые, однако, завершились безрезультатно. После этого для решающей кампании Филипп был вынужден призвать в свое войско не только давно уволенных со службы ветеранов, но и подростков, не имевших какой-либо военной подготовки. Ценой напряжения всех сил государства Филиппу удалось довести численность своей армии до 26 тысяч человек.

В 197 г. до н. э. Фламинин завладел Фивами и, усилив свою армию вспомогательными греческими отрядами, двинулся в Фессалию. В области Фер у Киноскефал («Собачьи головы» – по форме холмов) две армии столкнулись, и дело дошло до решающей битвы. По численности армии были равны, но римляне имели преимущество в коннице; кроме того, в армии Фламинина были захваченные у карфагенян боевые слоны. Однако во время предварительной рекогносцировки македонские отряды заставили отступить первые ряды римлян. Филипп, до этого сомневавшийся в том, стоит ли давать генеральное сражение, решил, что победа у него

в руках. Полибий (XVIII, 23–26) оставил следующий подробный рассказ об этой битве:

«В это самое время Филипп, как только увидел, что большая часть его войска уже выстроилась перед лагерьем, сам с пельтастами и правым крылом фаланги выступил вперед, сокращенным путем прошел к высотам, а Никандру, прозываемому Слоном, приказал наблюдать за тем, чтобы остальное войско следовало за ними тотчас. Лишь только передние солдаты достигли перевала, он тотчас скомандовал налево и занял господствующие над перевалом высоты. Дело в том, что передовой македонский отряд далеко оттеснил римлян по другую сторону холмов, и потому Филипп нашел их незанятыми. Но он строил еще правое крыло в боевой порядок, как показались наемники, жестоко теснимые неприятелем. Произошло так потому, что тяжеловооруженная пехота римлян... соединилась с легкими войсками и подкрепила их в битве; тогда римляне, для которых полученная поддержка была как бы весовой гирей, стали сильно теснить врагов и многих из них перебили. Царь вначале был очень рад, когда по прибытии на место действия увидел, что его легкие войска сражаются невдалеке от неприятельской стоянки, зато потом, когда заметил, что те же самые войска его отступают и просят помощи, он вынужден был ради подкрепления их преждевременно отважиться на решительную битву, хотя весьма многие ряды его фаланги были еще в пути и поднимались на высоты. Соединившись с отступающими бойцами, он собрал всех их на правом крыле, как пехоту так и конницу, а пельтастам и фалангитам приказал удвоить глубину строя и плотнее сомкнуться движением слева направо. Когда после этого неприятель подошел очень близко, Филипп отдал приказ фалангитам идти с опущенными сариссами в наступление, а легким отрядам прикрывать фланги. В это самое время ударил на неприятеля и Тит, пропустив первоначальных бойцов в промежутки между манипулами¹.

¹ Манипула – пешее боевое подразделение римской армии; в описываемое время римский легион состоял из 10 когорт и 30 манипул.

МАКЕДОНЦЫ В БОЮ

Противники кинулись друг на друга с ожесточением и со страшным шумом, потому что воинственные клики раздавались разом с обеих сторон; с целью ободрять сражающихся кричали также и те солдаты, которые не участвовали в деле. Выходило нечто поразительное, наводящее ужас. Правое крыло Филиппа вело сражение с блестящим успехом, потому что оно наступало сверху, превосходило врага массивностью боевого строя и вооружение его по своим особенностям было больше приспособлено к настоящей битве, чем у римлян. Что касается прочих частей войска, то те из них, которые примыкали к сражающимся македонянам, были еще далеко от неприятеля, левое же крыло только что достигло перевалов и показалось на вершинах холмов. Когда Тит увидел, что его войска не в силах выдержать наступление фаланги, что солдаты на левом крыле оттеснены назад, причем часть их перебита, другая мало-помалу отступает, и что надежду на счастливый исход поддерживает только правое крыло, он быстро повернул в эту сторону и тут, сообразив, что одна только часть неприятельского войска примыкает к сражающимся, другая спускается еще с вершин, а третья стоит на вершинах, повел на врага свои манипулы со слонами впереди. Очувтившись без начальника и без команды, не имея возможности сомкнуться всем вместе, выстроиться в правильную фалангу как потому, что местность была неудобна для этого, так и потому, что до сего момента они вынуждены были следовать за сражающимися и имели походный строй, а не боевой, македоняне не стали дожидаться нападения римлян и, уже достаточно уstraшенные слонами, бросились бежать врассыпную.

Большинство римлян преследовало убегающих и избивало их. Один из находившихся тут же трибунов, имея в своем распоряжении не больше двадцати манипулов (2600 человек), много содействовал счастливому исходу битвы тем, что в решительную минуту сообразил, как нужно действовать, именно: когда он заметил, что Филипп со своим отрядом отошел далеко вперед от остального войска и благодаря массивности боевого строя теснит левое крыло римлян, трибун покинул правое

крыло, уже одерживавшее несомненную победу, повернул против сражающихся македонян, зашел сзади их и ударил в тыл неприятелю. Благодаря особенностям своего строя фалангиты не могли обернуться фронтом против неприятеля и сражаться один на один, поэтому трибун напирал на фланги и истреблял всех, попадавшихся ему на пути. Будучи не в состоянии помочь себе, македоняне наконец вынуждены были бросить оружие и бежать, когда в нападении на них приняли участие и те римляне, которые отступили было перед фронтом, а теперь опять стали лицом к неприятелю. Что касается Филиппа, то, как мы сказали выше, он заключал о ходе сражения по той части войска, в которой сам находился, и потому вообразил македонян решительными победителями; но потом, когда увидел, что македоняне вдруг бросили оружие и что неприятель нападает на них с тыла, он с немногими конными и пешими воинами покинул на минуту сражение, чтобы рассмотреть общий ход дела. Тут он увидел, что римляне преследуют его левое крыло и уже приближаются к вершинам, собрал вокруг себя, сколько мог, фракийцев и македонян и пустился бежать. Тит преследовал бегущих и настиг левые ряды македонян на перевалах, когда они начали всходить на вершины. Сначала при виде поднятых вверх сарисс, что обыкновенно делают македоняне, когда сдаются неприятелю или переходят на его сторону, он остановился в недоумении. Но потом, когда узнал, почему подняты сариссы, Тит стал удерживать своих солдат на месте, вознамерившись пощадить людей, оцепеневших от страха. Он еще занят был этой мыслью, когда несколько человек из передних рядов устремились с высоты холмов на македонян и напали на них, причем большая часть врагов была перебита, и лишь немногие спаслись бегством, бросив оружие».

В результате битвы погибло не менее 8 тысяч македонцев и около 5 тысяч было взято в плен (Плутарх, Тит, VIII). Филипп, чудом избегнувший плена, поторопился заключить мирный договор с Римом. По этому договору он «должен был отказаться от своих греческих и малоазийских владений (в Карию), он должен был выдать свой военный флот и выплатить тысячу талантов

МАКЕДОНЦЫ В БОЮ

в возмещение военных убытков. К этому добавлялось обязательство действовать на войне совместно с римлянами. Тем самым Македония превращалась в вассальное государство, зависимое от Рима. Македонская монархия выбывала из круга великих эллинистических держав. Отныне ее главной задачей становилось отражение надвигавшихся с севера народов, все настойчивее ломившихся в ворота Македонии» (Г. Бенгтсон). На Истмийских играх 196 г. до н. э. Тит Квинций Фламинин провозгласил свободу всех греческих государств от владычества Македонии.

Филипп неукоснительно соблюдал мирный договор, заключенный с римлянами. Так, когда по просьбе этолийцев Антиох III переправился в Грецию, македонский царь не только отказался с ним сотрудничать, но и действовал в Фессалии на стороне римлян (весна 191 г. до н. э.). В качестве благодарности римский сенат вскоре отпустил сына Филиппа Деметрия, находившегося в Риме в качестве заложника, а затем освободил Македонию от уплаты контрибуции.

Однако после победы над Антиохом при Магнесии (190–189 гг. до н. э.) римляне стали жестко противодействовать попыткам Филиппа проводить активную политику во Фракии; оказывали поддержку его врагам – грекам и пергамцам. В ответ на это македонский царь начал интенсивно вооружаться, сознавая, что новая война с Римом неизбежна, а чтобы скрыть свои приготовления от римлян, осуществлял свои планы в глубинных районах страны и туда же переселял жителей прибрежных городов.

Наследник Филиппа Персей (179–168 гг. до н. э.) основное внимание уделял упрочению внутреннего положения (объявил кассацию государственных долгов, амнистию изгнанникам и т. п.). Вместе с тем он стремился найти союзников среди эллинистических правителей. О военных и дипломатических успехах Персея рассказывает Тит Ливий (XII, 11, 6–8): «Кроме того, он располагал многими молодыми воинами, рожденными во время долгого мира, богатствами своего царства, цветущим возрастом. Крепкий и сильный физически, он закалил свой дух и приобрел навык и опыт в войне. С дет-

ства сопровождая отца по воинским лагерям, он привык сражаться не только с соседями, но даже с римлянами, и отец часто посылал его в разные походы. Воцарившись же сам, он с удивительной удачливостью достиг того, чего Филипп, испытавший все средства, не мог добиться ни силой, ни хитростью: к мощи его присоединилось влияние, которое обычно приобретается в течение долгого времени и за многие важные заслуги». Однако, несмотря на все старания Персея, к началу третьей войны с Римом (171–168 гг. до н. э.) Македония оказалась почти в полной изоляции (к ней присоединился только иллирийский царь и часть эпиротов).

Войну с Македонией было поручено вести консулу Публию Лицинию Крассу, который набрал два легиона повышенной численности (по 6 тысяч человек и 300 всадников); с союзниками Рим мог располагать армией в 27 тысяч пеших воинов. В то же время, Персей располагал армией в 39 тысяч пехотинцев и 3 тысячи всадников. «Точно известно, – пишет Тит Ливий, – что после того войска, которое переправил в Азию Великий Александр, ни один македонский царь никогда не располагал таким сильным войском» (XLII, 51, 11). Благодаря разумной финансовой политике в македонской казне было достаточно денег для уплаты жалования солдатам на 10 лет вперед. В сражении у Лариссы (171 г. до н. э.) римская конница была разбита фракийцами под командованием царя Котиса, союзника Персея, и македонцы одержали впечатляющую победу. Римляне потеряли 200 всадников и не менее двух тысяч пехотинцев; около 600 человек попали в плен, тогда как у Персея погибли всего лишь 20 всадников и 40 пехотинцев (Тит Ливий, XLII, 60, 1). Персей предложил Риму заключить мир на тех же условиях, которые были приняты его отцом Филиппом, но римляне, по традиции никогда не заключавшие мира после поражений, отказались.

В 171–170 гг. до н. э. военные действия велись обеими сторонами весьма некомпетентно. Дисциплина в римской армии была крайне низка, но Персей избегал открытых сражений, в которых имел большие шансы на победу, предпочитая вместо этого вести оборони-

МАКЕДОНЦЫ В БОЮ

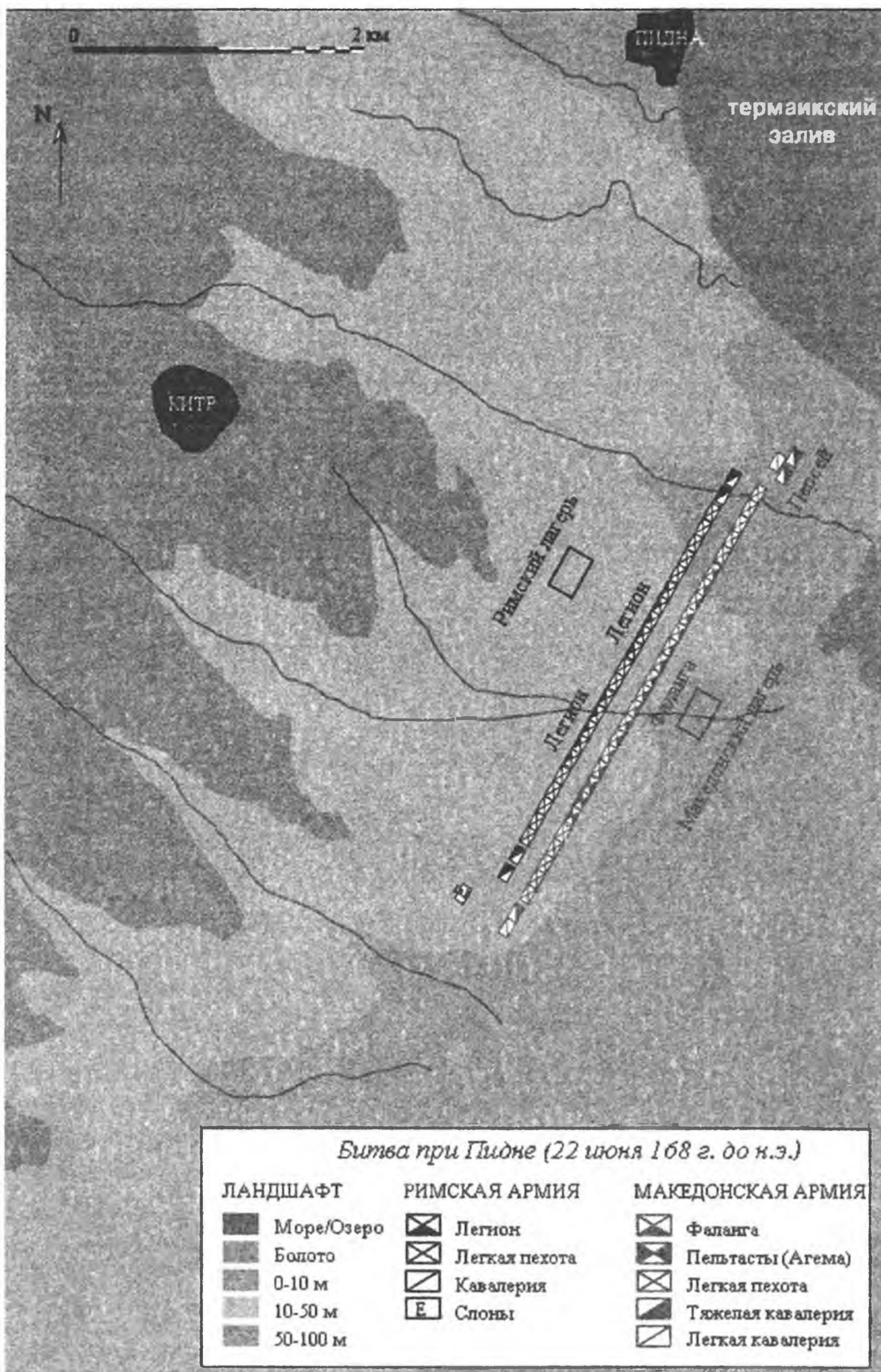
тельную политику, надеясь на неприступность горных проходов в Македонию. В 169 г. до н. э. главная римская армия под командованием Квинта Марция Филиппа перешла в Македонию через Лапафское ущелье и взяла крепость Темпею Персей, сначала отступивший из страха перед римской армией, одумался и занял позицию на берегу реки Эльпий, загородив тем самым противнику путь для дальнейшего наступления. Римская армия была вынуждена около полугода простоять при Гераклее, пока на смену Филиппу не был послан опытный и решительный полководец Луций Эмилий Павел. Как только новый главнокомандующий прибыл в лагерь, он приказал Публию Назике¹ захватить слабо защищенное ущелье около Пифиона. Персей был вынужден отступить к Пидне, где 22 июня 168 г. до н. э.² и состоялось генеральное сражение.

Плутарх в своем подробном и красочном рассказе о битве при Пидне (Эмилий Павел, 17–22) говорит, что бой начался уже под вечер с того, что фракийцы... совершили нападение на римский обоз с сеном, а на них в свою очередь яростно бросились 700 лигурийцев³. «С обеих сторон стали подходить значительные подкрепления, и сражение закипело. Эмилий, точно кормчий, уже по этим первым бурным колебаниям обоих станов предвидя, какие размеры примет предстоящая битва, вышел из палатки и, обходя легионы, стал ободрять солдат, а Назика на коне поспешил туда, где летели копья и стрелы, и увидел, что в деле участвует почти вся македонская армия. Впереди шли фракийцы, вид которых, по словам самого Назики, внушил ему настоящий ужас: огромного роста, с ярко блиставшими щитами, в сияющих поножах, одетые в черные хитоны, они потрясали тяжелыми железными мечами, вздымавшимися прямо вверх над правым плечом. Рядом с фра-

¹ Публий Корнелий Сципион Назика Коркул (ок. 205–141 гг. до н. э.) – влиятельный римский военный и политический деятель. В армии Эмилия Павла занимал должность военного трибуна.

² Точную дату сражения мы можем определить по тому, что в ночь перед битвой произошло лунное затмение.

³ Лигурийцы – североиталийское племя.

Битва при Пидне

МАКЕДОНЦЫ В БОЮ

кийцами находились наемники, они были вооружены неодинаково и смешаны с пеонийцами. За ними помещалась третья линия, состоявшая из самих македонян, – отборные воины, в расцвете лет и мужества, сверкавшие позолоченными доспехами и новыми пурпурными одеждами. В то время как они занимали свое место в строю, из-за укреплений показались ряды воинов с медными щитами, и равнина наполнилась ярким блеском железа и сиянием меди, а горы загудели от крика и громогласных взаимных увещаний. Так отважно и быстро устремились они вперед, что первые убитые пали не больше чем в двух стадиях от римского лагеря.

Битва уже завязалась, когда появился Эмилий и увидел, что македоняне в первых линиях успели вонзить острия своих сарисс в щиты римлян и, таким образом, сделались недосыгаемы для их мечей. Когда же и все прочие македоняне по условленному сигналу разом отвели щиты от плеча и, взяв копья наперевес, стойко встретили натиск римлян, ему стала понятна вся сила этого сомкнутого, грозно оцетинившегося строя; никогда в жизни не видел он ничего более страшного и потому ощутил испуг и замешательство, и нередко впоследствии вспоминал об этом зрелище и о впечатлении, которое оно оставило. Но тогда, скрыв свои чувства, он с веселым и беззаботным видом без шлема и панциря объезжал поле сражения. Что же касается македонского царя, то он, как сообщает Полибий, в первый же час битвы оробел и ускакал в город...

Римляне никакими усилиями не могли взломать сомкнутый строй македонян, и тогда Салий, предводитель пелигнов, схватил значок своей когорты и бросил его в гущу врагов. Пелигны дружно устремились к тому месту, где он упал (покинуть знамя у италийцев считается делом преступным и нечестивым), и тут обе стороны выказали крайнее ожесточение и, обе же, понесли жестокий урон. Одни пытались мечами отбиться от сарисс, или пригнуть их к земле щитами, или оттолкнуть в сторону, схватив голыми руками, а другие, еще крепче стиснув свои копья, насквозь пронзали нападающих, – ни щиты, ни панцири не могли защитить от

удара сариссы, – и бросали высоко вверх, выше головы, тела пелигнов и марруцинов¹, которые, потеряв рассудок и озверев от ярости, рвались навстречу вражеским ударам и верной смерти. Таким образом первые ряды бойцов были истреблены, а стоявшие за ними подались назад; хотя настоящего бегства не было, все же римляне отошли до горы Олокр, и тогда Эмилий разорвал на себе тунику, ибо, видя, что те отступили и что фаланга, окруженная отовсюду густой щетиной сарисс, неприступна, точно лагерь, пали духом и прочие римляне. Но поскольку местность была неровной, а боевая линия очень длинной, строй не мог оставаться равномерно сомкнутым, и в македонской фаланге появились многочисленные разрывы и бреши, что как правило случается с большим войском при сложных перемещениях сражающихся, когда одни части оттесняются назад, а другие выдвигаются вперед; заметив это, Эмилий поспешно подъехал ближе и, разъединив когорты, приказал своим внедриться в пустые промежутки неприятельского строя и вести бой не против всей фаланги в целом, а во многих местах, против отдельных ее частей. Эмилий дал эти наставления начальникам, а те – солдатам, и как только римляне проникли за ограду вражеских копий, ударяя в незащищенные крылья или заходя в тыл, сила фаланги, заключающаяся в единстве действий, разом иссякла и строй распался, а в стычках один на один или небольшими группами македоняне, безуспешно пытаясь короткими кинжалами пробить крепкие щиты римлян, закрывавшие даже ноги, и своими легкими щитами оборониться от их тяжелых мечей, насквозь рассекавших все доспехи, – в этих стычках македоняне были обращены в бегство».

По сообщению Фронтинна (II, 3, 20), важную роль в победе при Пидне сыграла конница: «В операции Павла против македонского царя Персея последний направил свою двойную фалангу в центр, окружил ее легковооруженными, а на обоих флангах поместил конницу.

¹ Пелигны и марруцины – сабинские (италийские) племена.

МАКЕДОНЦЫ В БОЮ

Павел придумал тройному строю клинья, между которым постепенно выводил велитов¹. Видя, что таким путем не удастся прорвать фронт, он начал отходить, чтобы этой уловкой заманить неприятеля на труднопроходимые места, которые он заранее подыскал. Но и здесь фаланга, заподозрив хитрость со

Битва при Пидне на фризе памятника Эмилию Павлу в Дельфах. Прорисовка

стороны отступающих, продвинулась, не нарушая строя. Тогда Павел приказал всадникам с левого фланга проскакать вдоль края фаланги галопом с таким расчетом, чтобы, держа оружие наперевес, самим напором отбить острия неприятельского оружия; обезоруженные таким образом македоняне расстроили свои ряды и обратили тыл».

В жестоком бою три тысячи отборных македонских воинов, не покинувших своего места в строю, были истреблены все до одного, прочие же обратились в бегство, и началась страшная резня: и равнина, и предгорье были усеяны трупами, а воды Левка даже на следующий день, когда римляне переходили реку, были красны от крови. Македонян было убито больше 25 тысяч, тогда как римлян пало около 100 человек² (Плутарх, Эмилий Павел, 22).

¹ Велиты – легковооруженные римские воины, одетые в холщовые рубахи, а не в металлические доспехи. Каждый велит был вооружен шестью дротиками, луком и пращей.

² Вероятно, здесь не учтены потери римских союзников.

После того как римские войска полностью разбили Персея и его союзников, Македония немедленно капитулировала. Сам царь сдался в плен, и Македония прекратила существовать как независимое государство. Страна была разделена на четыре независимых области со столицами в Амфиполе, Фессалонике, Пелле и Пелагонии. Законодательным путем пресекались все попытки объединения этих областей в единое целое. Было запрещено разрабатывать золотые и серебряные рудники, составлявшие главное богатство страны¹. Это государственное устройство просуществовало по меньшей мере до времен Августа (Юстин, 33, 2). Со времени реформ Эмилия Павла, по выражению крупнейшего историка Рима Теодора Моммзена, Македония «не имела никакой истории вплоть до настоящего времени».

¹ Серебряные рудники снова были открыты для разработки в 158 г. до н. э.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

«Таков был конец державы, чьей славой полнились почти вся Европа и вся Азия», – завершает свой рассказ о Македонии Тит Ливий (XLV, 9, 2).

От легендарного первого македонского царя Карана до Персея Юстин (XXXIV, 2) насчитывает тридцать царей¹. «Македонское царство, – продолжает Ливий, – мало было ведомо вплоть до Филиппа, сына Аминты; затем его стараниями стало расти и крепнуть, однако же, обняв всю Грецию, часть Фракии и часть Иллирии, еще держалось в пределах Европы. Затем македоняне хлынули в Азию и за тринадцать лет правления Александра покорили сперва почти что неизмеримые просторы персидской державы, потом прошли через земли арабов и через Индию до самого края земли, омываемого Красным морем. В ту пору македонская держава была всех больше на земле и всех славнее, но со смертью Александра оказалась растерзана на многие царства, ибо каждый желал властвовать, и силы ее были подорваны, однако прошло еще сто пятьдесят лет, считая от вершины ее судьбы, прежде чем настал конец» (XLV, 9, 2).

Несомненно, именно с Филиппа II начинается история расцвета Македонии. Филипп смог в сложнейший момент восполь-

¹ По Титу Ливию (XLV, 9, 2), их было только двадцать; см. приложение «Список македонских царей».

зоваться противоречиями соперников Македонии, сохранить территориальную целостность страны и возвысить ее от уровня почти «варварской» провинции до статуса ведущей державы Балканской Греции. Без этих достижений Филиппа не были бы возможны не имеющие себе равных военные успехи его сына Александра Великого. Однако считать, как это делает ряд историков нового времени (Б. Г. Нибур и др.), что Александр всего лишь пожинал плоды замыслов Филиппа, означает не понимать главной разницы между отцом и сыном, которая лежала не столько в способностях к военной или государственной деятельности, сколько в масштабах их личностей.

Оратор IV в. н. э. Либаний писал о Филиппе: «Он побеждал людей, не превзойдя их в сражениях, а путем подкупа и интриг, изображая дружбу и отдавая людям даже то, что им было положено по праву, он держал тех, кто принимал от него что-либо, за рабов. В Филиппе потрясало не скопление войск, а золотая монета, с помощью которой он правил свободными гражданами. Таково было внутреннее устройство этого человека: дать клятву, нарушить ее, добиться своей цели обманом. Его клятвы были благородными, но деяния – абсолютно нечистыми». Ни одного из этих слов нельзя сказать об Александре. Даже по словам принадлежавшего к враждебной Александру традиции Помпея Трога, «это был человек, стоявший выше человеческой природы благодаря могуществу своего духа» (Юстин, XII, 16, 1). «В каждом его действии, – пишет Плутарх, – мы видим смешение всех добродетелей... У Александра воинственность сочеталась с человеколюбием, терпимость – с твердостью, щедрость – с бережливостью; в гневе он был отходчив, в любви сдержан; его отдых не бывал бездеятельным, а трудолюбие не препятствовало утехам» (О судьбе и доблести, 1, 11).

Именно сила духа Александра в большей степени, чем превосходство македонского оружия, сделало возможным его беспрецедентные военные успехи. Прекрасной иллюстрацией к этому служит рассказ Полиэна (IV, 3, 7): «Александр покорил Азию. Македоняне стали невыносимыми и тягостными для него, поскольку»

МАКЕДОНЦЫ В БОЮ

ку они утверждали, что все, достигнутое им, является их заслугой. Он же приказал македонянам встать в полном вооружении отдельно, а против них велел выстроиться персам. Отделив таким образом одних от других, он сказал: «Македоняне, выберите себе в предводители того из командиров, кого желаете, я же буду предводительствовать персами. Если вы одержите победу, я сделаю все, что потребуете, но если победят вас, сознавшись, что сами по себе вы ничего не можете, должны будете впредь вести себя скромно». Эта стратегема сильно подействовала на македонян, и в дальнейшем по отношению к Александру они стали более умеренными».

По словам выдающегося французского исследователя античности Пьера Левека, вся жизнь Александра представляет собой «самое блистательное подтверждение мысли Плутарха о том, что иногда история зависит от одного великого человека». Однако не менее ярко о той роли, которую играла для македонского войска личность Александра, свидетельствует анархия, воцарившаяся после его смерти. «Словно труп, покинутый душой, теряет плотность, становится рыхлым, разлагается и перестает существовать, вот так же войско, потеряв Александра, билось в конвульсиях и трепетало в агонии (причем Пердикки и Мелеагры, Селевки и Антигоны, пока сердце как бы продолжало еще биться и дыхание было теплым, ссорились и враждовали между собой), а под конец, затихнув и скончавшись, словно червями, начало кишеть ничтожными царями и полудохлыми властителями», – пишет Плутарх (О судьбе и доблести, 2, 4).

Среди этих «властителей», бывших талантливими полководцами, но и близко не обладавших силой духа Александра, не нашлось ни одного достойного преемника великого македонского царя. Александр считал себя сыном бога, но не богом; те божественные почести, которые он принимал, вероятно, были лишь волеизъявлением благодарных подданных (Арриан, VII, 27, 3). В то же время, пишет Плутарх (О судьбе и доблести, 2, 5), «Клит, уничтожив при Аморгосе три или четыре греческие триеры, присвоил себе имя Посейдо-

на и стал носить трезубец. Деметрий, по милости судьбы получив лишь кусочек от могущества Александра, приказал величать себя Катайбатом (Нисходящим), причем не послов к нему отправляли города, но феоров (священных послов. – *Авт.*), а полученные ответы именовали оракулами. Лисимах, завладев жалкой Фракией, этим захоlustьем Александрова царства, дошел до такой наглости и дерзости, что сказал: “Теперь, когда копьем я касаюсь неба, византийцы явились ко мне”, на что присутствовавший при этом византиец Пасиал ответил: “Уйдемте отсюда, не то он проткнет небо острием”... А другие присваивали себе прозвища: кто Эвергет (Благодетель), кто Каллиник (Одерживающий прекрасные победы), кто Сотер (Спаситель), кто Мегас (Великий). А между тем их бесконечные свадьбы, когда они, словно жеребцы в стадах, без стеснения проводили среди женщин дни напролет, то, как они совращали мальчиков, под звуки бубнов плясали среди скопцов, их ежедневную игру в кости, их выступления в театрах с игрой на флейте, ночи, тянувшиеся в обедах, и дни – в завтраках, описать не хватило бы никакого времени»...

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ (гг. до н. э.)

- 359 – избрание Филиппа регентом.
- 358 – успешная кампания Филиппа против пеонийцев и иллирийцев; женитьба на Олимпиаде; низложение Аминты.
- 357, весна – осень – осада и захват Амфиполя Филиппом.
- 357, осень – Филипп захватывает Пидну. Афины объявляют войну Филиппу.
- 357–356 – вмешательство в дела Фессалии.
- 356, зима – оборонительный союз Македонии с Халкидской лигой.
- 356, весна – лето – захват Филиппом Потидеи и золотых и серебряных рудников на горе Пангей.
- 356, август – успешная кампания Пармениона против фракийцев, пеонийцев и иллирийцев.
- 356, лето – рождение Александра.
- 355 – захват Филиппом Абдер и Маронеи.
- 354, лето – захват Мефоны.
- 354, конец лета – вступление Македонии в 3-ю Священную войну (356–346).
- 353, лето – победа Филиппа над объединенными силами фессалийских тиранов и фокийцев.

- 353, осень – поражение Филиппа от фокийцев.
- 352, весна – битва на Крокусовом поле.
- 352, осень – отступление Филиппа от Фермопил.
- 352, осень – 351, весна – подчинение Филиппом большей части Фракии.
- 351 – победа Филиппа над иллирийцами.
- 349–348 – война Македонии с Халкидской лигой.
- 348 – падение Олинфа, аннексия Филиппом Халкидики.
- 348 – захват Филиппом Эретрии и Орея на острове Эвбея.
- 346 – Филократов мир, завершение афино-македонской войны; капитуляция фокийцев.
- 344 – вмешательство Филиппа в дела Фессалии.
- 343/342 – Филипп в Элиде.
- 342 – избрание Филиппа пожизненным архонтом Фессалийского союза.
- 341 – потеря македонцами Орея и Эретрии.
- 340 – неудачная осада Филиппом Перизея и поражение македонского флота от афинского близ Византия.
- 340–339 – неудачная осада Филиппом Византия.

МАКЕДОНЦЫ В БОЮ

- 339 – успешная война Филиппа со скифским царем Атеем; участие Александра в походе.
- 339, ноябрь – вторжение македонской армии в Центральную Грецию.
- 338, начало августа – битва при Херонее.
- 338, конец – общегреческий съезд в Коринфе.
- 336, весна – начало похода Филиппа против Персии.
- 336, лето – убийство Филиппа и воцарение Александра.
- 336 – вступление на престол Дария III.
- 335, весна – северный поход Александра.
- 335, осень – разрушение Фив.
- 335/334, зима – подготовка восточного похода.
- 334, весна – начало восточного похода.
- 334, апрель – май – переправа македонян через Геллеспонт.
- 334, май – битва при Гранике.
- 334, июль – взятие Милета.
- 334/333, зима – пребывание Александра в Гордии.
- 333, весна – Александр в Анкире.
- 333, лето – выступление Дария из Вавилона.

- 333, октябрь – ноябрь – битва при Иссе.
- 332, январь – август – осада Тира.
- 332/331, зима – пребывание Александра в Египте.
- 331, весна – выступление из Египта.
- 331, июль – август – переправа через Евфрат.
- 331, конец сентября – переправа через Тигр.
- 331, октябрь, 1 – битва при Гавгамелах.
- 331/330, зима – Александр в Персеполе.
- 330, весна – занятие Александром Экбатан.
- 330, лето – гибель Дария III.
- 330, осень – заговор Димна; казнь Филоты и убийство Пармениона.
- 329, весна – переход через Паропамис.
- 329/328, зима – Александр в Бактрах; суд над Бессом.
- 328, весна – борьба с восстаниями.
- 328, лето – Александр в Мараканде; убийство Клита.
- 328/327, зима – заговор «пажей».
- 327, поздняя весна – начало индийского похода.
- 327, осень – вступление в долину Кофена.
- 326, весна – переправа через Инд.

МАКЕДОНЦЫ В БОЮ

326, конец июня –	битва на Гидаспе.
326, ранняя осень –	Александр на Гифасисе.
326, ноябрь –	начало обратного похода.
325, февраль –	армия и флот на Инде.
325, июль –	Александр в Паттале.
325, август –	выступление армии из Патталы.
325, сентябрь –	выход флота из Патталы.
325, декабрь –	Александр в Кармании.
324, начало –	окончание восточного похода.
324, весна и начало лета –	пребывание Александра в Сузах.
324, лето –	мятеж в Описе.
324, осень –	Александр в Экбатанах; смерть Гефестиона.
323, начало –	прибытие Александра в Вавилон.
323, май –	похороны Гефестиона.
323, июнь, 3 –	начало болезни Александра.
323, июнь, 10 –	смерть Александра в Вавилоне.
323, лето –	перераспределение сатрапий под руководством Пердикки.
321 –	гибель Пердикки и Кратера;

- договор в Трипарадисе: Антипатр – «имперский регент»; Антигон Одноглазый – стратег Азии.
- 315–311 – первая совместная война диadoхов (Кассандра) Лисимаха, Птолемея и Селевка против Антигона.
- 312 – битва при Газе.
- 307 – Деметрий Полиоркет завоевывает Афины.
- 306 – победа Деметрия над Птолемеем в морском сражении у Саламина (на Кипре).
- 306–272 – Пирр, царь Эпира.
- 305/304 – осада Деметрием Родоса.
- 302, весна – воссоздание Панэллинского союза в Коринфе; Антигон и Деметрий – гегемоны союза.
- 301, лето – битва при Ипсе; смерть Антигона Одноглазого.
- 298 (?) – смерть Кассандра.
- 294, весна – Деметрий Полиоркет захватывает Афины, отпавшие от него (301), и становится царем Македонии (294–287).
- 292 – Деметрий подчиняет Беотию.
- 287 – раздел Пирром и Лисимахом Македонии.

- 283 – смерть Деметрия Полиоркета.
- 281 – битва при Курупедионе; смерть Лисимаха.
- 279 – Вторжение кельтов в Македонию и Грецию.
- 277 – победа Антигона Гоната над кельтами при Лисимахии.
- 276–239 – правление Антигона Гоната.
- 267–261(?) – Хремонидова война (Птолемей II, Арей Спртанский и Афины против Антигона Гоната).
- 263/262 – Афины капитулируют и получают македонский гарнизон (остается до 229 г.).
- 260–253 – 2-я Сирийская война (Птолемей II против Антиоха II и Антигона Гоната).
- 255 – сепаратный мир между Птолемеем II и Антигоном Гонатом.
- 227 – морская экспедиция Антигона Досона в Карию.
- 224 – Антигон Досон основывает Эллинский союз.
- 222, лето – битва при Селласии.
- 222/221–179 – Филипп V.
- 215 – союз между Ганнибалом и Филиппом V.

- 215–205 – 1-я Македонская война.
- 212–206 – борьба этолийцев против Филиппа V.
- 203/202 зима – заключение тайного договора между Филиппом V и Антиохом III о разделе державы Птолемеев.
- 200–197 – 2-я Македонская война.
- 197 – битва при Киноскефалах.
- 196 – провозглашение «свободы» Греции Титом Квинкцием Фламинином.
- 179–168 – правление Персея, царя македонян.
- 171–168 – 3-я македонская война.
- 168, июнь, 22 – битва при Пидне.
- 168 – превращение Македонии в римскую провинцию.

СПИСКИ МАКЕДОНСКИХ ЦАРЕЙ

Аргеады

Пердикка I	ок. 653 г. до н. э.
Аргей	ок. 623 г. до н. э.
Филипп I	ок. 593 г. до н. э.
Аэроп	ок. 563 г. до н. э.
Алкет	ок. 533 г. до н. э.
Аминта I	ок. 503 – 495 гг. до н. э.
Александр I Филэллин	ок. 495 – 452 гг. до н. э.
Пердикка II	ок. 452 – 413 гг. до н. э.
Архелай	ок. 413 – 399 гг. до н. э.
Аэроп II	ок. 399 – 396 гг. до н. э.
Архелай II	ок. 396 – 394 гг. до н. э.
Аминта II	ок. 394 г. до н. э.
Аминта III	ок. 394 – 370 гг. до н. э.
Александр I	370/369 – 368/367 гг. до н. э.
Пердикка III	368/367 – 359 гг. до н. э.
Филипп II	359 – 336 гг. до н. э.
Александр III Великий	336 – 323 гг. до н. э.
Филипп III Арридей	323 – 317 гг. до н. э.
Александр IV	323–310 гг. до н. э.
Геракл	310 г. до н. э.

Антипатриды

Антипатр	регент в 323 – 321 гг. до н. э.
Кассандр	регент в 317 – 306 гг. до н. э. царь в 306–297 гг. до н. э.
Филипп IV	297–286 гг. до н. э.
Антипатр	296–287 гг. до н. э.
Александр V	295 г. до н. э.

Антигониды

Антигон Одноглазый	306–301 гг. до н. э.
Деметрий Полиоркет (царь Македонии)	306–283 гг. до н. э. 294–287 гг. до н. э.)
Антигон II Гонат (царь Македонии)	283–239 гг. до н. э. 276–239 гг. до н. э.)
Деметрий II,	239–229 гг. до н. э.
Антигон III Досон	229–222/221 гг. до н. э.

Филипп V	222/221–179 гг. до н. э.
Персей	179–168 гг. до н. э.

Птолемеи

Птолемей I Сотер	323–283 гг. до н. э.
(царь Египта)	305–283 гг. до н. э.)
Птолемей II Филадельф	285–246 гг. до н. э.
Птолемей III Эвергет I	246–221 гг. до н. э.
Птолемей IV Филопатор	221–204 гг. до н. э.
Птолемей V Эпифан	204–180 гг. до н. э.
Птолемей VI Филометор	180–145 гг. до н. э.
Птолемей VII	
Новый Филопатор	145–144 гг. до н. э.
Птолемей VIII Эвергет II (Фискон)	145–116 гг. до н. э.
Птолемей IX Сотер II	116–107 и 88–80 гг.

до н. э.

Птолемей X Александр I	107–88 гг. до н. э.
Птолемей XI Александр II	80 г. до н. э.
Птолемей XII Новый Дионис (Авлет)	80–51 гг. до н. э.
Птолемей XIII и Клеопатра VII	51–48 гг. до н. э.
Птолемей XIV и Клеопатра VII	47–44 гг. до н. э.
Клеопатра VII	44–30 гг. до н. э.
Клеопатра VII и Цезарион	30 г. до н. э.

Селевкиды

Селевк I Никатор	323–281 гг. до н. э.
(сирийский царь)	305–281 гг. до н. э.
Антиох I Сотер	281–261 гг. до н. э.
Антиох II Теос	261–246 гг. до н. э.
Селевк II Каллиник	246–225 гг. до н. э.
Селевк III Сотер	225–223 гг. до н. э.
Антиох III Великий	223–187 гг. до н. э.
Селевк IV Филопатор	187–175 гг. до н. э.
Антиох IV Эпифан	175–164 (?) гг. до н. э.
Антиох V Евпатор	164(?)–162 гг. до н. э.
Деметрий I Сотер	162–150 гг. до н. э.
Александр Балас	150–145 гг. до н. э.
Деметрий II Никатор	145–140 и 129–125 гг.
	до н. э.
Антиох VI Эпифан	145–142/141 гг. до н. э.

МАКЕДОНЦЫ В БОЮ

Антиох VII Сидет	139/138–129 гг. до н. э.
Клеопатра Тея и Антиох VIII Грип	125–121 гг. до н. э.
Селевк V	125 гг. до н. э.
Антиох VIII Грип	121–96 гг. до н. э.
Антиох IX Кизикский	115–95 гг. до н. э.
Селевк VI Эпифан Никатор	96–95 гг. до н. э.
Антиох X Эвсеб Филопатор	95–83 гг. до н. э.
Деметрий III Эвкер	95–88 гг. до н. э.
Антиох XI Филадельф	94 гг. до н. э.
Филипп I Филадельф	94–83 гг. до н. э.
Антиох XII Дионис	87–84 гг. до н. э.
Антиох XIII Азиатский	69–64 гг. до н. э.
Филипп II	65–64 гг. до н. э.

Пергамские Атталиды

Филетер	283–263 гг. до н. э.
Эвмен I	263–241 гг. до н. э.
Аттал I Сотер	241–197 гг. до н. э.
Эвмен II Сотер	197–159 гг. до н. э.
Аттал II	159–139/138 гг. до н. э.
Аттал III	139/138–133 гг. до н. э.

ИСТОЧНИКИ

1. Арриан. Поход Александра. СПб., 1993.
2. Геродот. История в девяти книгах / Пер Г. А. Стратановского Л., 1972.
3. Диодор Сицилийский. Историческая библиотека. Кн. XVII // Квинт Курций Руф. История Александра Македонского. М., 1993.
4. Иосиф Флавий. Иудейские древности. Т. I–II. М., 2003.
5. Квинт Курций Руф. История Александра Македонского. М., 1993.
6. Ораторы Греции. М., 1985.
7. Павсаний. Описание Эллады / Пер. С. П. Кондратьева. Т. I–II. М.; Л., 1938–1940
8. Плутарх. Сравнительные жизнеописания. В 3 т. / Издание подготовили С. П. Маркиш, С. И. Соболевский, М. Е. Грабарь-Пассек. М., 1961–1964.
9. Плутарх. Об удаче и доблести Александра // Квинт Курций Руф. История Александра Македонского. М., 1993.
10. Полибий. Всеобщая история. Т. 1–3. СПб., 1994.
11. Полиэн. Стратегемы / Под общ. ред. А. К. Нефедкина. СПб., 2002.
12. Секст Юлий Фронтин. Стратегемы. СПб, 1996.
13. Страбон. География. В 17 кн. / Пер. Г. А. Стратановского. Л., 1964
14. Тит Ливий. История от основания города / Под ред. М. Л. Гаспарова, Г. С. Кнабе, В. М. Смирин. Т. I–III. М., 1993.
15. Фукидид. История / Пер. Г. А. Стратановского. Л., 1981.
16. Фукидид. История. Т. I–II. / Пер. Ф. Мищенко и С. Жебелева. М., 1915.
17. Элиан. Пестрые рассказы / Пер. С. В. Поляковой. М.–Л., 1964.
18. Юстин. Эпитома «Всеобщей истории» Помпея Трога. СПб., 2005.

КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Бенгтсон Г.* Правители эпохи эллинизма. М., 1982.
2. *Бриан П.* Александр Великий. Из Греции на Восток. М., 2003.
3. *Гафуров Б. Г., Цибукидис И. Д.* Александр Македонский и Восток. М., 1980.
4. *Дельбрюк Г.* История военного искусства. Т. 1–4. СПб., 2001.
5. *Дильс Г.* Античная техника. М.-Л., 1934.
6. *Дройзен И.* История эллинизма. Т. 1–3. СПб., 1997–1999.
7. *Жебелев С. А.* Александр Великий. Берлин-Пб-М., 1922 (см. также: Александр в легендах и исследованиях Востока и Запада. М., 2000).
8. *Ковалев С. И.* Александр Македонский. Л., 1937.
9. *Коннолли П.* Греция и Рим. Энциклопедия военной истории. М., 2001.
10. *Моммзен Т.* История Рима. Т. 1–5. СПб., 1997.
11. *Разин Е. А.* История военного искусства XXXI в. до н. э. – VI в. н. э. СПб., 1999.
12. *Светлов Р. В.* Пирр и военная история его времени. СПб., 2006.
13. *Уилер М.* Пламя над Персеполем. М., 1972.
14. *Фуллер Дж.* Военное искусство Александра Великого. Смоленск, 2006.
15. *Хэммонд Н.* История Древней Греции. М., 2003.
16. *Шахермайр Ф.* Александр Македонский. М., 1984.
17. *Шифман И. Ш.* Александр Македонский. Л., 1988.
18. Эллинистическая техника. Сборник статей под ред. И. И. Толстого. М.-Л., 1948.
19. *Markle M.* The Macedonian Sarissa, Spear, and Related Armor // American Journal of Archaeology, 1977 Vol. 81, No. 3.
20. *Markle M.* Use of the Sarissa by Philip and Alexander of Macedon // American Journal of Archaeology, 1978. Vol. 82, No 4.
21. *Tarn W. W.* Alexander the Great. Cambridge, 1960, Vol. 1–2.

УДК 94
ББК 63.3(0)
Ш 30

Оформление серии *П. Волкова*

В оформлении переплета использована
иллюстрация художника *И. Варавина*

Шауб И. Ю.

Ш 30 Македонцы в бою / Игорь Шауб, Владимир Ан-
дерсен. — М. : Яуза : Эксмо, 2010. — 304 с. : ил. —
(Войны мечей).

ISBN 978-5-699-39569-9

В IV веке до н. э. случилось одно из тех военных чудес, что определяют ход истории. На протяжении жизни всего одного поколения дикая и нищая Македония, дотоле прозябавшая на краю цивилизованного мира, неожиданно для всех превратилась в сильнейшее государство Европы, объединив под своим началом всю Грецию. Этим возвышением Македония была обязана настоящей революции в военном деле, совершенной Филиппом II, отцом великого Александра. Вооруженная сариссами македонская фаланга обрела невиданную мощь, а отборная тяжелая конница сокрушала любого противника. Непобедимая македонская армия в считанные годы разгромила Персидскую державу и завоевала половину Азии, создав первую всемирную империю...

Эта книга — больше чем просто рассказ о походах Александра Великого. Авторы прослеживают всю военную историю Македонии на протяжении двух столетий — от зарождения армии и государства до его гибели в борьбе с хищным Римом. На сегодняшний день это — самое полное исследование македонского военного чуда, глубокий анализ всех боевых операций, походов и битв Александра и его наследников, подробная летопись становления, возвышения и падения Македонской державы.

УДК 94
ББК 63.3(0)

ISBN 978-5-699-39569-9

© Шауб И. Ю., Андерсен В. В., 2010
© ООО «Издательство «Яуза», 2010
© ООО «Издательство «Эксмо», 2010
© Оформление.
© ООО «Издательство «Эксмо», 2010

Литературно-художественное издание

ВОЙНЫ МЕЧЕЙ

Игорь Шауб, Владимир Андерсен

МАКЕДОНЦЫ В БОЮ

Издано в авторской редакции
Художественный редактор *П. Волков*
Компьютерная верстка *Н. Миронова*
Корректор *Л. Николая*

ООО «Издательство «Яуза».
109507, Москва, Самаркандский б-р, 15.

Для корреспонденции: 127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5.
Тел.: (495) 745-58-23

ООО «Издательство «Эксмо»
127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел. 411-68-86, 956-39-21.
Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

Оптовая торговля книгами «Эксмо»:
ООО «ТД «Эксмо». 142702, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное,
Белокаменное ш., д. 1, многоканальный тел. 411-50-74.
E-mail: reception@eksmo-sale.ru

**По вопросам приобретения книг «Эксмо» зарубежными оптовыми
покупателями обращаться в отдел зарубежных продаж ТД «Эксмо»**
E-mail: International@eksmo-sale.ru

International Sales: International wholesale customers should contact
Foreign Sales Department of Trading House «Eksmo» for their orders
International@eksmo-sale.ru

**По вопросам заказа книг корпоративным клиентам, в том числе в специальном
оформлении, обращаться по тел. 411-68-59 доб. 2115, 2117, 2118.**
E-mail: vipzakaz@eksmo.ru

**Оптовая торговля бумажно-беловыми и канцелярскими товарами для школы
и офиса «Канц-Эксмо»:** Компания «Канц-Эксмо»: 142700, Московская обл., Ленин-
ский р-н, г. Видное-2, Белокаменное ш., д. 1, а/я 5. Тел./факс +7 (495) 745-28-87
(многоканальный), e-mail: kanc@eksmo-sale.ru, сайт: www.kanc-eksmo.ru

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» для оптовых покупателей:

В Санкт-Петербурге: ООО СЗКО, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е.
Тел. (812) 365-46-03/04. **В Нижнем Новгороде:** ООО ТД «Эксмо НН», ул. Маршала
Воронова, д. 3. Тел. (8312) 72-36-70. **В Казани:** Филиал ООО «РДЦ-Самара»,
ул. Фрезерная, д. 5. Тел. (843) 570-40-45/46. **В Самаре:** ООО «РДЦ-Самара»,
пр-т Кирова, д. 75/1, литера «Е». Тел. (846) 269-66-70.

В Ростове-на-Дону: ООО «РДЦ-Ростов», пр. Станки, 243А. Тел. (863) 220-19-34.
В Екатеринбурге: ООО «РДЦ-Екатеринбург», ул. Прибалтийская, д. 24а.
Тел. (343) 378-49-45. **В Киеве:** ООО «РДЦ Эксмо-Украина», Московский пр-т, д. 9.
Тел./факс (044) 495-79-80/81. **Во Львове:** ТП ООО «Эксмо-Запад», ул. Бузкова, д. 2.
Тел./факс: (032) 245-00-19. **В Симферополе:** ООО «Эксмо-Крым», ул. Киевская,
д. 153. Тел./факс (0652) 22-90-03, 54-32-99. **В Казахстане:** ТОО «РДЦ-Алматы»,
ул. Домбровского, д. 3а. Тел./факс (727) 251-59-90/91. rdc-almaty@mail.ru

Подписано в печать с готовых диапозитивов 14.12.2009.
Формат 84x108^{1/32}. Гарнитура «Гарамонд». Печать офсетная.
Бум. тип. Усл. печ. л. 15,96. Тираж 3000 экз.
Заказ № 4002033

Отпечатано в ОАО «Нижполиграф»
603006, Нижний Новгород, ул. Варварская, 32.

ISBN 978-5-699-39569-9

В IV веке до н.э. случилось одно из тех военных чудес, что определяют ход истории. На протяжении жизни всего одного поколения дикая и нищая Македония, дотоле прозябавшая на краю цивилизованного мира, неожиданно для всех превратилась в сильнейшее государство Европы, объединив под своим началом всю Грецию. Этим возвышением Македония была обязана настоящей революции в военном деле, совершенной Филиппом II, отцом великого Александра. Вооруженная *сариссами* македонская фаланга обрела невиданную мощь, а отборная тяжелая конница сокрушала любого противника. Непобедимая македонская армия в считанные годы разгромила Персидскую державу и завоевала половину Азии, создав первую всемирную империю...

Эта книга — больше чем просто рассказ о походах Александра Великого. Авторы прослеживают всю военную историю Македонии на протяжении двух столетий — от зарождения армии и государства до его гибели в борьбе с хищным Римом. На сегодняшний день это — самое полное исследование македонского военного чуда, глубокий анализ всех боевых операций, походов и битв Александра и его наследников, подробная летопись становления, возвышения и падения Македонской державы.

ISBN 978-5-699-39569-9

9 785699 395699 >